

Джейн Остин

МЭНСФИЛД-ПАРК

Джейн Остин

Мэнсфилд-парк

«Седьмая книга»

1814

Остин Д.

Мэнсфилд-парк / Д. Остин — «Седьмая книга», 1814

«Мэнсфилд-Парк» – шикарная загородная резиденция сэра Томаса Бертрама. В этом бастионе британской аристократии 18 века проживает его семья. И здесь же воспитывается Фанни Прайс, бедная родственница Бертрамов. Умная и прилежная, она лишена материнского тепла и заботы, и по-настоящему дружна только со своим кузеном Эдмундом. Через несколько лет Фанни превращается в очаровательную девушку и должна решить: выбрать ли ей благополучие или последовать зову сердца...

© Остин Д., 1814

© Седьмая книга, 1814

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	67
Глава 13	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джейн Остин

Мэнсфилд-парк

Глава 1

Примерно тридцать лет назад мисс Мария Уорд из Хантингдона, имея состояние всего в семь тысяч фунтов, очаровала Томаса Бертрама, хозяина большого поместья, носившего название Мэнсфилдский Парк, графство Нортгемптон. В результате мисс Уорд стала женой баронета со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мария имела в своем распоряжении прекрасный дом и весьма солидные доходы мужа. Весь Хантингдон рукоплескал удачливой леди, и даже ее родной дядя-адвокат умудрился каким-то образом оторвать от племянницы три тысячи с наследства.

У Марии было две сестры, которые, как считалось, должны были постараться нагреть руки, используя положение новоиспеченной леди Бертрам. И что интересно – действительно, одна из сестер в скором времени вышла замуж за местного священника и доброго друга сэра Томаса. Хотя по красоте она не уступала Марии, все же считала свой брак менее удачным. К сожалению, в мире очень мало богатых мужчин и слишком много приятных женщин, которые готовы выскочить замуж. Прошло всего шесть лет, и она сумела обворожить преподобного мистера Норриса. Никакого блистательного будущего, разумеется, сестричке не предвиделось. Тогда сэр Томас решил помочь своему другу и обеспечил его доходом в Мэнсфилдском парке размерами чуть менее тысячи фунтов в год. Зато третья сестра не придумала ничего лучше, как выйти замуж за лейтенанта – человека без образования, и – что самое страшное – без нужных связей! Этим она, конечно, подвела семью и немного подпортила репутацию предков. Конечно, баронет мог бы постараться и обеспечить несчастную сестру доходами или, по крайней мере, процентами, но только военная профессия ее муженька никоим образом не благоприятствовала этому. Пока distinguished сэр Томас раздумывал, как бы помочь несчастной родственнице, сестры успели рассориться. Разумеется, Мария так и не смогла примириться с тем, что ее родная сестра столь неблагоприятно вышла замуж. Подумать только! Выбрать в супруги какого-то лейтенанта!

Поэтому миссис Прайс никогда не писала сестрам после замужества, а леди Бертрам, будучи женщиной тихой и чересчур спокойной, не стала тревожиться о судьбе сестры и тоже сочла нужным отказаться от всяческой переписки. Она просто-напросто забыла о существовании миссис Прайс и занималась своими делами.

Зато не успокоилась миссис Норрис и отписала сестре очень длинное и обидное письмо, где, как смогла, разнесла несчастную миссис Прайс за ее недостойный поступок. В ответ обиженная миссис Прайс, недолго думая, отправила не менее приятное послание. Все кончилось тем, что сэр Томас запретил всяческие отношения между сестрами, чтобы не опозориться самому перед целым городом.

Дома их находились далеко друг от друга и так как сестры не имели общих знакомых, то, следовательно, не могли даже слышать друг о друге или интересоваться событиями, происходившими в их семьях. Так прошло одиннадцать лет. Правда, миссис Норрис иногда все же умудрялась выяснить кое-что о жизни несчастной сестры, и к ужасу сэра Томаса время от времени злобным голосом ехидно сообщала, что у миссис Прайс, оказывается, родился очередной ребенок.

Однако по истечении этих долгих одиннадцати лет плодовитая миссис Прайс решила наступить на горло собственной гордости, так как сестры были единственной родней, способной ей хоть чем-нибудь помочь. Дело в том, что семейство Прайс продолжало увеличиваться,

дети рождались чуть не каждый год, а доходы, наоборот, почему-то уменьшались. Муж миссис Прайс был отстранен от службы за пристрастие к спиртному, и надежды на дальнейшее продвижение постепенно угасли.

Тогда, вздохнув, миссис Прайс все же сочинила длинное и слезливое послание леди Бертрам, где в подробностях рассказала о своей печальной судьбе, не забывая через строчку вспоминать о прежней счастливой дружбе сестер. Ах, как было хорошо им всем вместе тогда и как теперь плохо несчастной миссис Прайс! Она раскаивалась перед леди Бертрам в своем недостойном поведении и в самом конце письма высказала робкую надежду о восстановлении дружбы между сестрами. Предприимчивая миссис Прайс не забыла упомянуть в письме, что готовится в очередной (девятый!) раз стать матерью. Правда, денег на содержание такого выводка у нее совсем нет, и не помогут ли ей любимые сестрички в материальном плане справиться с оравой голодных сорванцов? Старшему сыну исполнилось десять лет, и миссис Прайс весьма прозрачно намекнула, что ребенок этот довольно симпатичный, послушный, и хочет путешествовать, или, по крайней мере, сменить надоевшую обстановку и пожить где-нибудь в другом месте. Она, миссис Прайс, разумеется не против этого, но для здесь опять же нужны деньги! А у сэра Томаса были владения в Вест-Индии, поэтому, может быть, он захватил бы с собой и этого смекалистого мальчугана? Или, вероятно, почтенный сэр Томас пристроит мальчика в своем городском доме? Впрочем, миссис Прайс согласна на любые условия, лишь бы сестры помогли ей и ее сыну.

И ее план прекрасно сработал. Письмо полностью восстановило теплые дружеские отношения между сестрами. Сэр Томас посылал ответные заверения в том, что при первой же возможности, разумеется, подыщет для сына миссис Прайс подходящее выгодное местечко, и действительно тут же принялся за дело. Леди Бертрам регулярно переправляла сестре деньги и в придачу множество пеленок и другого детского белья, а растроганная миссис Норрис неустанно строчила письма.

Так действовало послание миссис Прайс. Но это еще не все. Прошел год, и внезапно миссис Норрис объявила, что несчастная миссис Прайс так и не выходит у нее из головы, и богатые сестры, разумеется, были просто обязаны еще каким-то образом помогать ей. Миссис Норрис долго раздумывала, как лучше это сделать и что предпринять, и неожиданно пришла к выводу, что старшие сестры должны были забрать к себе хотя бы одного ребенка миссис Прайс и таким образом облегчить жизнь многодетной матери.

– Послушайте меня, – заявила миссис Норрис, обращаясь к супругам Бертрам. – Давайте заберем к себе старшую дочь миссис Прайс. Девочке уже девять лет, и она находится в таком возрасте, что ей надо уделять побольше внимания, чем это может себе позволить наша сестра. Я думаю, такой благородный поступок не сравнится с теми деньгами, которые мы отдаем Прайсам. Тем более, девочка, находясь в атмосфере дружбы и благожелательности, сама будет потом благодарна нам за душевную теплоту и заботу.

Леди Бертрам тут же согласилась с сестрой.

– Как я сама до этого не додумалась! – радостно воскликнула она. – Давайте так и поступим. Надо срочно послать за девочкой.

Однако сэр Томас не мог столь безответственно сразу же поддержать свою супругу. Для этого требовалось тщательно обдумать каждую мелочь. Ребенку надо было предоставить все необходимое, не ущемляя ее ни в чем, иначе благородный поступок мог обернуться элементарной жестокостью. Ведь они собираются оторвать девочку от родителей, братьев и сестер – а это дело весьма ответственное. К тому же у Бертрамов было своих четверо детей – двое сыновей и две дочки. Особенно волновали сэра Томаса мальчики. Ведь сколько раз ему приходилось слышать о страстной любви, возникающей между двоюродными братьями и сестрами!

Высказав свои сомнения вслух, сэр Томас хотел выиграть время и отложить принятие окончательного решения, но тут в разговор снова вступила неугомонная миссис Норрис:

– Дорогой мой сэр Томас! – начала она. – Я прекрасно понимаю ваши отцовские чувства и ценю вашу предусмотрительность. Это делает вам честь. Разумеется, взять ребенка в дом – дело весьма ответственное, и мы должны позаботиться о нем, ничего не упустив при этом из виду. Могу уверить вас, что я также не отказываюсь от девочки и готова принять самое активное участие в этом благородном деле и обеспечить бедному ребенку поддержку в жизни. У меня нет своих детей, поэтому дети моих сестер стали для меня самыми дорогими существами. Вы же знаете, что я не стану бросать слова на ветер. Неужели задуманный нами прекрасный поступок так и не свершится из-за какого-то пустяка? Не надо ничего бояться. Мы дадим девочке образование и выпустим ее в мир полноценным человеком. Вот увидите, после этого она нам уже ничего не будет стоить. Не превратится же это бедное создание в пиявку, которая станет тянуть из нас деньги всю жизнь! Это же наша племянница. Сэр Томас, вы только представьте, сколько преимуществ сразу появятся у девочки, если мы возьмем ее сюда. Конечно, она наверняка не такая красивая, как ваши дочери и уж, разумеется, не настолько умна. Вот вы волнуетесь за своих сыновей. А вдруг кто-то из них умудрится полюбить свою кузину! Уверю, этого не произойдет, и даже не забивайте себе этим голову. Какой вздор! Допустим даже, что наша племянница недурна собой. А теперь вообразите, что Том или Эдмунд увидят ее первый раз лет, этак, через семь. Вот тогда у нас бы появился повод для беспокойства. Подумайте сами. Бедняжка росла вдалеке от своих кузенов в бедноте. Что хорошего она вообще видела в жизни? А тут перед ее глазенками являются два юных красавца! Лично я бы на ее месте из кожи бы лезла вон, но влюбила бы в себя, по крайней мере, одного из них. Но если они встретятся сейчас, то будут считать себя как бы одной семьей, и для ваших мальчиков кузина станет родной сестрой. Да будь она прекрасна, как ангел, это уже не имеет никакого значения.

– В ваших словах много правды, – согласился сэр Томас. – И все же хочу сказать еще вот о чем. Мы должны позаботиться и о своей репутации. Ведь мы не только делаем добро миссис Прайс, но одновременно обязаны следить и за собой. А вдруг с девочкой что-то произойдет? Короче говоря, мне кажется, рядом с ней, по крайней мере, на первых порах, должен постоянно находиться кто-то из женщин. И потом – мало ли как сложатся обстоятельства в дальнейшем? Надо подумать и об этом. Я считаю, что следует подыскать для нее достойную даму, которая в случае чего могла бы стать надежной подругой для нашей племянницы.

– Абсолютно согласна с вами, – заявила миссис Норрис, – вы как всегда, заботливы и благородны! Думаю, с этим никто спорить не станет. Что касается ваших опасений, могу сказать следующее. Хотя я никогда не видела эту девочку и не испытываю к ней и сотой части той любви, как к вашим милым чадам, тем не менее я не собираюсь смотреть на бедняжку свысока. Ни в коем случае! Все, что зависит от меня, я согласна делать ради дочери моей родной сестры. Но дело в том, что я не смогу дать ей слишком многого. А как я стану смотреть в ее глаза и чувствовать, что девочка пребывает в постоянной нужде? Но любезнейший сэр Томас! Как бы не была я бедна, никогда не откажу своей племяннице в куске хлеба. Пусть даже мне придется туговато, я смогу отказать себе в самом необходимом! Если вы не возражаете, я завтра же напишу письмо миссис Прайс. И как только девочка будет готова переехать к нам, я лично доставлю ее в Мэнсфилдский Парк. Вам не придется ничего для этого делать. Уверю, что все будет в полном порядке. Ради этого я пошлю свою Нэнни в Лондон. Кстати, у нее там есть какая-то родня, где она сможет переночевать, и Нэнни встретится там с девочкой. Я думаю, до Лондона Прайсы уж как-нибудь свою дочь довезут сами. Или в крайнем случае попросят присмотреть за ней в пути кого-нибудь из своих друзей, отправляющихся в столицу.

С этим сэр Томас спорить не стал. Теперь, казалось, главная проблема была решена, и оставалось лишь продумать мелочи. Было обговорено, что все расходы сэр Томас берет на себя, исходя из своего положения и богатства. Что касается миссис Норрис, то у нее было ни малейшего намерения делиться с девочкой своими деньгами или имуществом. Она всегда славилась

либеральными взглядами и готова была совершать благородные поступки хоть каждый день. Или, по крайней мере, говорить об этом. Миссис Норрис умела разрабатывать безумнейшие планы и любила это делать, но любовь к деньгам превосходила даже эту ее страсть. Так как миссис Норрис вышла замуж не столь удачно, как Мария, то и доходы ее были гораздо меньше. Поэтому миссис Норрис с самого начала стала наводить экономию везде и во всем, стараясь уберечь каждый пенс. То, что поначалу можно было принять за благоразумие и осторожность, постепенно превращалось в откровенное скряжничество. Во многом этому способствовало и то, что у Норрисов не было детей и, соответственно, не на кого было особенно и тратиться. Впрочем, даже себе миссис Норрис не позволяла никаких роскошеств, не говоря уже о бедном супруге-священнике.

Поэтому становится понятным, отчего миссис Норрис сочла в тот же день свою долю участия в головокружительном предприятии выполненной. Ведь это именно ей пришлось в голову совершить акт благотворительности! Мало того, миссис Норрис даже предложила свои услуги по доставке ребенка в Мэнсфилдский Парк. И этого вполне достаточно. Теперь же, возвращаясь к себе домой, она была счастлива и горда собой. И хотя миссис Норрис не слишком любила свою младшую сестру, но чувствовала себя сейчас самой лучшей тетей во всем мире.

Когда на следующей день все трое встретились снова, леди Бертрам задала неуместный вопрос. Наивная Мария почему-то решила, что миссис Норрис будет принимать участие в воспитании девочки, и поэтому поинтересовалась:

– Послушай, сестрица, а к кому сначала поедет жить наша племянница – к тебе или к нам?

Миссис Норрис, как можно спокойней, объяснила Бертрамам свои взгляды по этому вопросу, и тогда уже удивился сам сэр Томас. Он тоже считал, что девочку, безусловно, должна была забрать себе миссис Норрис. Так как у нее не было собственных детей, племянница скрасила бы одинокую жизнь своей тетушки и превратилась бы для нее в отличную компаньонку. Как же он заблуждался!

– Об этом не может быть и речи! – твердо заявила миссис Норрис и презрительно фыркнула. – Вы, я надеюсь, не забыли, как страдает от подагры мистер Норрис! Если бы не это, я, возможно, со временем и согласилась бы взять к себе ненадолго племянницу. Но только не теперь. Несчастный мистер Норрис чувствует себя отвратительно, и любой шум может спровоцировать приступ мигрени. Никаких детей в нашем доме быть не должно. Если я просто скажу ему об этом, мой муж ужасно расстроится. Представляете, что после этого может с ним произойти! Нет, нет и еще раз нет.

– Тогда пусть живет у нас, – едва сдерживаясь, процедила леди Бертрам.

– Да, пусть наш дом станет для нее родной обителью, – с достоинством добавил сэр Томас. – Мы со своей стороны сделаем все, чтобы девочка стала счастлива. К тому же, здесь у нее будет с кем общаться. Всегда приятно играть со своими сверстниками. Да и гувернантка у нас неплохая – так что в нашем доме она сможет продолжить свое образование. Все даже к лучшему.

– Вот именно! – поддержала сэра Томаса обрадовавшаяся миссис Норрис. – Вы правильно все подметили! А для мисс Ли все равно, сколько девочек обучать – двух или трех, верно? Жаль, что от меня теперь будет мало помощи, ведь я почти все время провожу с бедным мистером Норрисом! Однако я сдержу свое обещание и отправлю Нэнни за девочкой. Конечно, мне придется трудновато без нее целых три дня, но ничего, постараюсь сама управиться с домашними делами. Сестрица, я думаю, лучше всего поселить девочку в мезонине, там, рядом с бывшими детскими спальнями. Подумай сама: она будет жить рядом с мисс Ли, недалеко от твоих дочерей и заодно по соседству со служанками. А те уж помогут ей с одеждой и научат, как надо правильно одеваться, и все такое прочее. Кстати, другого подходящего места ты и сама не сможешь придумать.

Леди Бертрам не стала протестовать.

– Я надеюсь, что племянница наша тихого нрава и девочка послушная, – продолжала миссис Норрис. – В любом случае, она должна понимать, что мы для нее сделали, и вести себя прилично. Надеюсь, так оно и будет.

– Если она окажется чересчур уж строптивой, – заговорил сэр Томас, – мы не сможем разрешить ей жить в нашем доме ради блага собственных детей. Но не надо так плохо думать о нашей племяннице! Мы ведь ее даже еще не видели, а начинаем предполагать самое дурное. Впрочем, вполне естественно, что она будет сильно отличаться от наших детей. Но я думаю, со временем пройдет и это. Разумеется, она может быть дурно воспитана, невежественна и так далее. Но вы учтите, в каких условиях она жила! Я думаю, все это поправимо и не опасно для ее кузенов и кузин. Если бы она была старше моих дочерей, то я бы серьезно задумался над нашим планом. Но так как она младше их, то и тут особо бояться нечего и моим девочкам не грозит ее дурное влияние.

– Совершенно справедливо! Как верно замечено! – заявила миссис Норрис. – А знаете, что я сегодня сказала своему мужу? Что если даже мисс Ли не сможет ничему обучить нашу племянницу, это сделают юные леди Бертрам. Ваши милые девочки научат ее всему, что знают сами. Надо только почаще разрешать им быть вместе.

– Надеюсь только, что она не будет мучить моего мопса, – вздохнула леди Бертрам. – Не далее как сегодня мне пришлось серьезно поговорить с Джулией по этому поводу. Она совсем затискала бедняжку!

– Тут есть вот еще какая трудность, – серьезно проговорил сэр Томас. – Надо объяснить нашим девочкам, чтобы они не унижали кузину и не насмехались над ней. Это очень важно. Ведь племянницу легко ранить и оттолкнуть, а тогда нам придется долго расхлебывать их ошибку. С другой стороны, надо серьезно обдумать, как лучше объяснить мисс Прайс, что она хотя и живет в нашем доме, но все же не является членом нашей семьи. Она не мисс Бертрам. Пусть все три девочки играют вместе. Это само собой разумеется. Я хочу, чтобы они подружились и уважали друг друга. Но они не равны по положению, и это надо как можно тактичней объяснить всем трем. Их права и перспективы на будущее весьма различны. Я надеюсь, миссис Норрис, что вы поможете нам решить этот деликатный вопрос.

Миссис Норрис, разумеется, высказала свое горячее желание, оказать любую услугу, касающуюся консультаций и советов, после чего выразила свои надежды на прекрасное будущее всех трех девочек.

– Я уверена, что вы, дорогой сэр Томас, и моя любимая сестра, легко справитесь и сами в этом деле, – неожиданно добавила она.

После этого миссис Норрис отправилась домой и тут же отписала миссис Прайс письмо. Та была чрезвычайно удивлена предложением сестер. Ей показалось странным, что они выбрали девочку, когда среди Прайсов было так много чудесных мальчиков. Однако, как и предполагалось, миссис Прайс с удовольствием приняла это предложение и сразу же сочинила ответ. В своем письме она сообщила, что девочка ее тихая, спокойная и очень дружелюбная. Правда, она не отличается крепким здоровьем, но, тем не менее, миссис Прайс возлагала большие надежды на то, что сменив обстановку, дочка начнет быстро поправляться и набирать силы. Бедная наивная женщина! Она полагала, что смена обстановки может действовать положительно на всех без исключения детей.

Глава 2

В Нортгемптон девочка добралась без приключений. Тут ее встретила радостная миссис Норрис. Она упивалась сознанием того, что будет первой, увидевшей племянницу. Таким образом, миссис Норрис могла произвести на девочку самое благоприятное впечатление и заранее подготовить ее ко встрече с другими родственниками.

Фанни Прайс только что исполнилось десять лет. Конечно, красавицей назвать ее было нельзя, но и уродкой тоже. Во всяком случае, тетушкам нечего было стыдиться своей племянницы. Правда, для своего возраста девочка была довольно маленького роста, но весьма симпатичная, скромная и немного застенчивая.

Супруги Бертрам встретили племянницу доброжелательно. Увидев, как пугается девочка незнакомой богатой обстановки в доме, сэр Томас старался изо всех сил казаться простым и веселым. Он шутил, бодрился и был на редкость радостным от того, что, наконец, увидел Фанни. Леди Бертрам, наоборот, не стала рассыпаться в бесконечных приветствиях, а только молча улыбалась и, таким образом, понравилась Фанни даже больше дядюшки.

Все дети Бертрамов были дома и по очереди знакомились с гостьей. Фанни совсем растерялась от такого внимания к собственной персоне. Правда, мальчики вели себя достойно, как и подобает юным джентльменам – ведь одному из них было семнадцать, а другому шестнадцать лет. Сестры Бертрам, привыкшие к бесконечным комплиментам, без стыда и совести принялись разглядывать простенькое платье Фанни, чем окончательно смутили свою кузину.

В общем, все семейство понравилось Фанни. Мальчики были хорошо воспитаны, девочки блистали красотой, к тому же младшая была всего на два года старше самой Фанни. Джулии Бертрам исполнилось двенадцать, а Марии – тринадцать лет, и поэтому девочка надеялась в самом ближайшем будущем сдружиться со всеми сразу. Но сейчас Фанни растерялась и чувствовала себя брошенной и одинокой на фоне столь счастливой дружной семьи. Как ни старалась она казаться спокойной, но в сердце ее таилась печаль. Она боялась тут всего, стеснялась своих манер и одежды и самое главное – с первой минуты уже начала скучать по дому.

По дороге из Нортгемптона миссис Норрис прожужжала племяннице все уши о том, насколько хорошо будет ей в поместье, как она должна быть благодарна своим родственникам и какое замечательное будущее ее ожидает. Так что теперь маленькая Фанни чувствовала себя обязанной быть счастливой. К тому же сказалось и долгое путешествие, столь непривычное для девочки. Она устала и буквально валилась с ног, поэтому все старания Бертрамов произвести благоприятное впечатление на девочку оказались для нее слишком утомительными. Леди Бертрам даже позволила Фанни посидеть с ней на диване и погладить мопса, сэр Томас произносил длинные красивые речи, а миссис Норрис продолжала разглагольствовать на тему благодарности к родственникам. И даже огромный пирог с крыжовником теперь не мог произвести должного эффекта. Девочка лишь попробовала его и попросила разрешения отдохнуть. И только в своей новой комнате, оставшись совсем одна, упала на кровать и разрыдалась.

– Да уж, начало что-то не слишком обещающее, – проворчала миссис Норрис, как только Фанни вышла из гостиной. – И это после всего того, что я успела рассказать ей в дороге. А ведь я предупреждала, что первое впечатление очень многое значит. Надеюсь, она не замкнутая и не угрюмая, как ее мамочка. Впрочем, надо быть к ней немного снисходительными. Она, в конце концов, не виновата в том, что воспитывалась в таком доме. Думаю, она очень скоро поймет разницу.

Но понадобилось много времени, чтобы объяснить Фанни это различие. И хотя все старались быть к ней добры, никому и в голову не приходило расспросить ее о том, что печалит маленькое сердечко и почему так сильно переживает девочка, даже сменив бедное жилище на настоящее дворянское поместье.

На следующий день, в воскресенье, сестры Бертрам решили поближе познакомиться с Фанни и уделить ей побольше времени. Но из этого ничего путного не вышло. Сначала сестрички искренне удивлялись тому, что, оказывается, у Фанни всего два платья, и она не знает ни слова по-французски. Затем все перешли в гостиную, где Джулия и Мария потрясли кухню игрой на фортепьяно в четыре руки. После этого сестры расщедрились до того, что подарили кухне несколько своих наименее ценных игрушек, которые им самим уже давно наскучили. И в довершение всего оставили ее одну, а сами занялись своим любимым занятием – изготовлением цветов из бумаги и лоскутков материи.

Фанни чувствовала себя одинокой и никому не нужной буквально везде – и в гостиной, и на занятиях, и в аллеях парка. И неважно – были ли рядом в это время Джулия с Марией или нет. Ее пугало и молчание леди Бертрам, и строгие взгляды сэра Томаса, и особенно угнетали постоянные упреки и выговоры миссис Норрис. Сестры Бертрам смеялись над ее маленьким ростом и, может быть, излишней скромностью. Мисс Ли издевалась над ее невежеством, а служанки презрительно фыркали, завидев Фанни в ее простенькой одежде. Если сюда еще добавить воспоминания девочки о своих собственных братьях и сестрах, для которых она была авторитетом, нянькой и помощницей, легко можно представить, в каком отчаянии и тоске пребывала сейчас маленькая мисс Прайс.

Величие и роскошь дома потрясли ее, но не успокоили. Комнаты казались огромными залами, и от этого сама Фанни чувствовала себя еще меньше, и она не ходила по ним, а буквально перемещалась, боясь дотронуться до мебели. Она старалась побольше оставаться в своей комнатухе и плакать в одиночестве. И каждый вечер та самая девочка, которая, по предположению взрослых, должна была ощущать себя счастливейшим существом, заползала под одеяло и, уткнувшись лицом в подушку, рыдала до тех пор, пока сон не одолевал ее. Так прошла целая неделя, и ничего бы не изменилось, но, как-то раз, кузен Эдмунд застал Фанни, плачущей прямо на ступеньках мезонина.

– Милая кухня, – ласково заговорил он, – что произошло? – Фанни не отвечала, а только всхлипнула и закрыла лицо руками. Тогда Эдмунд присел рядом с ней на ступеньки и, стараясь не обидеть девочку, начал расспрашивать ее, пытаясь добраться до сути. – Может, ты заболела? Я надеюсь, тебя никто не обидел? А может, ты просто поссорилась с Марией или с Джулией? А если ты расстроилась из-за того, что не поняла что-то из уроков, то я с радостью объясню тебе все, что пожелаешь... Короче, если от меня что-то зависит, и я смогу помочь, то скажи – и я к твоим услугам.

Девочка продолжала плакать, иногда бормоча лишь: «Нет-нет, ничего не надо», но Эдмунд проявил упорство и настойчивость и продолжал искать причину ее горя. Наконец, он заговорил о бывшем доме Фанни и, когда она разрыдалась, сразу понял, что наконец-то докопался до истины. Он только вздохнул, покачал головой и принялся, как мог, утешать кухню.

– Если ты скучаешь без мамы, – серьезно заговорил он, – это только значит, что ты – хорошая дочь. Но не забывай, что теперь ты с нами – а мы тоже твои родственники, и не такие уж дальние. Ну, перестань плакать и пошли, прогуляемся по парку. А там ты мне все расскажешь про своих братьев и сестер. Пошли?

Фанни утерла слезы, и, улыбнувшись, кивнула. Из ее слов Эдмунд понял, что кухня любила все свое семейство, но один из братьев был ей особенно дорог. Звали его Уильям, и Фанни по нему очень сильно соскучилась. Он – самый старший – был, кроме того, постоянным участником и заводилой во всех их играх. Уильям сильно переживал, узнав, что сестра уезжает из дома и сокрушался по поводу того, что теперь они увидятся нескоро.

- И это все? – засмеялся Эдмунд. – Но ведь он тебе обязательно напишет, глупенькая.
- Да, но только он попросил, чтобы первой написала ему я, – призналась Фанни.
- И когда ты собираешься это сделать?
- Не знаю, – смутилась девочка. – У меня даже бумаги нет...

– Если дело только за этим, то можешь не огорчаться. Я дам тебе и бумагу и все, что попросишь. Можешь написать Уильяму хоть сейчас... Ну как, ты немного повеселела?

– Конечно.

– Тогда не будем терять времени. Пойдем в столовую, я тебе все принесу, и мы прямо там напишем послание твоему Уильяму.

– Но, кузен, а как же я отправлю его на почту? – заволновалась Фанни.

– Не беспокойся и об этом. Оно будет отослано с другими письмами. Кстати, твой дядя имеет некоторые привилегии, и письмо будет доставлено бесплатно.

– Мой дядя? – испуганно воскликнула Фанни.

– Да, как только ты все напишешь, я сразу же отнесу письмо отцу, и он все сделает.

Девочка спорить не стала и молча проследовала за кузенком. В комнате они расположились за удобным столом, и Эдмунд разлиновал для Фанни несколько листов бумаги, стараясь делать это как можно тщательнее. Он присел рядом с кузиной, и пока она сочиняла письмо, помогал ей и подсказывал правописание слов, когда девочка просила его об этом, чинил перья, а в конце пожелал, чтобы она передала Уильяму привет от него, и вложил в конверт целую гинейю. Это поразило Фанни больше всего, и ей почудилось, что Эдмунд, наверное, был самым добрым человеком во всем мире. Она не могла выразить свое восхищение словами, но глядя на ее благодарное счастливое лицо, Эдмунд понял, насколько кузина ему признательна. Он ясно видел, что это забитое несчастное существо готово раскрыться каждому, кто будет с ним справедлив и ласков. Ведь девочка по своей натуре была восприимчивой и нежной, надо было только найти к ней верный подход. Да, Эдмунд не обижал ее, и никто в семье не хотел обидеть мисс Прайс. Но только этого оказалось мало. Немного подумав, Эдмунд решил, что недостаток душевного тепла заставляет кузину страдать и сознавать свою ненужность в их доме. Значит, теперь от него зависело очень многое. И он решил взять Фанни под свое покровительство, а заодно, поговорить с сестрами относительно их к ней отношения.

С этого дня Фанни почувствовала себя почти счастливой. Она поняла, что в лице кузена Эдмунда приобрела настоящего друга, и его доброта делала чудеса. Изменились отношения со всеми обитателями Мэнсфилдского Парка. Да и сам парк стал казаться более дружелюбным, и если она еще с кем-то не слишком ладила, то по крайней мере начала понимать, как нужно себя вести и что именно говорить в присутствии того или иного человека. Постепенно запуганность ее исчезала, девочка стала уверенней в манерах и теперь спокойно смотрела в глаза дядюшке и даже перестала вздрагивать, когда слышала резкий голос миссис Норрис. Сестры Бертрам начали чаще приглашать ее поиграть с ними. И хотя продолжали смотреть на нее свысока (ведь она была и младше и ниже их не только ростом, но и по происхождению), тем не менее, некоторые игры требовали наличия третьего участника. И особенно было приятно, что этот третий – послушный и уступчивый, в отличие от самих сестер. А если тетюшка спрашивала их о Фанни, они непременно отвечали:

– Это милое и доброе создание, миссис Норрис, мы на нее ничуть не обижаемся.

Эдмунд был очень добр к Фанни, а что касается его старшего брата Тома, то и его можно было легко понять. Юноше было уже семнадцать лет, и он вступал во взрослую жизнь. Теперь его заботили лишь деньги и развлечения. Но и он не ущемлял свою кузину и даже время от времени преподносил ей подарки, не забывая, однако, иногда и подшутить над ней. Впрочем, такое отношение сама Фанни считала вполне естественным – ведь для него она была лишь ребенком.

Эти перемены в поведении и настроении Фанни немного успокоили и сэра Томаса, и миссис Норрис. Они с облегчением вздохнули – дела, кажется, пошли на лад. А раз так, то теперь, решили взрослые, Фанни не доставит им никаких хлопот. Правда, они забыли позаботиться о том, чтобы побольше узнать о ее способностях. Девочка умела писать, читать и работать, и больше ее ничему не учили. А сестры Бертрам продолжали твердить о том, что

их кухня весьма глупа и не знает элементарных вещей, которые ими самими были пройдены уже давным-давно. В течение первых двух или трех недель они вбегали в гостиную, оглашая ее громкими криками, и тут же сообщали родителям о невежестве Фанни.

– Мамочка, ты только послушай! – начинала Мария. – Наша кухня не может перечислить главные реки России! Она никогда не слышала, что такое Малая Азия! А еще она не знает, чем отличается пастель от акварели! Правда, странно? Вот никогда бы не подумала, что бывают такие глупые девочки...

– Дорогая моя, – успокаивала ее тетушка, – не надо так волноваться. Это вы у нас очень умные и сообразительные, поэтому тебе и кажется, что Фанни недостаточно развита.

– Да нет же, вы не понимаете, – не успокаивалась Джулия, перехватывая эстафету у сестры. – Она на самом деле очень недалекая. Вот вчера вечером, например, мы спросили ее, как от нашего поместья легче всего добраться до Ирландии, так она ответила, что надо обязательно обогнуть остров Уайт. Причем никаких других островов, как мы выяснили, она просто не знает. Когда мне было столько же лет, я это уже давно знала. Я помню, как мы учили всех английских королей, и годы их восшествия на трон и еще про то, чем они знамениты!..

– А еще всех римских императоров, – подхватывала Мария. – И не только это! Мы знаем всю языческую мифологию, все планеты солнечной системы и самых известных древних философов!

– Конечно-конечно, – тут же соглашалась миссис Норрис. – Но у вас замечательная, я бы даже сказала, исключительная память. А у вашей бедной кухни, может быть, вообще никакой памяти нет. Некоторые люди хорошо запоминают все, что им говорят, а у других в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Не надо так расстраиваться. Пожалейте ее, она ведь такая несчастная! И не забывайте, что если вы так много знаете, то должны вести себя немного поскромнее. И еще одно: на свете остается слишком много того, о чем вы и не слышали – ваше обучение только начинается!

– Да, я знаю, – важно заметила Мария. – Нам надо успеть выучить все, пока не исполнилось семнадцать лет. Но я хочу еще сказать, что Фанни глупа не только поэтому. Она не желает учиться, ни рисовать, ни играть на фортепьяно!

– С этим я соглашусь, – кивнула миссис Норрис. – Это действительно настоящая глупость. Но, с другой стороны, для того, чтобы преуспеть в искусстве, одного желания бывает, как правило, недостаточно. Тут необходим талант или, по крайней мере, некоторые способности. Благодарите небо, что вам послали таких родителей, как папа и мама. И вот еще что. Не стоит так переживать, что Фанни не может состязаться с вами ни в науках, ни в искусстве. Не забывайте, что вы – будущие леди Бертрам, так что это даже лучше, что между вами и кухней существует некоторое различие.

Такие разговоры были не редкостью в Мэнсфилдском Парке, и тетушка день ото дня читала подобные лекции сестрам. Что касается их образования, то отец, точно не зная, что именно пригодится в дальнейшем его дочерям, велел обучать их всему, чему только можно. Кроме, наверное, сердечной доброты и понимания человеческой души. Сам он был по натуре сдержанным, и хотя искренне любил всех своих детей, внешне это ничем не проявлялось. Это сказывалось и на сестрах Бертрам, которые, в свою очередь, тоже не решались вешаться на шею отцу и не приставали к нему с объятиями и поцелуями.

Леди Бертрам, напротив, вовсе не интересовало образование дочерей. У нее просто не хватало на это времени. Целыми днями она подолгу просиживала на диване или занималась художественной вышивкой, создавая никому не нужные и безвкусные произведения. Со стороны казалось, что мопс был ей гораздо ближе и приятней собственных детей. Впрочем, ей было незачем беспокоиться за Марию и Джулию. На это был сэр Томас, миссис Норрис, гувернантка и приходящие учителя. Возможно, если бы ее лишили хотя бы половины этих нянек,

она и обратила бы внимание на то, как и чему учат ее дочек. Что же касается Фанни, то леди Бертрам всегда в подобных случаях отвечала одно и то же:

– Что из того, что она глупа? Не всем же, действительно, блистать умом и сообразительностью. Пожалуй, если это окажется ее единственным недостатком, с ним можно и смириться. Да и нам на руку – была бы умница, глядишь, с годами начала бы и показывать характер. Зато она хорошо помогает по дому, весьма проворна и всегда готова выполнять мои поручения, что бы я ни приказала.

Несмотря на всю «тупость и невежество» девочки, ее решено было оставить в Мэнсфилдском Парке. Как только Фанни поняла это, она начала смотреть по-другому и на поместье, и на свою новую семью, постепенно переставая сравнивать свой бывший дом с Парком, а Бертрамов и миссис Норрис – с собственными родителями, братьями и сестрами. Она понимала, что сестры Бертрам, в общем-то, неплохие девочки, и теперь пыталась подделываться под них. Когда же они особенно высокомерно обращались с ней, она не выказывала своего недовольства, а терпела насмешки молча, понимая, что не имеет никакого права выражать здесь свое мнение.

Сразу после того, как Фанни переехала жить в поместье, леди Бертрам начала испытывать легкие недомогания. Ее постоянная праздность также послужила поводом к тому, чтобы той весной леди Бертрам осталась жить за городом, а не уехала в город, как это повторялось из года в год. Сэру Томасу пришлось одному уехать в столицу, где он был занят своими парламентскими делами, и хотя это создавало для него некоторое неудобство, противиться супруге он не стал. За городом семейство продолжало чувствовать себя превосходно. Сестры Бертрам играли на фортепьяно в четыре руки, пели хором, подрастали и постепенно превращались в красивых стройных девушек. Поэтому сэру Томасу нечего было волноваться о том, как семейство справится в Мэнсфилдском Парке без него. Вот разве что старший сын вел себя несколько развязно и беззаботно, но остальные дети считались образцом воспитанности и послушания. Сэр Томас не мог нарадоваться на дочерей и считал, что пока они носят фамилию Бертрам, они этим только облагораживают ее, а, выйдя замуж, смогут стать достойными избранницами для благородных молодых людей. Что касается Эдмунда, то предполагалось, что с его честным и прямым характером он наверняка заслужит любовь и доверие людей, и поэтому должен стать священником.

Оставаясь довольным своими собственными детьми, сэр Томас не забыл, однако, и о детях миссис Прайс. Он помогал им получить образование и готов был содействовать и в поиске подходящего местечка, как только сыновья миссис Прайс вырастут. И хотя Фанни была оторвана от семьи, она всегда с благодарностью смотрела на сэра Томаса, когда узнавала, что он пересылает деньги семье Прайс и заботится о том, чтобы ее родные братья как можно выгодней устроились на интересную работу. Только один раз за все время ей удалось свидеться с Уильямом. Остальные, кажется, и не вспоминали о ней и даже не надеялись, что она вернется назад или хотя бы приедет ненадолго погостить. Когда Уильям подрос, он решил стать моряком. Но перед тем, как отправиться в море, он попросил разрешения навестить сестру и приехал в Нортгемптоншир на целую неделю.

Фанни не поверила своему счастью. Как же они радовались, увидев, наконец, друг друга! Они не могли наговориться – то смеялись, то вдруг становились серьезными, то вспоминали детские забавы, то начинали обсуждать планы на будущее. Но Фанни переживала оттого, что теперь Уильям уедет надолго, и они встретятся только через несколько лет. К счастью, это случилось перед самым Рождеством, и дома был кузен Эдмунд. Он познакомился с Уильямом, а потом рассказал Фанни, что тот ему очень понравился и доходчиво объяснил, что Уильям может сделать блестящую карьеру и поэтому ему необходимо зарекомендовать себя на корабле и в работе.

И хотя Эдмунд уехал учиться в Оксфорд, он остался преданным другом Фанни. Теперь, во время их редких встреч он снова и снова доказывал свою привязанность и доброту. Каждый раз он, стараясь не задеть нежных чувств Фанни, учил ее преодолевать застенчивость, быть уверенной в себе и справедливой к другим.

И хотя одной такой поддержки было маловато, чтобы Фанни смогла почувствовать себя равноправным членом семьи, все же ей было приятно. Эдмунд стал как бы символом ее собственного счастья. Тем более, что кузен знал о пристрастии Фанни к чтению и, помогая ей в выборе книг, таким образом, следил и за ее образованием. Мисс Ли обучала Фанни французскому и наблюдала за тем, чтобы девочка успевала проходить параграфы по истории. Эдмунд же подбирал для кузины такие книги, которыми кузина наслаждалась в свободное время. Но она не просто заглатывала ту информацию, которую доносили до нее эти книги. Потом вместе с Эдмундом они обсуждали прочитанное. Кузен помогал ей учиться рассуждать над поступками героев, делать собственные выводы, прививая чувство прекрасного. И она платила ему искренней любовью. Пожалуй, больше Эдмунда на всем свете она любила только Уильяма, и теперь ее сердце разрывалось между ними.

Глава 3

Первым знаменательным событием в жизни семейства была смерть мистера Норриса. Он скончался, когда Фанни исполнилось пятнадцать лет. Несомненно, это привело к значительным переменам в жизни всех обитателей Мэнсфилдского Парка. Миссис Норрис пришлось переехать из дома священника сначала в Парк, а потом занять небольшой домик в селении, принадлежащем сэру Томасу. Она, конечно, горевала об утрате, но очень скоро поняла, что сможет запросто обходиться и без дражайшего супруга. Правда, теперь доходы ее значительно уменьшились, и это означало, что она должна была навести в своем хозяйстве строжайшую экономию.

По всем законам теперь дом приходского священника должен был занять Эдмунд. Если бы мистер Норрис скончался несколькими годами раньше, то сэр Томас поселил бы в нем другого священника до наступления того времени, когда Эдмунд бы подрос и сам получил духовное звание. Но все сложилось иначе. Старший сын баронета Бертрама Том вел себя настолько безнравственно и распутно, что Эдмунду частенько приходилось расплачиваться за него и регулярно помогать брату деньгами. Впрочем, сэр Томас успел обо всем позаботиться и держал для Эдмунда еще одно местечко, однако на этот раз он решил не открывать своих карт, а пользуясь моментом, лишний раз пристыдить Тома. Возможно, он надеялся таким образом наставить сына на путь истинный.

– Я краснею за тебя, Том, – начал баронет, стараясь говорить медленно, с чувством собственного достоинства. – Ведь именно из-за тебя Эдмунд не сможет сейчас переехать в дом приходского священника, и, соответственно, лишается права на все доходы. Представляешь, какого состояния ты лишил собственного брата! Мне больно и стыдно сознавать это. Я надеюсь, что в дальнейшем мне удастся найти ему другое, столь же выгодное место. А может быть, и ты сам поможешь, в свою очередь брату, если, конечно, вовремя спохватишься и возьмешься за голову. А пока что он должен страдать за твое безрассудство.

Том молча выслушал эту тираду. Он стоял перед отцом, опустив глаза и не смея вставить ни слова, а только думая о том, когда же кончится все это мучение. Наконец лекция была закончена и, выйдя из комнаты, Том облегченно вздохнул. Он-то знал, что многие его друзья залезли в долги куда серьезней, чем он сам. К тому же юноша втайне надеялся, что преемник мистера Норриса, глядишь, в ближайшем будущем тоже отправится на тот свет, и тогда все образуетса само собой.

Но на место мистера Норриса пришел некий доктор Грант, цветущий мужчина сорока пяти лет. Это несколько расстроило молодого Бертрама. Однако, приглядевшись к нему получше, Том снова повеселел. «Ничего страшного, – решил он, – парень он, как видно, не дурак выпить, а при такой толстой шее недолго допить и до апоплексического удара. Что я, надеюсь, и случится в ближайшем будущем. Так что унывать пока рановато».

В Мэнсфилд доктор Грант переехал со своей женой, которая была лет на пятнадцать его моложе. Детей Гранты не имели, и в округе их приняли тепло и радушно, очень скоро оценив их скромность и добропорядочность.

Теперь, как надеялся сэр Томас, наступила очередь миссис Норрис поучаствовать в воспитании племянницы. Несчастливая вдова осталась одна-одинешенька, и ей конечно, как нельзя кстати была нужна живая родная душа в доме. К тому же, Фанни подросла и ни о каком шуме и игрищах не могло быть и речи. Помимо всего прочего, у сэра Томаса дела в Вест-Индии пошли на редкость плохо. Доходы его поубавились, да и расточительность старшего сына не замедлила сказаться на благосостоянии семьи. Поэтому было бы весьма кстати, отдать Фанни в дом миссис Норрис, чтобы хоть как-то залатать дыры в семейном бюджете. Поэтому сэр Томас, пого-

ворив об этом с женой, попросил ее как можно тактичнее объяснить всю ситуацию девушке. И при первой же встрече с Фанни, леди Бертрам тут же заговорила с ней о наболевшем:

– Итак, Фанни, теперь ты будешь жить в доме своей тетушки и моей сестры миссис Норрис. Тебе придется уехать из этого дома. Что ты на это скажешь?

– Уехать из этого дома... – как эхо промолвила обескураженная Фанни, еще не совсем понимая, что происходит.

– Да, дорогая, – подтвердила леди Бертрам. – А почему, собственно, тебя это так удивило? Ты живешь у нас уже пять лет, а миссис Норрис с самого начала мечтала забрать тебя к себе, но не смогла это сделать только из-за больного супруга. Теперь, когда его больше нет, ничто ей не помешает исполнить свое желание. Но ты все равно будешь обязана приходить сюда и помогать мне с вышиванием, когда мне это будет нужно.

Это было настолько неожиданно и неприятно, что Фанни некоторое время стояла молча, не зная, как реагировать и что она должна в таком случае отвечать. Она никогда не испытывала ни малейшей симпатии к миссис Норрис, потому что не получала от нее ни единого намека на любовь или хотя бы сочувствие.

– Мне... мне очень жаль оставлять этот дом, – чуть слышно проговорила она.

– Я понимаю тебя. И твои чувства вполне естественны. Конечно, ты будешь скучать без нашего дома, ведь здесь тебя никто никогда не обижал, верно? Мы всегда любили тебя и старались сделать все, что только от нас зависело.

– Я благодарна вам за это, – скромно ответила Фанни и опустила голову.

– Ну, вот и правильно. Я всегда считала тебя хорошей и послушной девочкой.

– И я никогда уже сюда не вернусь? – дрожащим голосом произнесла Фанни.

– Никогда, дорогая, – подтвердила леди Бертрам. – Но я уверена, что в доме миссис Норрис тебе будет так же, уютно и спокойно. Впрочем, какая тебе разница, где именно жить – в ее доме или в этом?

Не чувствуя под собой ног, Фанни выбежала из комнаты. Ей хотелось расплакаться прямо здесь, в коридоре. Она не могла себе представить, как будет жить с тетушкой и как изменится теперь вся ее судьба. Руки ее дрожали, и она с трудом соображала, куда идет. Неожиданно навстречу ей вышел Эдмунд. Ему-то она и выложила все, что ей только что сказала леди Бертрам.

– Кузен, – начала она, не зная, как сообщить ему страшную новость. – Скоро произойдет что-то ужасное и непоправимое. Но я не хочу, чтобы это происходило. Помогите мне, подскажите, что делать. Ты всегда учил меня не торопиться и стараться смириться с вещами, которые я не могу никак изменить. Но с этим смириться просто невозможно. Эдмунд, меня переселяют к тетушке Норрис. Теперь я уеду от вас и буду жить с ней. И так будет всегда.

– В самом деле? – воскликнул Эдмунд.

– Да, и мне только что сказала об этом леди Бертрам. Они уже обо всем договорились. Я уезжаю из Мэнсфилдского Парка, и теперь буду жить вместе с миссис Норрис в особняке. Он называется Белый Дом. Наверное, сразу же после того, как она окончательно перевезет туда свои вещи.

– Да что ты, Фанни! И ты называешь это плохой новостью? По-моему, это даже замечательно!

– Замечательно? Да как ты можешь так говорить? Почему?

– Подумай сама. Только не торопись. Тетушка права, что хочет видеть тебя рядом с собой, – попытался объяснить суть дела Эдмунд. – Ей нужен настоящий друг и верная компаньонка. А то, что она выбрала именно тебя, только подтверждает, что это произошло от чистого сердца, а не из-за денег. Ты сможешь сделать для нее все, и тогда она не будет чувствовать себя одинокой. Надеюсь, ты не слишком огорчена этим, Фанни?

– Еще как! Мне это совсем не нравится. Я люблю этот дом и все, что с ним связано. И никакой другой дом мне не сможет стать настолько же родным, как ваш. К тому же, ты сам прекрасно знаешь, что в компании тетушки я чувствую себя скованно и неуверенно.

– Это правда. Но уж таков ее характер. Кстати, по отношению к нам она вела себя точно так же, пока мы были детьми. Просто у нее нет своих детей, и она не умеет с ними обращаться. Но теперь ты выросла. Это в корне меняет дело. И если ты станешь заботиться о ней, она быстро поймет, как важно, чтобы вы ладили друг с другом, и что ты для нее очень многое значишь.

– Я не могу значить многого ни для кого на свете, – вздохнула Фанни.

– Почему?

– Потому что я не нужна. Моя глупость, моя неловкость мешают мне. В конце концов, даже мое положение...

– Не говори ерунды. Что касается глупости и неловкости, то ты неправильно подбираешь слова. У тебя нет ни того ни другого. Зато есть доброе сердце, скромность и старательность во всем, за что бы ты ни взялась. Ты откликаешься на любую просьбу и всегда готова помочь ближнему. Поэтому лучшей компаньонки для своей тетушки я и пожелать бы не мог.

– Ты слишком добр ко мне, – заметила Фанни и покраснела, услышав такую похвалу в свой адрес. – Не знаю, как и благодарить тебя за добрые слова. Если мне действительно суждено уехать отсюда, я все равно буду помнить тебя до конца своих дней.

– Ну что ты, Фанни... Белый Дом не за горами. Ты говоришь так, словно собралась уезжать за двести миль. А ведь Белый Дом совсем близко – только перейти через парк. И мы будем встречаться каждый день. Единственное, что может измениться (заметь: к лучшему!) так это то, что ты действительно станешь заметной фигурой и самостоятельным человеком. Теперь тебе представится масса возможностей отличиться и проявить себя. А ведь ты это можешь, поверь мне! Здесь нас было очень много, и ты становилась незаметной. А там вас будет двое – только ты и тетушка, и тебе уже придется самой все решать за себя в случае чего.

– Не говори так, мне уже страшно!

– Ничего страшного в этом нет, но предупредить тебя я был просто обязан. К тому же, миссис Норрис сейчас более подходит для тебя, чем моя мать. Вот увидишь, эта энергичная женщина еще докажет, что способна на многое ради того, кого любит и ценит.

– К сожалению, мне все это видится совершенно в другом свете, – вздохнула Фанни. – Хотела бы я думать так же, как и ты. Но все равно спасибо за то, что ты попытался успокоить меня. Может быть, я действительно напрасно так беспокоюсь. Как было бы здорово, если бы твои слова оказались правдой, и я стала нужна хоть кому-нибудь. Здесь я никто, но все равно горячо люблю и сам дом и тех, кто в нем живет. Всех без исключения. Я не представляю себе, как буду жить в другом месте.

– Место еще не значит все, Фанни, – продолжал Эдмунд, становясь серьезным. – И тем не менее, ты меняешь только дом. Парк остается в твоём распоряжении, как и раньше. Помни об этом. Ты сможешь ходить по тем же аллеям и любоваться теми же деревьями и цветами. Ты будешь брать книги в той же библиотеке, и кататься на той же лошади.

– Да, это так, – кивнула девушка. – Да, на моем милом сером пони. Дорогой кузен! Мне сейчас даже смешно вспомнить, как я боялась, первый раз сесть в седло! Я начинала дрожать, когда за столом только начинали говорить о лошадях! А помнишь, как потом ты долго убеждал меня, что ничего страшного в этом нет, надо просто попробовать, и мне очень понравятся прогулки верхом. Ты оказался прав. И теперь я верю в тебя, и надеюсь, что и последнее твое пророчество сбудется.

– Я уверен, что общение с миссис Норрис будет так же полезно для твоего ума, как и прогулки для твоего здоровья, – улыбнулся Эдмунд. – А все вместе сделает тебя счастливой.

Так закончился их разговор, который, хоть и помог Фанни немного успокоиться, как выяснилось позднее, был совершенно излишним, поскольку миссис Норрис не имела ни малей-

шего намерения забирать девушку к себе. Оказалось, именно сейчас она меньше всего нуждалась в обществе Фанни, и никоим образом не собиралась даже разговаривать об этом с Бертрамами. Однако объясниться ей все же пришлось. Вот тут выяснилось, что Белый Дом, к сожалению, хоть и является одним из самых вместительных зданий в Мэнсфилде, все же недостаточно велик для того, чтобы миссис Норрис взяла к себе Фанни. Его едва хватало для нее самой и ее слуг. К тому же, у миссис Норрис всегда пустовала одна комната, которую она берегла для своей будущей подруги. Так было всегда, и хотя в прежнем доме не было никакой необходимости иметь пустую комнату, теперь это стало делом первой важности. Миссис Норрис надеялась когда-нибудь найти себе компаньонку, и возможно эта пресловутая комнатка и ввела в заблуждение несчастного сэра Томаса. Он почему-то подумал, что мисс Норрис подготавливает ее для Фанни. Леди Бертрам ничего не подозревала о намерениях своей сестры, и поэтому при первой же встрече начала без лишних предисловий:

– Как ты думаешь, сестрица, может быть, нам уволить мисс Ли? Ведь когда Фанни переедет к тебе, мисс Ли станет нам не нужна.

От неожиданности миссис Норрис вздрогнула.

– Господи Боже мой, дорогая моя, что ты имеешь в виду? Я, кажется, слышалась.

– А разве ты не забираешь Фанни? – в свою очередь удивилась леди Бертрам. – Мне показалось, что вы уже обо всем договорились с сэром Томасом.

– Мы?! Никогда. Он даже не заикался об этом. А уж я тем более. Фанни переезжает ко мне! Меньше всего мечтала об этом! Да и кому только такое могло прийти в голову! Боже мой! Зачем мне нужна Фанни? Мне – несчастной одинокой вдове, которая ни на что не пригодна и ничего не умеет сама. Я тоскую по безвременно ушедшему мужу, а она полна жизни и энергии – ведь ей всего пятнадцать лет. В таком возрасте надо жить и наслаждаться жизнью. Ей нужны веселье и развлечения. Я думаю, сэр Томас поймет меня правильно. Мы с ним старинные друзья. И если он желает мне добра, то никогда не позволит этому случиться. Как получилось, что он сказал тебе об этом?

– Не знаю. Может, ему показалось, что так будет лучше для вас обеих.

– Но что именно он сказал? – настаивала миссис Норрис. – Неужели таково было его желание? Не могу поверить!

– Да нет же, он просто предположил, что по всей вероятности, ты этого захочешь. Честно говоря, я и сама так подумала. Мы сочли, что тебе сейчас нужно успокоиться, чтобы побыстрее позабыть о своем горе. Но если ты против, то давай не будем больше поднимать эту тему. Пусть Фанни остается с нами, она нам вовсе не в тягость.

– Милая сестра! – воскликнула миссис Норрис. – Ты только вдумайся внимательно – ведь я одинокая несчастная вдова! Как в моем состоянии можно обрести покой? Я лишилась любимого мужа, я растратила свое здоровье, ухаживая за ним день и ночь. Теперь ничто в этом мире меня не радует. Возможно, когда-нибудь позже я поделюсь своим горем с другой женщиной, но в нынешнем состоянии я не могу взять к себе Фанни. Я не имею права мучить эту бедную девушку. Тем более, что сейчас она счастлива с вами. Я же обречена на одиночество и буду сама сражаться со своими горестями и заботами.

– И тебя не страшит такое одиночество?

– Дорогая леди Бертрам! А кому я нужна? Правда я держу свободную комнату для компаньонки, но уже не верю, что мне удастся найти подходящую подругу. В конце концов, будет даже логично закончить свой земной путь затворницей. Теперь единственное, о чем я молю Господа, так это о том, чтобы он не оставил меня и чтобы я могла хоть как-нибудь сводить концы с концами. Больше мне ничего уже не нужно.

– Я думаю, сестрица, что ты сгущаешь краски, – заметила леди Бертрам. – Во всяком случае, сэр Томас сказал, что ты будешь получать шестьсот фунтов в год.

– Леди Бертрам, я ни на что не жалуюсь. Я знаю, что прежней жизни уже не вернуть и мне придется теперь экономить буквально на всем. Ну что ж, я постараюсь перестроиться. Я всегда была щедра в расходах и не скупилась ни на что, теперь придется немного попридержаться себя и смириться с моим нынешним положением. Все изменилось, и мои доходы в том числе. Мистер Норрис был прекрасным священником, такого уже не отыщешь. Но ты даже не представляешь, сколько всего мы получали от посторонних людей, от случайных гостей, равно как и потчевали их, когда простые прихожане приходили к нам, чтобы побеседовать с преподобным мистером Норрисом! В Белом Доме все будет уже по-другому. И теперь мне самой придется следить за каждым пенсом, чтобы не разориться окончательно. Но я надеюсь, что очень скоро привыкну к этому и даже в конце каждого года смогу немного откладывать себе на старость.

– Даже не сомневаюсь. Мне помнится, так было всегда, если не ошибаюсь.

– Совершенно верно. Но ты же не станешь осуждать меня за это. Я забочусь не только о себе, но и о тех, кто будет жить после меня. Я имею в виду твоих детей, дорогая. Поэтому, чем богаче буду я, тем выгодней будет и им. Конечно, многого я дать не смогу, но и тем крохам, я полагаю, они будут рады.

– Ты очень добра, сестра, – улыбнулась леди Бертрам. – Но только не надо так ущемлять себя и заботиться о них. Мне кажется, сэр Томас сам сумеет обеспечить их будущее.

– Не надо загадывать, дорогая. Я знаю, что дела на Антигуа у сэра Томаса не так и хороши. А кто знает, что может произойти в дальнейшем?

– Ну, с этим вопросом он тоже разберется в скором времени. Он сейчас как раз активно переписывается с местным управляющим.

– Ну что ж, – произнесла миссис Норрис и поднялась со стула. – Я счастлива помочь вашей семье, чем только смогу. Однако если сэр Томас вдруг снова заговорит о Фанни, скажи ему, милая, что ее переезд пока невозможен. Я нахожусь в весьма стесненных условиях и в мрачном расположении духа. Кроме того, мне просто некуда ее поселить, потому что я должна оставить свободную комнату для своей возможной будущей компаньонки.

Леди Бертрам довольно подробно передала весь разговор сэру Томасу, чтобы тот уже не имел никаких иллюзий по поводу судьбы Фанни. Баронет только удивлялся на миссис Норрис – почему эта странная женщина так упорно отказывается от своей племянницы и не хочет и пальцем пошевелить, чтобы хоть как-то ей помочь. Самое удивительное заключалось в том, что именно миссис Норрис, так страстно желающая взять Фанни, теперь наотрез отказывалась от нее, изобретая все новые и новые причины.

Фанни, узнав о том, что ей не придется никуда уезжать, настолько обрадовалась, что тут же побежала делиться своей радостью с Эдмундом. Кузен был немного расстроен поведением тетушки и никак не мог понять, почему она отказывается от помощи Фанни.

Итак, все оставалось по-прежнему, кроме, разве что, переезда миссис Норрис в Белый Дом, а Грантов в дом приходского священника. Жизнь на некоторое время в Мэнсфилде потекла спокойно.

Гранты оказались довольно тихими и общительными людьми. Они с радостью принимали у себя гостей и заводили все новые знакомства в округе. Однако и у них были свои недостатки, как выяснила вездесущая миссис Норрис. Доктор любил хорошо покушать, и каждый день наедался до отвала, не отказывая себе ни в чем. А миссис Грант вместо того, чтобы снизить расходы, платила повару такую же высокую зарплату, как и в Мэнсфилдском Парке, что было уж совсем возмутительно. Миссис Норрис негодовала и с презрением сообщала, сколько масла и яиц потребляется семьей Грантов.

– Я сама люблю изобилие и гостеприимство, – ворчала она, жалуясь на доктора и его женушку. – И терпеть не могла скряжничества, но то, что делают они – просто уму непостижимо! Да, в нашем доме тоже часто бывали гости и мы ни на что не скупились – но не до такой же степени! И потом, миссис Грант просто недостойна занять место, которое раньше по праву

принадлежало мне. Вы только посмотрите на нее! Да я уверена, что если хорошенько копнуть ее, то окажется, что все ее состояние оценивается в пять тысяч фунтов, не более того!

Леди Бертрам молча выслушивала подобные тирады, не придавая им особого значения и не вступая ни в какие дискуссии с сестрицей. Однако сама она считала, что вся беда миссис Грант заключается лишь в том, что той удалось очень ловко пристроиться в жизни, не обладая при этом особой красотой. Правда, леди Бертрам говорила об этом кратко, не распространяясь так, как это любила делать миссис Норрис.

Эти разговоры и обсуждения длились около года, а потом произошло еще одно важное событие, и о Грантах временно позабыли. Дела на Антигуа шли настолько плохо, что сэр Томас решил, в конце концов, сам отправиться в Вест-Индию, чтобы побыстрее все уладить и разобраться на месте. Он прихватил с собой и старшего сына, полагая, что таким образом отвлечет его от бесконечных развлечений, а заодно и приучит к работе. Предполагалось, что они будут отсутствовать где-то около года.

Продумав еще раз столь серьезный шаг, сэр Томас не отступился от своего решения. Денежная проблема встала очень серьезно, и ему пришлось оставить дочерей одних в самое ответственное в их жизни время. Правда, он надеялся на их благоразумие и на положительное влияние леди Бертрам, а особенно, миссис Норрис. К тому же дома оставался Эдмунд, и поэтому сэр Томас отбыл в Вест-Индию со спокойной душой.

Леди Бертрам ничуть не огорчил отъезд мужа. Она не волновалась ни за его безопасность, ни за то, что ему будет одиноко и грустно вдалеке от дома. Она относилась к той породе людей, которые считают, что все невзгоды могут случаться только с ними самими, минуя при этом всех остальных.

Сестры Бертрам тем более не переживали о том, что не увидят папочку в течение целого года. Как было уже сказано, они не питали особой любви к отцу, а поскольку он никогда не одобрял их увлечения светскими балами, то и Мария, и Джулия только радовались тому, что освободятся от постоянного контроля. Теперь они расправили крылышки и были вольны делать все, что только им заблагорассудится. Фанни также не расстроилась от того, что не сможет видеть сэра Томаса за столом. Но только она ничем не показала своего отношения к его отъезду, а не горевала лишь потому, что, наверное, просто не умела еще по-настоящему горевать. Ей показалось смешным и нелепым, если бы она вдруг в день отъезда бросилась к сэру Томасу на грудь и разрыдалась, причитая что-нибудь вроде: «Ах как я люблю вас! Вы сделали для меня и моих братьев столько добра! Как я боюсь за вас! А вдруг вы не вернетесь!».

Правда, за завтраком перед отплытием, сэр Томас обратился к Фанни и сказал, что не возражает, если Уильям приедет навестить ее зимой.

– Напиши ему, малютка, и когда он будет в Англии, пусть заедет и поживет здесь недельки две, – заявил баронет и улыбнулся. Фанни тут же растаяла, и хотела было сердечно поблагодарить сэра Томаса, но не успела и рта раскрыть, как тот продолжил свою речь: – Кстати, если он все-таки приедет в Мэнсфилд, ты ему скажи, что все те годы, пока ты живешь у нас, не прошли даром, и ты успела измениться в лучшую сторону. Правда, во многом осталась такой же, как и шесть лет назад, – вздохнул сэр Томас.

Лишь дядюшка уехал, Фанни убежала к себе в комнату и расплакалась, вспомнив эти слова. Когда позднее Джулия и Мария заметили ее красные глаза, то тут же дружно объявили ее лицемеркой.

Глава 4

Том Бертрам последнее время появлялся дома довольно редко, поэтому по нему в Парке никто и не скучал. Через несколько дней после отъезда мужа леди Бертрам поняла, что они могут вполне обойтись и без самого сэра Томаса. Выяснилось, что Эдмунд прекрасно справляется сам со всеми домашними делами. Он не хуже отца распоряжался поместьем, решал все проблемы с управляющим, адвокатом и слугами и даже помогал матери писать и отправлять письма.

Спустя некоторое время пришло известие о том, что путешественники благополучно добрались до Вест-Индии. Правда, перед этим миссис Норрис неустанно напоминала всем о штормах и кораблекрушениях, опасаясь за сэра Томаса и племянника. Особенно любила она распространяться о кошмарах морских путешествий Эдмунду и, улучив момент, когда тот был совсем один, подолгу рассказывала о страшных событиях и катастрофах, в которых неплохо разбиралась. Но как только радостная весть была получена, миссис Норрис пришлось сменить тему и отложить свои заготовленные надгробные речи на неопределенный срок.

Потом наступила зима. Сэр Томас регулярно отписывал супруге, сообщая о всех своих делах. В Парке жизнь шла своим чередом. Миссис Норрис настолько увлеклась устройством будущего своих племянниц, что перестала бранить несчастную миссис Грант и переживать за уехавших на Антигуа родственников. Теперь она охотно посещала балы с юными сестрами Бертрам, тщательно подбирала им наряды и выискивала подходящих мужей для Марии и Джулии.

Девушки уже выезжали в свет и чувствовали себя уверенно на балах в обществе местных красоток. Они успели овладеть искусством кокетничать и поддерживать светские беседы, так что могли покорить любого понравившегося им холостяка. А тетушка, неизменно сопровождавшая сестер на балы, могла преподнести гостям своих протеже как первых красавиц и умниц во всей округе. В результате создавалось впечатление, будто Мария и Джулия вообще не имеют недостатков.

Леди Бертрам не выезжала в свет с дочерьми. Она была чересчур ленива для этого, и ее даже не прельщало то обстоятельство, что на балах в основном теперь только и говорили о красоте и уме Марии и Джулии. Вместо этого леди Бертрам возложила свою обязанность на сестру, и миссис Норрис с удовольствием чуть не каждый день отправлялась на балы со своими подопечными. Здесь она узнавала последние новости из жизни дворянства, и к тому же ей не приходилось тратить на наемный экипаж.

Фанни, разумеется, не принимала участия в подобных развлечениях. Но она была признательна и за то, что по вечерам ей было дозволено составлять компанию тетушке. С тех пор как мисс Ли уехала из Мэнсфилда, леди Бертрам могла проводить вечера только с Фанни, поскольку все остальные отправлялись на вечеринки. Фанни подолгу разговаривала с тетушкой, слушала ее, читала вслух, и такие спокойные вечера благотворно действовали на разум девушки. Привыкшая к постоянным волнениям и тревогам, теперь она наслаждалась тишиной, имея собеседницей лишь леди Бертрам. Что касается балов, то Фанни прекрасно понимала, что ей никогда не придется даже одним глазком взглянуть на это чудо, и поэтому довольствовалась рассказами кузин о том, кто с кем танцевал и каких девушек в этот раз приглашал на вальс Эдмунд. В целом зима для Фанни прошла спокойно, и хотя Уильям так и не приехал в Англию, она продолжала надеяться, что, возможно, он даст о себе знать в самом ближайшем будущем.

Наступила весна, которая принесла Фанни беду. Умер ее любимый серый пони, и девушка долго горевала, поскольку успела привязаться к умному животному. Она так расстроилась, что даже не выходила к завтраку несколько дней. Впрочем, дело усугублялось еще и тем, что, привыкшая к утренним прогулкам, девушка теперь лишилась их, похоже, навсегда.

Обе тетушки решили, что незачем покупать для Фанни новую лошадь, поскольку она всегда может попросить для прогулки лошадей у своих кузин, пока они не катаются сами. Но тут выяснилось, что и Мария, и Джулия весь день напролет только и делали, что ездили верхом, и поэтому каждый раз отказывали кузине.

Так прошли апрель и май. Несчастливая Фанни осталась одна. Она либо сидела дома с одной тетушкой, либо, стиснув зубы, прогуливалась по парку с другой. Леди Бертрам считала, что физические упражнения вредны для организма в любом их виде, и предпочитала вообще не передвигаться, уютно устроившись на диванчике с вышиванием, а миссис Норрис, вечно о чем-то спорившая, напротив, не могла усидеть на месте, а находилась в постоянном движении и желала, чтобы при этом рядом с ней находился еще кто-нибудь.

Эдмунда, к сожалению, в это время не было дома, иначе несчастье Фанни не длилось бы столь долго. Когда он вернулся и внимательно выслушал кузину, он принял решение, о котором тут же сообщил матери. «У Фанни должна быть своя лошадь!» – твердо заявил он. Но матери было лениво заниматься этим вопросом, а тетушка берегла каждый пенс и не стала бы разрешать леди Бертрам так тратиться на племянницу. Миссис Норрис решила, что для Фанни сойдет и какая-нибудь старая кляча из тех, что находятся в Парке, либо можно иногда одалживать лошадь у управляющего, или у доктора Гранта брать его чудесного пони, на котором доктор отвозил почту. При этом миссис Норрис недвусмысленно дала Эдмунду понять, что не пристало Фанни равняться с дочерьми барона и иметь собственную верховую лошадь.

– Твой отец, Эдмунд, – добавила она, – вряд ли одобрил бы такое расточительство. Посмотри, сколько денег тратится на конюшню. Тем более не следует забывать, мой мальчик, что дела у барона идут не слишком удачно. Неизвестно, что станет с поместьями на Антигуа. Кстати, он мне когда-то и сам говорил, что ни в коем случае нельзя равнять Марию и Джулию с Фанни.

– У Фанни должна быть своя лошадь, – заупрямился юноша.

Миссис Норрис презрительно фыркнула и не стала продолжать бессмысленный спор. Правда, леди Бертрам, внимательно выслушав сына, согласилась с ним, но попросила подождать возвращения отца, чтобы сэр Томас собственноручно подобрал для племянницы лошадку.

– Вероятно, в сентябре он уже вернется, – сладким голосом добавила леди Бертрам. – Ждать осталось совсем немного. Неужели Фанни не может еще чуть-чуть потерпеть?

Эдмунд, возмущенный поведением тетушки и нерешительностью матери, не мог ждать не то что до сентября, но даже и до следующей недели. Он взвесил все «за» и «против» и пришел к выводу, что покупка новой лошади, скорее всего, расстроила бы отца. Но так как у самого Эдмунда было три собственных коня, это упрощало решение проблемы. Правда, ни один из его рысаков не был пригоден для Фанни, но молодой человек, без раздумья, выменял одного из них на прекрасную кобылку, которую на следующий же день и предоставил в распоряжение кузины.

Фанни, решившая уже, что после своего серого пони не сможет привязаться ни к одной лошади, сразу полюбила это милое существо. Кобыла, похоже, тоже почувствовала ласку своей новой хозяйки. Эта лошадь тем более стала дорога Фанни, что была отдана ей любимым кузенном, и восхищению девушки не было предела. Теперь Эдмунд для Фанни становился идеалом нежности и доброты. Она не знала, как и благодарить его за такую заботу.

Так как хозяином лошади все равно фактически считался Эдмунд, то миссис Норрис не смогла ничего сказать в ответ на такой обмен. Леди Бертрам немного пожурила сына, опасаясь того, что сэр Томас останется недоволен излишней самостоятельностью сына. Но получилось так, что барон не вернулся в сентябре, как это предполагалось и, более того, прислал неутешительное письмо, в котором сообщал, что дела в поместье пошли еще хуже. Поэтому он решил

отпустить Тома в Англию, а сам остался на Антигуа один в надежде все-таки завершить свою миссию.

Том приехал из Вест-Индии отдохнувший и загорелый и сообщил, что отец чувствует себя превосходно. Но миссис Норрис, как всегда, почуяла и здесь неладное. Ей начало мерещиться, что сэр Томас, поняв, что дела его плохи, лишь позаботился о нежных чувствах сына и отправил его домой, чтобы тот не стал свидетелем ужасного разорения и, может быть, даже кончины самого барона. Тоскливыми осенними вечерами в воспаленном мозгу миссис Норрис рисовались страшные картины безысходности и отчаяния, охвативших сознание несчастного сэра Томаса, и поэтому теперь она предпочитала как можно больше времени проводить с родственниками в Парке.

Потом пришла зима, и миссис Норрис немного успокоилась. Теперь главной задачей ее стало пристроить повыгодней старшую племянницу.

– Если бедному сэру Томасу не суждено вернуться на родину, то я, по крайней мере, успокоюсь, сосватав его старшую дочь. Таким образом, я выполню свой святой долг, – важно сообщила она. – Барон был бы счастлив, если бы узнал, что его дочь удачно вышла замуж.

Особенно радовали миссис Норрис богатые молодые люди, унаследовавшие от отцов поместья, а так как Мария славилась красотой, то отбоя от ухажеров у нее не было. Самым выгодным кавалером оказался некий мистер Рашуорт. Он с первого взгляда оценил внешность Марии и поскольку сам собирался жениться, то тут же вообразил, что безумно влюбился в мисс Бертрам. Мистер Рашуорт был грузным молодым человеком и не отличался большим умом, но внешне считался привлекательным и обладал большим состоянием. Поэтому Мария была счастлива своей очередной победой. Мисс Бертрам шел уже двадцать первый год, и поэтому ей надо было срочно выходить замуж. Поразмыслив немного, она пришла к выводу, что мистер Рашуорт был бы идеальной партией, поскольку доходы его были больше, чем у ее отца, и к тому же он имел отличный дом в городе, а это для Марии теперь становилось почти самым важным обстоятельством при выборе будущего супруга.

Миссис Норрис из кожи лезла вон, чтобы ускорить помолвку. Она то и дело рассказывала юноше о достоинствах своей племянницы и старалась подстроить все так, чтобы молодые люди как можно чаще имели возможность уединиться даже на шумном балу. Более того, она подружилась с матерью мистера Рашурта и даже один раз вывезла к ней леди Бертрам, для чего им пришлось проделать долгий путь по бездорожью. Миссис Рашуорт радушно приняла гостей и даже заметила, что среди невест не желала бы для сына никого больше, как прекрасную мисс Бертрам. Женщины поняли друг друга с полуслова. Миссис Норрис вновь принялась расхваливать Марию, называя ее смейной гордостью и мечтой всех молодых людей в округе, словом, ангелом во плоти.

– У моей племянницы очень много поклонников, – добавила она. – Молодые люди так и тянутся к ней. Но я уж постараюсь, чтобы ее сердце завоевал именно ваш сын, миссис Рашуорт. Этот юный джентльмен достоин Марии, поверьте мне.

Протанцевав с мистером Рашуортом несколько вечеров подряд, мисс Бертрам решила, что это и есть верный выбор. Юноша не противился. Вскоре после этого и состоялась официальная помолвка. В отсутствие сэра Томаса было нецелесообразно назначать день свадьбы, и было решено пока с этим подождать. Все знатные семьи округа согласились с выбором молодых людей. Впрочем, уже с самого начала всем почему-то казалось, что помолвка их неизбежна.

Теперь оставалось только ждать согласия сэра Томаса, а на это могло уйти несколько месяцев. Пока что обе семьи регулярно встречались, как самые добрые друзья и будущие родственники, а миссис Норрис при каждом удобном случае сообщала знакомым о счастье, обрушившемся на ее любимую племянницу.

Одному лишь Эдмунду была неприятна эта помолвка, и никакие рассуждения тетушки не могли сбить его с толку. Как ни пыталась миссис Норрис подружить молодых людей, Эдмунд оставался холоден и равнодушен к жениху сестрицы. Но он не ссорился с ним, считая, что Мария сама вправе решать свою судьбу, хотя искренне жалел, что на первом месте у нее все-таки стоят деньги. Смотря на мистера Рашуорта, Эдмунд частенько думал: «Если бы у этого парня не было за душой двенадцати тысяч годового дохода, он считался бы круглым дураком».

Сэр Томас, разумеется, пришел в восторг от помолвки, резонно посчитав ее самой выгодной сделкой, тем более, что все знатные семейства одобряли будущий союз. Молодые люди были одного сословия и жили неподалеку друг от друга, поэтому никаких препятствий на их пути не должно было возникнуть, и свадьбу решили сыграть сразу же по возвращении сэра Томаса. Это было его единственным условием. Баронет писал в апреле и сообщал, что надеется вернуться к концу лета.

Так развивались события в июле, а Фанни шел уже восемнадцатый год. В селении произошло пополнение, к миссис Грант приехали ее сводные сестра и брат, некие мисс и мистер Кроуфорды. Это были богатые молодые люди. Брат имел свое поместье в Норфолке, а у сестры было двадцать тысяч фунтов приданого.

В детстве они жили вместе с миссис Грант и души не чаяли друг в друге. Но потом умерла мать, и Кроуфордов отправили жить к дядюшке, о котором сама миссис Грант почти ничего не знала, а так как она успела к тому времени выйти замуж, то встречи их стали сначала редкими, а потом и вовсе прекратились. Дядюшка – адмирал Кроуфорд – и его супруга обожали детей, и это было единственное, что объединяло их. Во всем остальном они терпеть друг друга не могли и постоянно ссорились. Но вечная война между супругами привела к тому, что и детей им пришлось как бы разделить. Адмирал взял на попечение брата, а тетушка полюбила сестру. После смерти миссис Кроуфорд жизнь для девочки в доме адмирала стала невыносима. Прошло три месяца, и она была вынуждена искать себе новое жилище.

Суровый адмирал вместо того, чтобы стать нежнее к племяннице, привел в дом любовницу, которая тоже невзлюбила девушку, и поэтому мисс Кроуфорд с радостью откликнулась на приглашение миссис Грант погостить у нее в Мэнсфилде. Сама миссис Грант чувствовала себя в Парке несколько одиноко и, не имея детей, всю свою нежность перенесла на цветы и небольшой огород, где выращивала всевозможные овощи. Мисс Кроуфорд с удовольствием собралась в дорогу, надеясь отдохнуть душой в обществе любимой сестры. Единственное, чего опасалась миссис Грант – не будет ли скучновато в деревне юной девушке после столицы с ее бесконечными развлечениями.

Сама мисс Кроуфорд тоже подумывала над этим, но не столь серьезно, как ее сестра. В конце концов ей удалось уговорить брата присоединиться к ней и пожить немного в Мэнсфилде. Оставаться в доме адмирала Генри не собирался после того, как там поселилась любовница дядюшки, а других близких родственников у них не было, поэтому, после недолгих колебаний, он согласился сопровождать сестру в деревню. Правда, он и сам любил шумное общество, и перспектива тихой жизни его не устраивала, он не хотел оставлять Мэри одну и последовал за ней. Однако, как он обещал, Генри был готов увезти ее из Нортгемптоншира в ту же минуту, как только ей там наскучит.

Встреча Грантов и Кроуфордов принесла всем много радости. Миссис Грант не могла налюбоваться на сестру и брата, отметив, что оба повзрослели и стали симпатичнейшими молодыми людьми. Мэри оценила уют и простоту дома Грантов, отметила серьезность и доброжелательность супруга сестрицы – настоящего джентльмена.

Сама Мэри превратилась в настоящую красавицу. Генри, правда, немного проигрывал сестрице во внешности, но тоже был довольно-таки мил и умел держаться в обществе. Миссис Грант без умолку щебетала, восхищаясь сестрой. Сама она никогда красотой не блистала и теперь была счастлива от того, что имеет такую очаровательную родственницу. Но преду-

смотрительная миссис Грант не стала дожидаться, пока Мэри придет в Мэнсфилд, и заранее начала подыскивать для нее жениха. Самой подходящей кандидатурой ей казался Том Бертрам – старший сын баронета. Не прошло и часа после теплой встречи, как миссис Грант выложила свой план перед сестрой.

Мисс Кроуфорд, казалось, ничуть не удивилась такому выбору и не стала сердиться на сестру за ее поспешные приготовления. Напротив, она мечтала побыстрее выйти замуж, а так как уже видела несколько раз мистера Бертрама в городе, то имела о нем некоторое представление. Мэри знала, какие у него доходы, и поэтому оставалось надеяться только на его личные качества, да разве что на дворянский титул в дальнейшем. Мэри попыталась перевести все в шутку, но про себя подумала, что такая партия ее, пожалуй, вполне бы устроила. Вскоре разговор сестер дошел и до ушей Генри.

– И вот еще что, – продолжала неугомонная миссис Грант, – я хочу, чтобы не только Мэри, но и ты, брат, остались в нашем графстве и все мы тогда будем соседями. Поэтому, Генри, ты тоже должен жениться. Я думаю, лучше всего будет младшая сестра Бертрам, Джулия. Она недурна собой, умница, и тоже унаследует от отца некоторое состояние. Как ты на это смотришь?

Но Генри лишь молча поклонился, не зная, что и ответить.

– Милая сестричка, – вступила в разговор Мэри, – если тебе удастся подбить его на такой шаг, я буду крайне удивлена. Я знаю своего братца чуть получше – он не способен на женитьбу. По крайней мере, сейчас. И, тем более что ему предлагается только одна конкретная невеста. Если бы у тебя была дюжина кандидаток, то, возможно, кто-нибудь из них и привлек бы внимание Генри. Хотя и в это мне верится с большим трудом... Если ты хочешь его женить, то ищи француженку, потому что всех англичанок он уже отверг. У меня было три милейших подружки, которые сходили по нему с ума. Между прочим, их матери (все почтеннейшие дворянки!) тоже были не против брака. Как мы с тетусшкой только ни уговаривали его, на какие уловки ни пускались, все тщетно! Нет, ухаживать за девушками он, несомненно, умеет, но на этом его подвиги и заканчиваются. Потому что у него и в мыслях нет найти себе достойную пару и, наконец, остепениться. А пора бы! И если ты не хочешь, чтобы сердце мисс Бертрам было разбито навсегда, ты не допустишь, чтобы эта девушка встретила с нашим братцем.

– Неужели это правда, Генри? – воскликнула миссис Грант. – Никогда не поверю. Помоему, она зря на тебя наговаривает.

– Конечно! Но я надеюсь, сестра, что ты не будешь относиться ко мне так жестоко, как Мэри, – улыбнулся Генри. – Прости мне мои юношеские сомнения и искания. Я еще слишком молод и поэтому боюсь ошибиться в выборе. И к чему такая спешка? Счастье должно длиться всю жизнь, поэтому торопиться тут не следует ни в коем случае. Я положительно отношусь к браку, как и любой здравомыслящий мужчина. Помнишь, как писал Мильтон о жене? Она, по его словам «последний лучший Божий дар».

– Ну вот, миссис Грант, теперь все понятно? – вздохнула Мэри. – Ты только посмотри на его отвратительную ухмылку. А как он жонглирует словами! Нет, уроки адмирала не прошли даром!

– Мне неважно, что говорят молодые люди относительно женитьбы, – продолжала миссис Грант. – Если им не хочется вступать в брак, это только означает, что они не встретили подходящей пары, только и всего.

Доктор Грант засмеялся и поздравил Мэри с тем, что по крайней мере, у нее-то самой с этим все в порядке.

– Да! – воскликнула юная мисс Кроуфорд. – И я этого не стыжусь. А что такого? Если мне встретится достойный молодой человек, я с удовольствием выйду за него замуж. Я считаю, что это долг и обязанность каждой девушки. И чем быстрее, тем лучше, особенно, если этот союз будет основан на взаимности.

Глава 5

Молодые люди понравились друг другу с первой встречи. Все они были милы, общительны и между ними сразу возникла взаимная симпатия. Сестры Бертрам не завидовали красивым девушкам, потому что сами были весьма высокого мнения о собственной внешности. Мэри Кроуфорд понравилась им не меньше, чем их братьям – черноглазая, смуглая, с длинными каштановыми волосами. Будь она блондинкой, как Мария и Джулия, могла возникнуть и конкуренция, но тут ни о каком сравнении не могло быть и речи, поэтому обе мисс Бертрам сразу же успокоились, увидев девушку, совсем не похожую на них самих.

Вот брат Мэри был, конечно, не так красив. Его скорее можно было назвать простоватым. Он был черноволос, с несколько грубоватыми чертами лица, но, тем не менее, настоящий джентльмен, умеющий прекрасно держаться в обществе. И его изысканные манеры тут же расположили к нему обеих сестер. Во время второй встречи выяснилось, что Генри не такой уж и простачок, как могло показаться с первого взгляда. Теперь сестры отметили и приятный овал лица, и безукоризненно белые зубы, и даже крепкое телосложение. После третьей встречи в доме священника, ни о какой простоте уже не было и разговора. Генри, как выяснилось, был самым очаровательным молодым человеком, с которым приходилось общаться сестрам Бертрам, и обе были от него без ума. Но так как Мария официально была уже помолвлена с мистером Ращуортом, следовательно, уже не могла претендовать на его внимание. Джулия прекрасно сознавала это и, понимая, что все права на юношу принадлежат исключительно ей, уже через неделю готова была безумно влюбиться в Генри Кроуфорда.

Однако Мария не собиралась уступать Генри. И хотя все в округе прекрасно знали о ее помолвке, все же свадьбы пока не было, и поэтому она рассуждала так:

– Я еще свободна и имею право обращать внимание на симпатичных молодых людей. Ничего страшного в этом нет. А уж мистер Кроуфорд пусть сам решает, как ему поступить.

Генри, безупречно следуя этикету, ухаживал за сестрами, никому из них не отдавая, однако, предпочтения.

– Мне очень нравятся эти сестрички, – объявил он миссис Грант, проводив обеих мисс Бертрам до экипажа после обеда, – они такие замечательные!

– Мне очень приятно это слышать, – улыбнулась миссис Грант. – Но кажется, Джулия все-таки нравится тебе больше. Гораздо больше.

– Да-да, несомненно, – согласился Генри.

– Правда? А ведь все говорят, что старшая сестра самая красивая во всей округе.

– Наверное, ты права. – Несчастный Генри был готов поддакивать сколько угодно. – Она действительно безупречно сложена, да и лицо у нее куда приятнее. Но все же Джулия в чем-то милее ее. Разумеется, Мария определенно нравится мне больше, но я постараюсь с этим смириться, поскольку ты приказала мне нацелиться на Джулию.

– Я не хочу даже с тобой разговаривать. Но, в конце концов, ты поймешь, что я была права. Джулия как будто была создана специально для тебя.

– Я про это и говорю.

– Кроме того, дорогой братец, Мария Бертрам уже помолвлена. Она сделала свой выбор, и тебе нечего даже приставать к ней со своими ухаживаниями.

– Да, именно это мне и нравится в ней больше всего. Помолвленная женщина всегда находится в выигрыше перед свободной. Так что Мария уже всем довольна и имеет право вести себя естественно. Ей не приходится насильно улыбаться и кокетничать, чтобы очаровать какого-нибудь холостяка. В этом огромное преимущество всех помолвленных женщин. Да и мне легче. Я не буду иметь перед ней никаких обязательств.

– Между прочим, мистер Рашуорт – достойный юноша, – заметила миссис Грант. – И они очень скоро поженятся.

– Но мне кажется, что мисс Бертрам не слишком часто о нем думает. Во всяком случае, ведет она себя довольно свободно. Но меня это не касается. Надеюсь, мисс Бертрам хорошо подумала, прежде чем дала согласие на помолвку.

– Ну что нам с ним делать, Мэри? – воскликнула мисс Грант, обращаясь к мисс Кроуфорд. – Наш брат становится невыносим.

– Я думаю, лучше всего оставить его в покое. Такие разговоры ни к чему не приведут. В конце концов, какая-нибудь девица все равно обведет его вокруг пальца.

– Но я этого не хочу! – возмутилась миссис Грант. – Я не позволю никому одурачить собственного брата! Все должно быть честно.

– Не стоит так переживать, – успокоила сестру мисс Кроуфорд. – Ему это не повредит. Любого из нас одурачивают рано или поздно.

– Но не в браке же, Мэри!

– А в браке особенно, – невозмутимо продолжала мисс Кроуфорд. – Подумай сама, дорогая миссис Грант, и назови хоть одну пару, где оба супруга выиграли от брака и ни один из них при этом не был бы одурачен. Именно на свадьбе и совершаются самые жульнические сделки. А происходит все потому, что человек, решившийся создать семью, требует от своего партнера максимум красоты, ума и состояния, предлагая взамен, как правило, жалкий минимум. Разве не так? Нет, я верю, что исключения существуют, возможно, одно или два на каждую сотню супружеских пар.

– Ну, милочка, вероятно, твоя тетушка преподавала тебе плохие уроки семейной жизни. Надо было тебя давно забрать сюда в деревню. Город действует губительно на молодую душу.

– Моя тетушка, действительно, была несчастлива в браке, – согласилась мисс Кроуфорд. – Но кроме нее у меня есть много примеров, исходя из которых, я могу сделать заключение, что брак – это система уловок и расчетов. Иногда человек, рассчитывающий на какую-то добродетель партнера, сразу после свадьбы сталкивается с такими его пороками, что и сказать страшно. Но уже ничего не поделаешь – приходится смириться. Так как же это назвать, если не обманом?

– Дорогая моя сестричка, уж здесь позволь мне с тобой не согласиться, – возразила миссис Грант. – Если тебя послушать, то получается, что после свадьбы начинается только ужас семейной жизни. Ты односторонне смотришь на этот вопрос. Конечно, потребуется немало времени, чтобы люди привыкли друг к другу, так сказать, притерлись, поскольку мы идеализируем своих любимых еще до свадьбы, а приходится сталкиваться с обыденной жизнью. Но если партнер не обладает каким-то достоинством, на которое мы рассчитывали, мы наверняка отыщем у него массу других – такова человеческая натура. Если стараться больше обращать внимание на хорошее, тогда и в голову не придет, что тебя кто-то обманул.

– Мне остается только позавидовать твоему оптимизму, – улыбнулась Мэри. – Ну что ж, попробую никого не разочаровать и оставаться верной себе еще до замужества. Надеюсь, что и мои друзья не слишком будут меняться после свадьбы.

– Да я смотрю, ты такая же упрямая, как и Генри! Ну, ничего, мы тебя вылечим, и твоего братца тоже. Оставайтесь жить в Мэнсфилде, и вот увидишь – вы оба у меня забудете о своих бредовых заблуждениях.

Кроуфорды с удовольствием приняли предложение остаться. Новый дом Грантов прекрасно устраивал Мэри, да и Генри был не прочь задержаться здесь еще на некоторое время. Если поначалу он намеревался провести в Мэнсфилде лишь недельку, то теперь понял, что воздух здесь здоровый, люди приятные и торопиться ему было, собственно, некуда. Миссис Грант с восторгом сообщила мужу о том, что Кроуфорды остаются у них пожить, и доктор не

протестовал. Общение милой болтушки Мэри доставляло ему удовольствие, а присутствие в доме Генри служило отличным поводом ежедневно распивать кларет.

Мисс Кроуфорд была приятно поражена тем, какое впечатление произвел ее брат на обеих сестер Бертрам. Впрочем, девушки его всегда любили, может быть, не столь открыто и восторженно, но все же... Что касается братьев Бертрам, то они, в свою очередь, тоже сразу же понравились Мэри. Она призналась себе в том, что даже в Лондоне вряд ли можно было бы найти двух столь очаровательных юношей. Старшего она немного знала, встречаясь с ним время от времени на столичных вечеринках. Он и тогда обращал на себя всеобщее внимание, а теперь оказался здесь, буквально под боком. В этом Мэри усматривала перст самой судьбы. Эдмунд был мил и приятен, но не столь эффектен, как Том. К тому же, Том был старшим, и это решало все. Через несколько дней Мэри явно почувствовала, что звездам угодно, чтобы она влюбилась именно в Тома.

Том Бертрам нравился всем. Это был разговорчивый и весьма общительный молодой человек. В обществе он держался с достоинством, но всегда собирал вокруг себя любознательных молодых людей, которым мог поведать о чем угодно и ответить на любой вопрос. Он был весьма популярен в свете. Казалось, что деревенская жизнь ничуть не повлияла на его характер и развитие – он вел себя как самый настоящий столичный джентльмен.

Вскоре мисс Кроуфорд поняла, что они с Томом составят великолепную пару. Раздумывая о достоинствах Тома, Мэри на первое место выдвинула парк – самый настоящий классический английский парк окружностью в пять миль. Сюда можно было добавить просторный современный дом, так удачно расположенный в центре парка и скрытый в зелени деревьев – такому особняку позавидовал бы кое-кто и из королевской семьи! Его только нужно заново обставить, но это придет со временем. У Тома очень милые сестры, тихоня-мать, да и сам он человек приятный во всех отношениях. К тому же в будущем он станет следующим сэром Томасом. Вот только не стоило ему так сильно увлекаться игрой, уж слишком он азартен. Но и с этим можно было бы бороться... Таким образом, Мэри выбрала Тома и теперь, чтобы лучше понять его, стала интересоваться лошадью, на которой Том скоро должен был отправиться в Лондон, чтобы принять участие в ежегодных скачках.

И хотя сами скачки продолжались не слишком долго, зная характер Тома, можно было предположить, что он застрянет в столице на несколько месяцев. Поэтому Мэри должна была действовать активно. Том неоднократно приглашал ее на эти скачки, часто говорил о них и задумал даже устроить вечеринку по поводу своего отъезда, но дальше разговоров дело не пошло, и бедная Мэри пока что оставалась ни с чем.

А что же в это время происходило с Фанни? Как она отнеслась к появлению новых жителей в Мэнсфилде? Казалось, ее мнением вообще никто не интересуется. При случае Фанни могла открыто восхититься красотой мисс Кроуфорд. Что же касается Генри, она старалась помалкивать, потому что до сих пор считала его простоватым, а так как кухни решительно протестовали против этого, не желала им перечить. Такое молчание вызвало недоумение Мэри.

– Я ничего не могу понять, – заявила как-то раз мисс Кроуфорд, прогуливаясь по парку с братьями Бертрам. – Кто такая ваша Фанни? Теперь я имею представление о всех членах вашей семьи, но эта девушка остается загадкой. Она уже принята в свете или еще нет? Так как она обедает с вами у нас, надо полагать, что выезжает и в свет. Но, с другой стороны, за столом она ведет себя так тихо, что кажется, она еще ни разу не выезжала. Может быть, вы будете так милы, что объясните это мне?

– Мне кажется, я понял, о чем вы спрашиваете, – ответил Эдмунд, к которому непосредственно обратилась Мэри. – Я не знаю, как это считается официально, но могу заверить, что наша кузина – совершенно самостоятельная и независимая девушка. Что же касается условности «быть принятым в свете», то я решительно отказываюсь ее понимать.

– Неужели? По-моему, это очень легко, – улыбнулась Мэри. – Кстати, от этого многое зависит. И манеры, и даже внешность у девушек сильно отличаются в зависимости от того, выезжают они в свет или пока что остаются в доме. Ваша Фанни для меня пока что загадка, а вообще-то по виду девушки это всегда легко распознается. Девицы, которые еще не выезжают в свет, носят одинаковые платья и даже шляпки. Они выглядят чересчур серьезными, а иногда и чопорными, все время молчат и если отвечают на вопросы, то односложно. Вы зря улыбаетесь. Поверьте, это все на самом деле так. И если только не возводить это в ранг культа, то я считаю такую градацию уместной. Девушки обязаны быть тихими и скромными. Единственное, что тут плохо – так это перемена в поведении девушки, которая происходит внезапно, в кратчайший срок. Бывали случаи, когда скромница после первого бала превращалась чуть ли не в распутницу, до того резко приходится менять свои манеры! Представьте себе, как юная девица восемнадцати или девятнадцати лет после долгого молчания вдруг должна научиться разговаривать на любые темы и поддерживать светские беседы! Это же уму непостижимо. Мистер Бертрам, я думаю, вы поддержите меня. Наверняка вам самому приходилось наблюдать в обществе нечто подобное.

– Я с вами полностью согласен, – отозвался Том. – Мне кажется, вы сейчас вспомнили мисс Андерсон. Но это несправедливо по отношению к ней.

– Да что вы! Я никого конкретно не имела в виду! – начала оправдываться мисс Кроуфорд. – Я даже не знаю, кто она такая. Но раз вы уж о ней заговорили, то теперь позвольте попросить вас рассказать и более подробно, тем более, если ваша история может подтвердить правоту моих слов.

– Ну что ж, если вам будет угодно, – согласился Том. – Право, мне не хотелось навязывать вам свои воспоминания... Вы легко можете представить себе эту мисс Андерсон. Это та самая юная девушка, которая резко изменилась после первого выезда в свет. А произошло вот что. Я, кстати, имею в виду Андерсонов с Бейкер-стрит. Мы о них вспоминали не далее, как вчера. Эдмунд, помнишь, я говорил про Чарльза Андерсона? Обстоятельства в их семье сложились именно так, как нам поведала только что очаровательная мисс Кроуфорд. Когда я был в гостях у Чарльза года два тому назад, он познакомил меня со своей сестрой, которая еще в то время не выезжала в свет. В тот день она только кивнула мне, но не произнесла ни слова. Я был занят разговором с другом и не обратил на это внимания. Через несколько дней я снова зашел к Чарльзу, но того не оказалось дома и слуга предложил не подождать. Я просидел целый час в гостиной, где находилась только мисс Андерсон и две маленькие девочки. Видимо, служанка отлучилась ненадолго, и мисс Андерсон сама присматривала за сестренками. Мать Чарльза, как назло, тоже ушла в гости. Представьте себе мое мучение! Целый час я так и не смог вытянуть ни слова из этой девицы. В конце концов, она одарила меня презрительным взглядом, сжала губы и демонстративно отвернулась. Но прошел год, и мы встретились на балу у миссис Холфорд. Я не узнал свою старую знакомую! Она тут же подскочила ко мне, взяла под руку и уволокла в дальний угол зала, где принялась щебетать без умолку, задавала миллионы вопросов и, не дожидаясь ответа, продолжала что-то говорить, смотря при этом мне прямо в глаза до тех пор, пока я не знал, куда от нее деться и как избавиться. На меня глядели с сочувствием, а некоторые джентльмены открыто посмеивались, уже ощутив, видимо, на себе дружелюбность несравненной мисс Андерсон. Я думаю, мисс Кроуфорд, вы слышали эту историю...

– Конечно, – засмеялась Мэри. – Правда, мне не пришлось самой присутствовать при этом, но я охотно верю вам, Том. Что поделать! К сожалению, подобное иногда случается и мисс Андерсон далеко не исключение. Дело, очевидно, не столько в самих девушках, как в их матерях, которые не совсем правильно воспитывают своих дочерей.

– Я думаю, есть женщины, которые великолепно ведут себя на любых балах и вечеринках, – заметил Том. – Почему бы девушкам, впервые выехавшим в свет, не брать с них пример, если уж их собственные матери не в силах передать свой опыт?

– Дело тут вот в чем, – вступил в разговор Эдмунд. – Мне кажется, такие девушки воспитываются неправильно с самого начала, поэтому им бывает трудно, а иногда и просто невозможно, быстро перестроиться на нужный лад и как можно скорее адаптироваться и привыкнуть к новшествам. Их приучают быть скромными, но скромность эта остается фальшивой, это самые настоящие лицемерие, поэтому при первом же удобном случае наружу выплескивается то, что скрывалось под маской воспитанности.

– Трудно судить, – задумчиво произнесла мисс Кроуфорд. – Но бывает еще вот что. Девушек не вывозят в свет, но позволяют им делать то, что возможно только на балах. Вот такая свобода мне совсем непонятна. Это просто отвратительно!

– Да, тут действительно можно запутаться, – согласился Том. – Придешь в такой дом, и становится непонятно – имею ли я право уже ухаживать за такой девицей или еще нет. Если, конечно, вы издали увидели характерную шляпку и чопорную позу, тут все понятно. А вот что произошло со мной в прошлом году, кажется, в сентябре. Сразу после возвращения из Вест-Индии меня пригласил к себе на недельку мой приятель Снейд – Эдмунд, помнишь, я говорил тебе про Снейда. Так вот, в доме присутствовали его родители и сестры, с которыми я еще не был знаком. Когда мы добрались до усадьбы, то выяснилось, что все семейство отправилось погулять к пирсу. Мы со Снейдом пошли навстречу им. Миссис Снейд, окруженная мужчинами, не могла уделить мне много внимания, обещав поговорить в доме за обедом. Я сразу же подхватил под руку одну из ее дочерей, и по дороге домой, как мог, развлекал свою спутницу. Девушка мне понравилась, мы смеялись, я что-то говорил, она принимала живое участие в беседе. Мне и в голову не пришло, что я делаю что-то предосудительное. Сестры показались мне одинаковыми и, вообще-то, ничем не выдающимися девушками – хорошо одетые, шляпки с вуалью, зонтики от солнца... Только потом я выяснил, что оказывал знаки внимания совсем не той, кому был должен. По ошибке я выбрал младшую сестру, которую еще не вывозили в свет, нанеся тем самым смертельное оскорбление старшей сестре. С тех пор младшей сестре запретили даже смотреть в мою сторону в течение последующих шести месяцев, а старшая, я думаю, не простит мне моей ошибки уже никогда.

– Как же вы могли так промахнуться, мистер Бертрам! – ахнула мисс Кроуфорд. – Бедная мисс Снейд! Хотя у меня нет младшей сестры, я могу себе представить ее оскорбленное самолюбие. Но и в этом, я скажу, была ошибка матери. Младшая сестра должна была находиться под присмотром гувернантки. Вот что значит недоглядеть за дочерью! Но теперь позвольте спросить вас еще о вашей Фанни. Она выезжает на балы? И обедает ли она вместе с вами еще где-нибудь, кроме как у Грантов?

– Нет, – не задумываясь, ответил Эдмунд. – На балу, насколько мне известно, она не была ни разу в жизни. Моя мать не любит шумное общество и не ходит в гости. В лучшем случае она посещает мистера и миссис Грант, а Фанни всегда находится при ней.

– Тогда все понятно, – подытожила мисс Кроуфорд. – Фанни в свете не представлена.

Глава 6

Вскоре Том уехал на скачки, и мисс Кроуфорд приготовилась к тому, что отныне обеды превратятся для нее в скучнейшее времяпрепровождение. Без Тома, самого остроумного и веселого собеседника, весь разговор за столом казался пустой болтовней. Особенно Мэри угнетало то, что семьи сдружились надежно, и не было никакой возможности пропустить хоть один такой обед. Она с тоской смотрела на пустующее место Тома и ждала его скорейшего возвращения из города.

Эдмунд, как полагала мисс Кроуфорд, был плохим заместителем своего красноречивого брата. Он больше помалкивал, а иногда и отвечал не так удачно, как тут же бы нашелся Том. Суп казался безвкусным, вино пресным, а ветчина без острых анекдотов просто не лезла в рот. Как не хватало сейчас веселой шутки или смешной истории Тома про одного из его многочисленных друзей, неизменно начинающаяся словами «Помнишь, Эдмунд, я тебе про него рассказывал?».

Но Том все не приезжал, и Мэри ради разнообразия переключила свое внимание на другой конец стола, туда, где теперь восседал мистер Рашуорт, впервые приехавший в Мэнсфилд после того, как здесь обосновались Кроуфорды. Мистер Рашуорт только что вернулся от своего друга, где провел целую неделю, наблюдая за перестройкой и переделкой поместья своего приятеля. В моду вошло так называемое улучшение планировки поместий, и им заразилась буквально вся Англия. Специалисты по устройству садов, парков и аллей были нарасхват, и один из таких мастеров как раз и потряс мистера Рашурта своим талантом. Он вернулся от приятеля потрясенный с твердым решением устроить то же самое и в своем поместье. Он был полон творческих планов, и теперь, казалось, уже не мог говорить ни о чем другом. Все утро он только и твердил об этом в холле, сейчас же, когда гости переместились в столовую, энтузиазм его даже возрос.

Основной целью, очевидно, было все же привлечь внимание Марии Бертрам, но получилось так, что переустройство поместья стало центральной темой за столом. Особенно это было приятно самой Марии. Она самодовольно оглядывала присутствующих, слушая, как ее жених рассказывает о своих владениях, которые, как она рассчитывала, скоро будут принадлежать и ей.

– Вы бы только видели, какую сказку сотворил мой приятель из своего сада! – восторгался мистер Рашуорт. – Это настоящее произведение искусства! Кто бы мог подумать, что поменяв пейзаж, можно приобрести буквально рай на земле! Я так и сказал Смиту. Ведь из-за того, что окружает дом и под каким углом рассажены деревья, может целиком поменять и вид на само здание. Не перестраивая дом, вы полностью меняете его, как будто приобретаете совершенно новый. Поверьте мне, когда я вчера вернулся в свой Сотертон, он мне показался тюрьмой – омерзительной старой тюрьмой!

– Побойтесь Бога! – воскликнула миссис Норрис. – Ничего себе тюрьма! Сотертон считается одним из стариннейших и богатейших поместий во всем графстве!

– Но его следовало бы переделать, мэм, я точно уверен. Я не видел более запущенного поместья, чем это. Кроме того, мне кажется, что в нем я чувствую себя весьма одиноко.

– Не удивительно, что мистер Рашуорт думает так именно сейчас, – произнесла миссис Грант, обращаясь к миссис Норрис. – Но попомните мои слова – он приведет в порядок свой дом именно тогда, когда пожелает его сердце.

– Придется задуматься об этом, – произнес мистер Рашуорт. – Но, мне кажется, здесь понадобится помощник.

– В таком случае, я полагаю, – произнесла мисс Бертрам, – что лучше прибегнуть к помощи мистера Рептона. Ведь он отменный специалист по благоустройству любых усадеб и парков.

– Именно об этом я и думаю. Ведь Смиты он сделал все на «отлично», так что я решил пригласить его и к себе. Правда платить придется по пять гиней в день, но на такого специалиста не жалко и потратиться...

– А если бы и десять! – воскликнула миссис Норрис. – Считаю, что в таких делах жадничать не следует. На вашем месте я бы не стала мелочиться. Уж я бы постаралась изобразить из своего поместья настоящий дворец. Тем более, дорогой мой, у вас есть деньги, а Сотертон достоин многого. Он такой роскошный, земля до горизонта. Поверьте – она оплатит вам за заботу. Поймите меня правильно – имей я хоть одну сотую вашей земли, уж я бы превратила ее в райский сад. Но, к сожалению, у меня сейчас во владении только пол-акра. Что мне с ним делать? Вы знаете, я так люблю копаться в земле – уж я бы только и делала, что сажала диковинные растения тут и там и с утра до вечера придумывала сама, как бы получше украсить беседки или постричь лужайку. Но, увы! Мне даже и мечтать об этом не приходится. Раньше, когда мы с мужем жили в приходском доме, мы многое сделали, чтобы изменить наш маленький сад. Он стал совсем не таким, как раньше, когда мы в него переехали. Вы молоды и не можете этого помнить. Если бы сэр Томас был здесь, он подтвердил бы правоту моих слов. Мы бы сделали и больше, но болезнь мистера Норриса не позволяла мне отвлекаться на это. Последние годы он почти не выходил из дома, и я, конечно, находилась в таком подавленном состоянии, что и думать забыла об усовершенствовании и переделке нашего сада.

Правда, с сэром Томасом мы любили обсуждать, что можно было бы еще придумать. Например, мы всегда мечтали сделать как бы живую стену из деревьев, ограждающую дом от кладбища, что впоследствии и воплотил в реальность доктор Грант. – Тут миссис Норрис повернулась к доктору Гранту и, обращаясь к нему, добавила: – За год до смерти бедного моего мужа мы как раз и посадили около конюшни чудесное абрикосовое дерево. Вы, я надеюсь, успели оценить его?

– Дерево действительно достойно внимания, – подтвердил доктор. – Но, что же в этом странного? Почва там прекрасная, вот оно и растет себе потихонечку. Жаль только, что сами абрикосы на нем никудышные, а то бы мы их начали собирать.

– Но почему же? – удивилась миссис Норрис. – Это совершенно особенный сорт абрикоса. Кстати говоря, это был подарок сэра Томаса, иначе, где бы я смогла достать такую прелесть? Между прочим, я своими глазами видела счет, присланный за тот саженец. Он стоил целых семь шиллингов, сэр.

– Понимаю, – кивнул доктор Грант. – Если саженец был подарен, вам было от него не отвертеться. Поверьте мне, с закрытыми глазами вы бы не отличили картофелины от абрикоса с вашего любимого дерева.

– Я вам скажу правду, – вступила в разговор миссис Грант, шепча нарочито громко, чтобы слышали все за столом. – Дело в том, что доктор Грант никогда и не пробовал настоящих абрикосов. Но я-то знаю истинную цену этим фруктам. Наша повариха умудряется изготавливать из них прекрасный джем для пирогов, так что ни один абрикосик у нас не пропадает, не волнуйтесь.

Миссис Норрис, которая к этому времени уже побагровела от злости, тут же успокоилась, и разговор плавно перешел на другую тему. Впрочем, она и доктор Грант невзлюбили друг друга с самого начала, и несчастная миссис Грант только и занималась тем, что мирила их.

Поняв, что ссора потухла, так и не начавшись, мистер Рашуорт снова взял слово.

– Вы знаете, поместье Смита теперь – предмет зависти любого землевладельца. Но это только благодаря гениальности Рептона. Думаю все же, что надо нанять именно его. Вот кто настоящий художник и фантазер!

– Мистер Рашуорт, – оживилась леди Бертрам, – я бы посоветовала вам посадить побольше густых кустарников и сделать даже из них аллеи. Вы знаете, в жару это – первое спасение.

– Я сам об этом подумывал, – согласился мистер Рашуорт. – У меня есть собственное мнение по поводу кустарника. К тому же, эти кусты в основном нравятся только женщинам, а меня интересует только одна... – Тут он запнулся, поняв, что говорит совсем не то. Всех выручил Эдмунд, предложив выпить еще вина, и мужчины принялись ухаживать за дамами, наполняя их бокалы.

Мистер Рашуорт был человек, в общем-то, не слишком разговорчивый, но безумная идея о благоустройстве собственного поместья буквально преобразила его. Казалось, он мог вещать об этом теперь, не переставая. Осушив свой бокал, он продолжал:

– У Смита владений всего-то сто акров, и то, смотрите-ка, во что они превратились. А у меня в Сотертоне – семьсот, не считая заливных лугов, разумеется. Представляете, что можно там напридумывать! Вот я, например, срубил три старых дерева, которые росли уж очень близко к дому – и знаете что? Тут же появилось ощущение простора. Я думаю, надо будет вообще вырубить несколько аллей, чтобы дышалось посвободнее. Вот, например, ту самую, что ведет с запада на вершину холма. – Он повернулся к мисс Бертрам. – Помнишь, дорогая?

– Аллею? – удивилась Мария. – Не совсем. Честно говоря, я не очень хорошо помню Сотертон.

Фанни, сидевшая как раз напротив мисс Кроуфорд и до сих пор внимательно слушавшая весь разговор, теперь подняла голову и тихо произнесла:

– Вырубить аллею? Какая жалость! Это же такая красота. Как же можно?

– Увы, милая Фанни, я уже почти уверен, что этой аллее осталось слишком мало шансов выжить, – улыбнулся мистер Рашуорт.

– Как бы мне хотелось увидеть Сотертон до переделки, – вздохнула девушка. – В перво-зданном виде, с аллеями и со всем, что там есть, пока никто ничего не успел вырубить. Но, видимо, это только мечта.

– А разве вы там никогда не бывали? – удивился мистер Рашуорт. – Впрочем, что я говорю. Разумеется, нет. Для прогулки верхом расстояние до моих владений слишком большое, но я думаю, мы сможем и это как-нибудь устроить.

– Не стоит беспокоиться! – воскликнула Фанни. – В любом случае, если мне удастся там побывать, вы же сможете рассказать мне, как эти места выглядели раньше, верно?

– Как я понимаю, – произнесла мисс Кроуфорд, – Сотертон – весьма древнее поместье. Интересно, а ваш дом такой же старинный? – обратилась она к мистеру Рашуорту.

– Разрешите сказать мне, – заговорил Эдмунд. – Я неплохо знаю эти места. Сам дом был выстроен во времена королевы Елизаветы. Он немного мрачноват с виду, но довольно удобный – там достаточное число комнат, где можно разместить и слуг, и гостей. А стоит он в самой низинной части парка, и в этом отношении, конечно, здорово проигрывает. Но леса там замечательные, есть и небольшая речушка. Работа мистеру Рашуорту предстоит огромная. Но, в общем, он прав, надо придать поместью более современный вид. Я уверен, что он безукоризненно справится и с этой задачей.

Мисс Кроуфорд с восторгом выслушала эту речь, а про себя подумала: «Какой умный и воспитанный молодой человек! Почему я раньше не обращала на него внимания?»

– Я, конечно, не хочу навязывать своего мнения мистеру Рашуорту, – продолжал Эдмунд, – но если бы передо мной стояла подобная цель, я, безусловно, не стал бы обращаться к специалистам, а понадеялся бы на свое чувство прекрасного. Ведь тогда я бы делал все по своему желанию, а не по воле и причудам художника, пусть даже хорошего. Это не картина, которую можно перевесить или вообще выкинуть, если она надоела. Это земля, которая остается с вами на всю жизнь.

– Ну нет, с этим я не согласна! – рассмеялась мисс Кроуфорд. – У меня на такое не хватило бы изобретательности. Вот если бы у меня было поместье, я бы наняла любого мистера Рептона, лишь бы он помог мне, и полностью доверилась бы его вкусу. При этом я не жалела бы никаких денег, только бы он сделал все на высшем уровне. Но при этом я переехала бы жить куда-нибудь к друзьям, чтобы увидеть свое новое поместье уже в готовом виде, а не наблюдать за ходом работы.

– А мне было бы, наоборот, интересно видеть, как день за днем меняются привычные знакомые места, – улыбнулась Фанни.

– Ну уж нет, увольте! – возразила мисс Кроуфорд. – Впрочем, вам, наверное, невдомек, что все это значит. А мне пришлось испытать это, так сказать, на собственной шкуре. Три года назад, мой почтенный дядя, адмирал, приобрел коттедж для того, чтобы было где проводить лето. Мы и отправились туда вместе с тетушкой, счастливые и довольные. Я-то представляла себе цветочные клумбы, уютные лужайки и тенистые аллеи, а дядюшке вдруг взбрело в голову все там перестроить. Представляете себе, мы не знали, куда ступить! Мы ходили все лето в пыли и грязище! Он снес все, что можно, решив поменять даже скамейки, и нам пристать негде было. Пусть бы мы лучше остались в городе! Вот Генри – он совсем другой – ему бы все строить да строить!

Эдмунду стало неприятно, что мисс Кроуфорд, которая начинала ему нравиться, в таком непочтительном тоне говорит о своем дяде. Однако, ее рассказ всем понравился и вызвал доброжелательные улыбки.

– Мистер Бертрам, – снова обратилась она к Эдмунду, – У меня есть кое-какие известия о моей арфе. Ее наконец-то благополучно доставили в Нотгемптон. К сожалению, она, как выяснилось, находится там уже десять дней. Нам обещали привезти ее прямо сюда, но, как всегда, обманули, – вздохнула девушка.

– Это правда? – оживился Эдмунд. – Арфа уже здесь, в городе?

– Конечно, – продолжала мисс Кроуфорд. – Но вы же знаете, в ваших местах иногда бывает так трудно докопаться до истины. Сколько раз мы посылали слугу выяснить, доставлена ли арфа или нет. Никаких результатов. И вот теперь, оказывается, в городе о ней узнал какой-то фермер и рассказал мельнику. Мельник – мяснику, зять мясника – еще кому-то, и окольными путями весть докатилась и до нас. Представляете?

– И все равно я рад это слышать, – улыбнулся Эдмунд. – Теперь, надеюсь, никакой задержки не будет, и ваша арфа скоро займет свое место в Мэнсфилде.

– Завтра ее можно будет забрать, – подтвердила мисс Кроуфорд. – Но вот только как доставить? Никакой повозки или телеги я не смогла раздобыть. Мы с Генри обошли всю деревню и повсюду слышали только отказы. Я чувствую, дело кончится тем, что нам придется нанять грузчика и самую обычную садовую тачку.

– Что ж, я могу это понять, – кивнул Эдмунд. – Подумайте сами, сейчас лето, идет сбор урожая, и нанять повозку с лошадьми в самом деле не так-то просто.

– Не то чтобы не просто, а буквально невозможно, – подтвердила мисс Кроуфорд. – Правда, выглядывая в окошко, я иногда видела и праздно шатающихся «работничков», которые могли бы мне помочь, но и они отказывались. Кажется, никто тут не хочет заработать. Да и управляющий мистера Гранта лишь пожал плечами, услышав мою просьбу. Похоже, дело становится совершенно безнадежным!

– Милая мисс Кроуфорд, не стоит огорчаться, – успокоил девушку Эдмунд. – Разве вы еще не убедились на собственном жизненном опыте, что как только вам понадобится какая-нибудь вещь, она тут же становится недоступной? Но тут дело еще вот в чем. Вообще-то крестьяне очень неохотно отдают свои повозки. А летом, уверяю вас, не только именно вам, но и любому другому они бы отказали. И если бы вам даже посчастливилось достать телегу, то ни о какой лошади в страду говорить не приходится. Поверьте мне – я прожил тут всю жизнь!

– Надеюсь, со временем я привыкну и начну понимать все ваши деревенские обычаи и традиции, – вздохнула мисс Кроуфорд. – Я привыкла к столичным принципам – деньги решают все. Но, признаюсь, мы все же нашли выход и повезем арфу прямо в ландо.

– Вы знаете, а ведь арфа – мой любимый инструмент! – признался Эдмунд. – Теперь я буду считать каждую минуту до того упоительного момента, когда мне посчастливится услышать ее прелестное звучание!

– В самом деле? – воскликнула Фанни. – А я, представьте, к своему стыду, ни разу не слышала арфу. Надеюсь, что очень скоро вы нам сыграете. Я так люблю музыку!

– С удовольствием сыграю вам обоим, – обрадовалась мисс Кроуфорд. – Конечно, если это вам не наскучит уже через пять минут. А может, вам и в самом деле понравится, и тогда я буду играть очень долго. Я сама без ума от музыки... Кстати, мистер Бертрам, если вы будете писать брату, сообщите ему, пожалуйста, что арфа уже доставлена в Мэнсфилд. Я говорила ему, как тоскую без нее. И еще добавьте, что я заранее подготовлена к тому, что его лошадь проиграет. Но ничего страшного, верно? Это еще не конец света.

– Когда я буду ему писать, то добавлю от вашего имени все, что прикажете, – согласился Эдмунд, – только сейчас у меня нет возможности передать для него послание.

– Нет, разумеется, специально для меня этого делать не нужно, – спохватилась мисс Кроуфорд. – А вдруг он задержится еще на год? Какие же странные создания эти братья! По моему, они все одинаковы. Вы можете не писать друг другу месяцами, но когда возникает крайняя необходимость, готовы сообщить новость буквально в одной строчке. Кстати, Генри точно такой же. Он самый типичный брат. Он любит меня, помогает во всем, мы можем подолгу с ним беседовать на любые темы, но заставить его написать кому-нибудь – упаси Бог! А сам, когда отлучается куда-нибудь, присылает не письмо, а какую-то жалкую писульку вроде: «Милая Мэри, добрался отлично, тут все хорошо, твой брат». И не более того. Вот уж действительно настоящий братец! – И она весело рассмеялась.

– Неправда, – возразила раскрасневшаяся Фанни, вспоминая Уильяма, – если они вдали от всей семьи и надолго, они пишут длинные пространные письма.

– У мисс Прайс брат во флоте, – пояснил Эдмунд. – Он действительно пишет подробно обо всем. Так что, милая мисс Кроуфорд, не думайте так плохо обо всех братьях.

– В королевском флоте? Правда?

Фанни не хотела сама рассказывать об Уильяме, но так как Эдмунд молчал, и пауза затягивалась, ей пришлось поведать о том, где сейчас находится ее брат, в каких городах он успел побывать и как долго они не виделись. При этом она так расчувствовалась, что на глазах ее выступили слезы.

– Может быть, вы знаете капитана, под чьим командованием служит мой кузен? – обратился Эдмунд к мисс Кроуфорд. – Капитан Маршалл. Вам, мне кажется, должны быть знакомы многие люди в королевском флоте.

– Только адмиралы, – надменно произнесла мисс Кроуфорд. – Низшие чины у нас в доме никогда и не бывали. Нет, я, конечно, не исключаю, что среди них встречаются достойные люди, но они были бы не нашего круга. Об адмиралах я могла бы рассказать многое – вплоть до скандалов, но что касается какого-то капитана... Нет, решительно нет. Мне приходилось общаться только с адмиралами, даже те, кто был в отставке, все равно сплошь одни адмиралы!

Эдмунд снова помрачнел и произнес уже вполне серьезным тоном, не допускающим никаких шуток:

– Но ведь капитан – это серьезная и ответственная должность.

– Возможно, – согласилась мисс Кроуфорд, – если только вы уверены, что дослужитесь до адмирала. Тогда и капитаном можно стать. Что касается меня, то море мне безразлично.

Эдмунд постарался скрыть свое разочарование и снова переключился на разговор об арфе.

Сразу после этого, как и предполагалось, все снова вернулись к теме благоустройства поместий. Миссис Грант, заметив, что Генри Кроуфорд все это время о чем-то мило щебетал с Джулией, не принимая участия в общем разговоре, решила обратиться и к нему:

– Дорогой братец, а тебе разве нечего сказать по этому поводу? Насколько мне известно, ты и сам большой любитель пофантазировать и придумать что-то совсем уж оригинальное в смысле переустройства поместья. Говорят, ты даже помогал кому-то из друзей сделать из лесопарка настоящее чудо! Жаль, мне не довелось посмотреть на это собственными глазами!

– Мне достаточно того, что ты заочно довольна моим творчеством, – ответил Генри. – Правда, лично я считаю, что тебя бы моя работа несколько разочаровала, потому что я знаю твой вкус. К тому же там, вообще-то, и работы никакой не было. Мне бы что-нибудь грандиозное...

– Так вы действительно любите этим заниматься? – заинтересовалась Джулия.

– Безумно, – подтвердил Генри. – Но только у меня мало опыта в таких делах. Везде, где мне пришлось приложить руку, вернее, фантазию, все было уже почти готово до моего появления. Для моей персоны оставляли, так сказать, последние штрихи. К тому же мне часто казалось, что там, куда меня приглашали полюбоваться работой, уже и делать было нечего. Любая лишняя деталь могла бы нарушить уже удачно выполненную композицию. Как же я завидую мистеру Рашуорту – вот у кого работы непочатый край!

– Ну, раз вас приглашали посмотреть даже на уже перестроенные поместья, дорогой Генри, – заявила Джулия, – значит, к вашему мнению прислушиваются. И чем мечтать и завидовать мистеру Рашуорту, лучше бы помогли ему советами. Верно?

Эту мысль тотчас подхватила миссис Грант.

– В самом деле! – воскликнула она. – Мистер Рашуорт, а не стоит ли, прислушаться к совету друзей – людей, совершенно не заинтересованных в ваших деньгах и к тому же обладающих прекрасным художественным вкусом? Поверьте мне, Генри ценили очень многие, и никто потом не пожалел, что пригласил его посмотреть поместье и порекомендовать что-либо доделать. Это лучше, чем отдаться во власть профессионала. Мне кажется, что те, кто делает на этом состояние, иногда повторяются и становятся шаблонщиками.

– Что ж, я не против, – улыбнулся мистер Рашуорт. – Генри, я готов принять вас в любое время, как только вам это будет удобно. Если, конечно, вы согласны...

Миссис Норрис тут же почуяла возможность отличиться и заодно дать возможность своим племянницам и отдохнуть, и устроить свои личные дела. Ведь если мистера Кроуфорда уже пригласили, значит, надо действовать.

– Конечно, конечно дорогой Генри согласится! – воскликнула она. – Но почему бы и нам не присоединиться к вашей компании? Милый мой мистер Рашуорт, ведь не только Генри интересуют все ваши новшества! А вдруг и кое-кто из нас сможет дать дельный совет? К тому же я уже давно не виделась с вашей матушкой, а нам есть о чем с ней побеседовать. Вы ведь знаете, у меня нет своих лошадей, а то я бы навещала ее каждый день! А тут представляется такой чудесный шанс! Это будет замечательно! Молодежь бы осматривала поместье, а мы, старушки, пили бы чай и толковали о жизни. Потом мы бы дружно пообедали, а к вечеру уже вернулись домой. Я думаю, мы устроим все так. Мистер Кроуфорд, обе мои племянницы и я поедem в ландо, а Эдмунд сможет добраться до Сотертонa и верхом. Леди Бертрам, я знаю, не любительница таких путешествий и останется дома. Но ничего страшного, она не будет скучать – ведь с ней всегда рядом ее верная Фанни!

Леди Бертрам не возражала. Казалось, все были счастливы и довольны. Как это миссис Норрис смогла все продумать и рассчитать! Вот только Эдмунд промолчал и, опустив голову, продолжал задумчиво смотреть в свою пустую тарелку, словно не находил, что сказать.

Глава 7

– Ну что, Фанни, ты не изменила свое мнение о мисс Кроуфорд? – обратился к кухне Эдмунд на следующий день. – Как тебе понравилось ее вчерашнее поведение? – Сам он уже успел подумать об этом и составить собственное мнение.

– По-моему, она довольно мила, – ответила ничего не подозревающая девушка. – Мне доставляет удовольствие даже просто смотреть на нее.

– Да, она действительно симпатична, – согласился Эдмунд. – Но тебя ничто не поразило в ее рассказах? Подумай хорошенько.

– Ну конечно же! Не стоило ей так говорить о своем дядюшке. Я была несколько удивлена. Неважно, какими причудами он бы ни страдал, все равно не надо было так высмеивать его. Ведь они прожили вместе столько лет! К тому же, он любил ее брата как родного сына. Ты прав, тут она, мягко говоря, переборщила.

– Я и не сомневался, что ты это заметишь. С ее стороны это было весьма неприлично.

– И неблагодарно, – подтвердила Фанни.

– Ну, с этим можно поспорить. Я не знаю их отношений, но судя по их рассказам благодарить его действительно было не за что. Главную роль там играла тетушка. Именно ее тепло и спасало Кроуфордов. Я понимаю, что не вправе влезать в чужие семейные отношения и готов понять мисс Кроуфорд. Ей стало обидно, что дядя невзлюбил ее, а после смерти своей супруги и вовсе стал несносен. Но, согласись со мной, эти маленькие секреты надо держать при себе и уж, ни в коем случае не делать их достоянием всех окружающих.

– А может быть, – предположила Фанни, – такое отношение к адмиралу было и у миссис Кроуфорд? Вспомни, кто воспитывал Мэри. Теперь понятно, почему она так ненавидит его. Может быть, она целыми днями только и слышала, какой дядя противный и нехороший. А дети все схватывают на лету. И теперь ей уже трудно перемениться.

– Мне как-то это даже и в голову не приходило, – признался Эдмунд. – А ведь верно. И зря мы набросились на Мэри – это не ее вина, а скорее, вина ее тетушки. Ну да ладно. Надеюсь, что теперь она успокоится. В новом доме к ней все относятся хорошо, и теперь у Мэри не будет повода раздражаться. Да и на брата она не в обиде. По-моему, они обожают друг друга.

– Да, только ей почему-то не нравятся его короткие письма, – парировала Фанни. – Я чуть не рассмеялась, когда она заявила об этом за столом. Уж я-то знаю: если есть о чем писать, любой брат с удовольствием поделится новостями с родным человеком. Кстати, почему она так плохо думает о тебе? Я уверена, если бы ты оказался в другой стране, то писал бы нам обо всем, что тебя окружает и что с тобой происходит. Ведь так?

– Конечно. И я уверен, что Мэри считает точно так же. Мне показалось, что она говорила об этом несколько несерьезно, а просто так – ради шутки, чтобы немного поддеть своего собственного брата. Мне только не понравилось ее отношение к дяде. А во всем остальном она – просто прелесть. Такая женственная и естественная, настоящая леди!

Произнеся все это, Эдмунд, казалось, несколько успокоился. Теперь он был уверен, что мисс Кроуфорд практически не обладает никакими недостатками, а самое главное, точно так же (с его помощью) стала думать и его кузина. Он продолжал восхищаться этой девушкой, не сознавая того, что Фанни это могло не совсем понравиться. Тем не менее, его восторг не утихал...

На другой день в Мэнсфилд наконец-то доставили арфу. И теперь остроумная, симпатичная и жизнерадостная Мэри показала себя и как неплохая арфистка. Она играла великолепно (или, по крайней мере, так казалось Эдмунду). Она старалась понравиться, она исполняла на заказ любые мелодии и могла играть ровно столько, сколько желали ее гости.

Эдмунд зачастил в дом священника. Он приходил туда утром и, прослушав несколько пьес, естественно, получал приглашение и на следующий день. Какая женщина откажется от такого благодарного поклонника ее музыкального таланта?

Впрочем, симпатичная молодая женщина с арфой, высокой и стройной, как ее хозяйка, сидящая у открытого окна в летний солнечный день, могла бы приворожить любого джентльмена.

Кстати говоря, весеннее солнце словно соблазняло их на приключения. Миссис Норрис, весьма противная и занудливая, никак не соответствовала их компании. А там, где возникает любовь, и все остальное начинает стремиться к совершенству. Гармония любви притягивает к себе все прекрасное. Теперь даже доктор Грант и его огромный поднос с сэндвичами уже казались восхитительными.

Эдмунд, сам не подозревая того, начал инстинктивно тянуться к Мэри Кроуфорд. Она нравилась ему, а может быть, в его юном сердце сейчас как раз вспыхнуло настоящее чувство, которое было настолько новым и странным для него, что молодой человек не сразу понял, что случилось. Но, тем не менее, он ясно ощущал, что его тянет именно к этой девушке.

И Мэри, безусловно, тоже почувствовала это. Однако, она пока что не могла понять, отчего это происходит и к каким последствиям может привести. Эдмунд казался по-прежнему серьезным. Он не нес чепухи, что так свойственно всем влюбленным, он не осыпал ее комплиментами, а оставался таким же серьезным и рассудительным, как и обычно. И одновременно теперь он казался Мэри самым очарованием. Этот юноша имел определенную цель в жизни, он был искренен и с ней, и со всеми остальными. Он поддерживал любые разговоры и был не в тягость в компании, даже когда тема беседы сама по себе становилась занудливой и попросту неинтересной. Однако Мэри, нацелившаяся на старшего брата, пока что не задумывалась над своими чувствами. Ей было приятно находиться в обществе Эдмунда, а большего она и не желала.

Фанни уже не удивлялась переменам, которые произошли с ее кузенком. Эдмунд каждый день ходил в гости к Грантам. Впрочем, сама Фанни тоже с удовольствием составила бы ему компанию, но только она не хотела являться без приглашения и слушать тайком чудные звуки арфы. А вечером Эдмунд, после прогулки, непременно провожал миссис Грант и Мэри Кроуфорд до дома, на что тоже уходило немало времени. Мистер Кроуфорд же продолжал уделять, на сторонний взгляд, излишнее внимание сестрам Бертрам.

Фанни все это, разумеется, не нравилось. Она привыкла к обществу Эдмунда. Но так как теперь он не наливал ей вина, разбавляя его водой, упрямая Фанни решила про себя, что отныне она вообще никогда не прикоснется к вину, и никакой мистер Кроуфорд не сможет сравниться с Эдмундом. Каждый раз, когда он предлагал дамам немного выпить, Фанни вежливо отказывалась, не объясняя причины.

Однако Фанни не удивлялась, почему Эдмунд так резко изменил отношение к своей кузине и вместо того, чтобы проводить с ней побольше времени, отдал предпочтение мисс Кроуфорд. Даже когда они с Эдмундом оставались наедине, он любил заводить разговоры о Мэри. Теперь он каждый раз сообщал Фанни, что мисс Кроуфорд больше не вспоминает об адмирале и эта тема разговора стала закрытой. Несчастная Фанни только молчала в ответ. Ей не хотелось спорить с кузенком и таким образом, выказывать свое настоящее отношение к Мэри.

Но уже вскоре Фанни поняла, что мисс Кроуфорд – весьма опасная соперница. Произошло это, на первый взгляд, совершенно случайно. Как только Кроуфорды обосновались в Мэнсфилдском парке, Мэри тут же высказала свое желание научиться ездить верхом. Каждое утро она наблюдала за девушками, которые занимались верховой ездой на лугу, и ей, как и всякой увлекающейся натуре, тоже захотелось присоединиться к их жизнерадостной компании.

Эдмунд, разумеется, очарованный блистательной мисс Мэри, тут же предложил свои услуги как учитель верховой езды. Немного поразмыслив, он решил начать уроки, взяв свою

смирную кобылу, на которой каталась Фанни, так как больше подходящих лошадей в конюшне не нашлось. Разумеется, он не хотел доставить некоторые неудобства своей любимой кузине, поэтому занятия было решено проводить по утрам, так, чтобы Фанни потом могла спокойно прокатиться, сколько ей вздумается.

Эдмунд объяснил, что будет забирать лошадь только на полчаса, чтобы побыстрее обучить Мэри всем премудростям искусства верховой езды. И Фанни, смущенная тем, что кузен даже попросил ее о разрешении пользоваться кобылой, тут же дала свое согласие.

Поначалу все шло именно так, как и предполагалось. Фанни не испытывала никаких неудобств и даже не перекладывала время своих утренних прогулок. В первый же день Эдмунд вернул кобылу к установленному сроку и ни сама Фанни, ни старый конюх, который ухаживал за кобылой и подготавливал лошадей к прогулкам, не могли бы обидеться на молодого Бертрама. А вот уже во второй раз начались неприятности.

Дело в том, что мисс Кроуфорд так понравились эти увеселительные и восхитительные уроки, что она была не в силах остановиться, и полчаса пролетали для нее, как одна минута. Невысокая, но очень крепкая и жизнерадостная, Мэри словно была создана для верховой езды. Может быть, ее врожденные способности сыграли некоторую роль, а может быть, и талант Эдмунда, как учителя, но только в то утро мисс Кроуфорд уж очень не хотелось слезать с седла.

Фанни уже оделась для прогулки, и миссис Норрис удивлялась, почему же ее племянница так медлит, но лошади не было видно, как, впрочем, и самого Эдмунда. Не в силах выносить ворчания тетушки, Фанни, в конце концов, вышла из дома и сама направилась в сторону дома священника.

Строения располагались меньше чем в миле друг от друга, но за деревьями не были видны. Лишь пройдя около пятидесяти ярдов, Фанни смогла обозреть владения доктора Гранта, расположенные неподалеку от дороги, ведущей в деревню. И там, на лужайке, перед домом священника, она заметила всю веселую компанию. Эдмунд и мисс Кроуфорд ехали верхом бок о бок, а Гранты, Генри и трое конюхов стояли поодаль и наблюдали за всадниками.

Видимо, они прекрасно проводили время. Все глаза присутствующих были устремлены на Мэри. И даже с такого большого расстояния до слуха Фанни донесся радостный смех мисс Кроуфорд и подбадривающие указания Эдмунда. Однако, Фанни не разделяла всеобщего ликования, ей, во всяком случае, не стало веселее от того, что она увидела. Сердце у нее сжалось и теперь девушка уже не могла отвести взгляда от лужайки и, как зачарованная, смотрела на кузена.

Сначала всадники описали большой круг по лугу быстрым шагом, потом перешли на легкий галоп, и Фанни не могла не отметить грациозной осанки наездницы. После этого лошади остановились, Эдмунд подъехал поближе к Мэри и взял ее за руку, видимо, объясняя, как надо правильно держать повод. Впрочем, расстояние было довольно приличным и Фанни решила, что это ей просто показалось.

«Ничего странного в этом нет, – успокаивала себя девушка. – Подумаешь, что тут такого особенного? Просто Эдмунд хочет помочь Мэри побыстрее научиться управлять лошадью, вот и все. И уж если он сам взялся за это дело, то будет стараться изо всех сил».

«Конечно, – продолжала рассуждать Фанни, – ее братец мог бы и сам поучаствовать в этих занятиях. Он наверняка знает свою сестру получше!» Но только Генри, по-видимому, ничего не понимал в верховой езде и поэтому безоговорочно согласился на то, что учителем у Мэри будет именно Эдмунд. Фанни рассердилась на кузена. «Если он забыл про меня, то подумал бы, хотя о бедной лошадке! Каково ей теперь придется – сначала катать эту дурочку, а потом еще и меня! Это несправедливо» – злилась она.

Однако вскоре Фанни успокоилась. Видимо, урок закончился, потому что Эдмунд спрыгнул с коня и, взяв кобылу под уздцы, направился к тому месту, где сейчас стояла Фанни. Мэри, правда, не собиралась спешиться. Остальные наблюдатели разбрелись – кто в дом, кто

на конюшню. Теперь Фанни ругала себя за беспочвенные подозрения и излишнюю нетерпеливость. Чтобы как-то скрасить свою нервозность, она пошла навстречу Эдмунду и мисс Кроуфорд.

– Моя дорогая мисс Прайс! – заговорила Мэри, как только они встретились. – Я специально не пошла домой, а приехала сюда, чтобы лично извиниться перед вами. Простите меня, неразумную. Мне так понравилось кататься, что я ничего не смогла с собой поделать. Вы меня поймете – это так замечательно! Я знала, что мое время уже закончилось, но остановиться было не в моих силах. Это чистейшей воды эгоизм. Но вы должны извинить меня, пожалуйста, хотя бы по той простой причине, что эгоизм не лечится, и тут уже никто ничего поделать не сможет.

Фанни, улыбнувшись, коротко заметила, что прекрасно понимает мисс Кроуфорд и, конечно же, ничуть не сердится на нее. Но в этот момент в разговор вступил Эдмунд, полностью становясь на защиту своей новой ученицы.

– Ничего страшного не произошло, – обратился он к Мэри, словно не замечая кузину. – Фанни может кататься, сколько угодно. Наоборот, вы ей сделали одолжение, заняв лошадь на полчаса. Посмотрите сами – на небе собираются облака, и теперь кузина не будет страдать от жары, катаясь на лошади. А то она бы измучилась под солнцем. Я волнуюсь теперь за вас – ведь вам придется возвращаться домой пешком! Не надо было сюда приезжать – это так опрометчиво с вашей стороны! А теперь вы устанете...

– Ерунда, – отмахнулась Мэри и ловко выпрыгнула из седла. – Жаль, что урок так быстро закончился. Не волнуйтесь, прогулка до дома меня несколько не утомит. Меня можно утомить только в одном случае – заставить делать то, что я терпеть не могу... Мисс Прайс, я передаю вам это великолепное послушное животное и надеюсь, что сегодняшнее утро вам тоже принесет только радость и удовольствие.

Но Фанни была уже достаточно уязвлена, чтобы наслаждаться туманным прохладным утром.

К ним подъехал конюх на своей лошади, Фанни вскочила в седло, и они устремились в дальнюю часть парка. Девушка старалась побыстрее забыть свои обиды, но конюх, как назло, завел разговор о мисс Кроуфорд, и долгое время надоедал Фанни своими замечаниями: какая Мэри восхитительная наездница, как она изящна и как здорово у нее все получается.

– Мне доставило большое удовольствие наблюдать за ней, – не умолкал конюх. – Приятно полюбоваться на настоящую леди. Она как будто родилась в седле! И ничуть не боится ездить. Не то, что вы, мисс... Я помню, когда шесть лет назад сэр Томас вас усадил на пони, вы так дрожали, что даже смешно было смотреть!

Когда Джулия и Мария встретились в гостиной с Фанни, восхищению сестер Бертрам не было предела. Они буквально возносили мисс Кроуфорд до небес. Ах, как у нее все быстро получается! Потом они, разумеется, вспомнили и себя, какие они бесстрашные и искусные наездницы, и в конце концов пришли к выводу, что равных им нет во всей округе.

– Я и не сомневалась, что у мисс Кроуфорд большие способности, – заметила Джулия. – По ней это сразу видно. У Мэри идеальная фигура, как и у ее брата.

– Это верно, – согласилась Мария. – К тому же она вся переполнена энергией, а лошади это хорошо чувствуют. Мэри – настоящая умница, она прекрасно понимает животных, а я уверена, что в верховой езде ум и сообразительность имеют решающее значение.

Когда наступил вечер, к Фанни подошел Эдмунд и как бы невзначай спросил, собирается ли кузина поехать на прогулку завтра утром.

– Еще не решила, – ответила Фанни. – Я полагаю, что тебе просто нужна лошадь?

– Лично мне она, как ты понимаешь, ни к чему, – улыбнулся Эдмунд. – Но если ты все равно останешься дома, то я заберу ее для Мэри. Мисс Кроуфорд без ума от моих уроков, и мы смогли бы позаниматься подольше... Короче говоря, я бы с удовольствием поучил ее кататься, не пожалев для этого и половины дня. Миссис Грант много рассказывает Мэри о тех

великолепных пейзажах, которые начинаются за пределами нашего парка. Бедная Мэри ничего еще не видела, и я бы показал ей чудесные места... Впрочем, – спохватился юноша, – это не очень срочно. Я смогу это сделать и в любой другой день. Мэри очень огорчится, если узнает, что это расстраивает твои планы. Тем более, что тебе это важнее, ведь она катается только ради удовольствия, а тебе это необходимо для здоровья...

– Нет, завтра я определенно никуда не поеду, – твердо произнесла Фанни. – Мне кажется, что в последнее время я слишком увлеклась этими прогулками верхом. А я уже достаточно окрепла, чтобы ходить пешком. К тому же мне бы действительно хотелось побыть дома, хотя бы ради разнообразия.

Эдмунд остался доволен таким ответом, и на следующий же день они с мисс Кроуфорд поехали кататься по окрестностям. Эдмунду не терпелось показать Мэри и деревню, и леса и все, что только было достойным внимания в их округе. К этой компании присоединились и Генри, и обе сестры Бертрам, а вечером за столом все бурно обсуждали свою поездку. Прогулка удалась и так понравилась молодежи, что все наперебой предлагали свои маршруты и на следующий день.

Правда, их планам мешала жара, но каждый тут же вспоминал, что есть и тенистые аллеи, по которым проехаться – одно удовольствие. Лишь одна Фанни молчала и не участвовала в этих горячих спорах.

Четыре дня подряд Бертрамы, как настоящие гостеприимные хозяева, показывали Кроуфордам красоты графства. Казалось, все были счастливы, и жара ничуть не смущала молодых людей. Напротив, трудности даже вдохновляли их. Все шло своим чередом, и лишь на пятый день над компанией сгустились тучи. И причиной их стала Мария Бертрам.

После того, как всадники вернулись в Парк, миссис Грант пригласила на обед Эдмунда и Джулию. Конечно, она не хотела обижать и Марию, но в тот день в Мэнсфилд пообещал приехать мистер Рашуорт, и миссис Грант посчитала, что Мария должна была его встретить в собственном доме. Но мисс Бертрам почувствовала себя оскорбленной и, сжав губы, молча отправилась восвояси.

Дело осложнилось еще и тем, что мистер Рашуорт так и не появился. Несчастной Марии пришлось провести вечер в обществе матери, тетюшки и кузины. Она сидела за столом, насупившись, и не поддерживала никакие разговоры. Если она еще и надеялась днем сорвать свое зло на женихе, то теперь ей надо было слушать весь вечер праздную болтовню миссис Норрис. Едва дождавшись десерта, она вышла из-за стола и, взяв какую-то первую попавшуюся неинтересную книгу, устроилась в гостиной на диване.

В половине одиннадцатого в дом ввалились счастливые Джулия и Эдмунд. Они разругались и от них веяло свежестью вечернего воздуха. По их радостным лицам нетрудно было догадаться, что ужин прошел восхитительно.

Мария, при их появлении, даже не оторвала глаз от книги, леди Бертрам уже задремала, а миссис Норрис, задав один или два вопроса об ужине и поняв, что на нее никто не обращает внимания, тут же смолкла.

Некоторое время Эдмунд и Джулия рассказывали о красоте звездного неба, о том, как хорошо сейчас на улице, как вдруг Эдмунд огляделся по сторонам и с удивлением спросил:

– А где наша Фанни? Неужели она уже отправилась спать?

– Не знаю, – пожала плечами миссис Норрис. – Только что была тут...

– Я здесь, – раздался тихий голос самой Фанни из темного угла комнаты. Девушка устроилась на диване так, что ее было почти не видно.

– Так ты весь вечер просидела здесь? Как глупо! – заворчала миссис Норрис. – Могла бы присоединиться и к нам, а не скучать в одиночестве. Если тебе нечем заняться, сказала бы мне об этом прямо, уж я бы нашла, чем тебя развлечь. Недавно нам прислали новые образцы

ситца, я с ними совсем замучилась. А ты, оказывается, и помочь ни в чем не хочешь. Думаешь только о себе и валяешься на диване без всяких забот!

Услышав первые слова тетушки, Фанни быстро вернулась к столу и снова взялась за вышивание леди Бертрам. Джулия не могла спокойно смотреть на это и, будучи в прекрасном расположении духа, тут же бросилась на защиту кузины:

– Ну уж, тетушка, вы слишком строги к Фанни. Уж кто-кто, а она как раз никогда не прохлаждается без дела!

– Фанни, – заговорил Эдмунд, чуть внимательнее присмотревшись к девушке. – Мне кажется, ты неважно себя чувствуешь. У тебя случайно не болит голова?

Та не стала скрывать своего недомогания, объяснив, правда, что боль пройдет сама и не стоит беспокоиться по такому пустяковому поводу.

– Я тебя хорошо знаю, – прервал ее Эдмунд. – Ну-ка признавайся, что с тобой стряслось?

– Ничего страшного, просто голова разболелась. Сразу же после ужина, наверное, от жары.

– Зачем же ты выходила в такую жару?

– А почему она не может немного погулять? – взорвалась миссис Норрис. – Сегодня был чудесный день. Мы все выходили. Даже твоя матушка погуляла часок в саду!

– Да, Эдмунд, это правда, – сообщила леди Бертрам, разбуженная криками сестрицы. – Я почти что целый час просидела в саду, пока Фанни срезала розы. Была ужасная жара, я чуть не задохнулась даже в беседке, только и мечтая о том, когда же снова вернуться в дом.

– А Фанни все это время находилась на солнце? – возмутился Эдмунд.

– Да, – самым невинным голоском ответила леди Бертрам. – И наверное, в этом году это уже последние розы. Бедняжка Фанни! Как она только выдержала на таком пекле! Но ждать было нельзя – розы необходимо было срезать, они уже и так слишком сильно распустились.

– Да, сестра права, – подхватила миссис Норрис. – Ждать было нельзя. Я думаю, может быть, от этого у Фанни и разболелась голова... Но ничего страшного, завтра все пройдет. – Она помолчала и обратилась к леди Бертрам. – Дорогая, я полагаю, надо дать Фанни немного ароматического уксуса, от него любая боль проходит, как ты считаешь?

– Я ей уже его дала, как раз после того, как она во второй раз вернулась от тебя.

– Что?! – возмутился Эдмунд. – Мало того, что Фанни срезала для вас розы, так она, оказывается, по такой жаре еще и путешествовала к вам домой два раза? Я правильно все понял, тетушка?

Но миссис Норрис уже о чем-то щебетала с Джулией и не расслышала его вопроса.

– Я так и думала, что у нее разболится голова, – призналась леди Бертрам, – но когда розы уже были срезаны, твой тете, Эдмунд, очень захотелось, чтобы они стояли и у нее в доме. Поэтому мы и послали туда Фанни.

– Да, но неужели их было так много, что она не могла отнести их за один раз?

– Конечно, могла. Но только тетя просила поставить их в пустой комнате, в той, где никто не живет, а Фанни забыла запереть дверь и вернуть ключ, – пояснила леди Бертрам. – Поэтому ей пришлось идти во второй раз...

Эдмунд нервно зашагал по комнате.

– Неужели для этого не нашлось прислуги? – вознегодовал он. – Я не поверю, что кроме Фанни этого никто другой не смог бы сделать!

– Я хотела, чтобы все было сделано наилучшим образом! – закричала миссис Норрис, не в силах больше притворяться глухой. – И единственным выходом было бы самой заняться этими цветами. Но только я не могу одновременно делать сразу несколько дел! А в это время, я как раз разговаривала по поводу найма еще одной доярки, кстати, по просьбе твоей же матушки. И еще меня ждал сын мистера Джефриза целых полчаса, я должна была похлопотать и о нем тоже. Ты прекрасно знаешь, Эдмунд, что я стараюсь все делать сама, и если нет неотложных поручений,

я всегда обхожусь собственными силами. Что же касается моего дома, то он находится всего в четверти мили отсюда, и не думаю, что это слишком большое расстояние для молоденькой девушки. Я же прихожу к вам по три, а то и по четыре раза на дню в любую погоду. И никогда никому не жалею на недомогание!

– Жаль, что Фанни не обладает вашей силой и таким же завидным здоровьем, мэм, – заметил Эдмунд.

– Если бы она побольше занималась физическими упражнениями, то не скисала бы столь быстро, – бушевала миссис Норрис. – Она уже несколько дней не ездит верхом, значит, должна возобновить свои пешие прогулки. Я считаю, что сидеть целый день на диване – не дело для такой молодой особы. Поэтому я и решила, что ей лучше будет прогуляться и слегка проветриться. Да, солнце светило весь день, но было не так-то и жарко, между прочим. Кстати, Эдмунд, – она кивком указала на леди Бертрам, – я думаю, что голова у Фанни разболелась именно от того, что она столько времени провела в саду, практически не передвигаясь.

– Да-да, скорее всего именно так, – подтвердила леди Бертрам, краем уха слушавшая весь этот разговор. – Жара стояла невыносимая, тут кто угодно мог бы солнечный удар схватить! А я никак не могла докричаться до своего мопсика! Этот негодяй издевался надо мной и бегал по клумбам вместо того, чтобы посидеть со мной в теничке. Я с ним так измучилась...

Эдмунд не стал отвечать а только, тяжело вздохнув, подошел к столу, где еще не были убраны остатки ужина, налил стакан мадеры и заставил Фанни выпить его почти до дна. Она хотела отказаться, но была так расстроена его вниманием, что слезы у нее перехватили дыхание и на глаза навернулись слезы. Короче, ей было легче выпить, чем говорить.

Эдмунд сердился на мать и тетюшку, но еще больше он злился на самого себя. Как он мог забыть о кухне! Как посмел бросить ее одну на их растерзание! Ведь он променял ее на общение со своей новой пассией на целых четыре дня, и ни разу даже не подумал, что может из этого получиться. И дело не только в том, что он лишил ее любимого развлечения – прогулок верхом. Теперь Эдмунд расценивал свое поведение как самое настоящее предательство и дал себе слово, что это больше никогда не повторится.

Фанни пошла спать расстроенная, совсем как в тот самый первый день, когда она приехала в Мэнсфилд. Последние несколько дней она чувствовала себя обиженной и совсем одинокой. Этим вечером, пристроившись на диване, она решила сделаться невидимой. Ей хотелось покоя, хотелось, чтобы никто не обращал на нее внимания, и душевная боль была куда сильнее той, что раскалывала ее голову. Теперь же, в постели, немного успокоенная добрым отношением Эдмунда, его заботой, она дала волю чувствам и разрыдалась, уткнувшись лицом в подушку.

Глава 8

Эдмунд на следующее же утро сам привел кобылу для Фанни, и она с удовольствием возобновила свои утренние прогулки. Теперь Эдмунд немного успокоился и надеялся, что кузина вскоре позабудет свои обиды и очень быстро восстановит пошатнувшееся здоровье. Погода обещала быть не такой жаркой, как накануне, и девушка с радостью отправилась в парк.

Пока Фанни скакала по аллеям и рошицам, в Мэнсфилд нагрянул мистер Рашуорт вместе со своей матушкой – солидной полной женщиной, которая хотела своими глазами увидеть парк и заодно обсудить план визита Бертрамов и Кроуфордов в их поместье Сотертон. Эта поездка, о которой молодые люди договорились еще две недели тому назад, пока что откладывалась именно из-за того, что миссис Рашуорт была вынуждена некоторое время провести вдалеке от дома. Но теперь, когда она вернулась, других препятствий не наблюдалось.

Миссис Норрис и ее племянницы несказанно обрадовались встрече. Был назначен день для поездки в Сотертон. Оставалось только выяснить, будет ли в это время свободен Генри, поскольку он считался самым желанным гостем. Сестры Бертрам не забыли и о том, что именно Генри должен был подсказать мистеру Рашуорту, как лучше переделать его имение. И хотя миссис Норрис авторитетно заявила, что Генри, разумеется, будет не против выбранного дня – среды, но сестры решили не рисковать. В конце концов Мария довольно прозрачно намекнула своему жениху, что лучше всего было бы спросить об этом непосредственно самого Генри, для чего надо было всего-навсего прогуляться до дома Грантов.

Мистер Рашуорт так и поступил, и прежде чем он успел вернуться, в дом Бертрамов пришли миссис Грант и мисс Кроуфорд. Но они выбрали другую дорогу и поэтому на пути не повстречались. Однако, Мэри сразу заявила, что Генри все утро оставался дома и скорее всего, мистер Рашуорт без труда его отыщет.

Тут же начались разговоры о поездке. Впрочем, теперь никто уже не мог думать ни о чем другом. Миссис Норрис щебетала о предстоящих приятных хлопотах, а миссис Рашуорт, которая думала только о собственном благе и интересах своего сына, упрашивала леди Бертрам принять участие в этой поездке. Та отнекивалась, как могла, но на хозяйку Сотертон это не производило никакого впечатления. Она продолжала настаивать. Тем более, что леди Бертрам отказывалась в таких неубедительно мягких тонах, что миссис Рашуорт подумала сначала, будто мадам просто стесняется. Пришлось вступить в разговор и неугомонной миссис Норрис, чтобы поставить все точки над «i».

– Дорогая моя, – обратилась она к миссис Рашуорт, – моя сестра очень быстро устает. Такое путешествие ей будет просто не под силу. Вы сами представьте – десять миль туда и столько же обратно! Вы уж простите ее, пожалуйста. Зато вместо нее я предлагаю себя и двух своих очаровательных племянниц. Так что мы возьмем количеством. – Она засмеялась своей шутке. – Конечно же, леди Бертрам мечтает увидеть Сотертон, я в этом уверена, но здоровье, увы, не позволяет этой мечте осуществиться. Но не волнуйтесь за нее – скучать она не будет, потому что ей составит компанию наша Фанни Прайс. Что же касается Эдмунда, то, хотя его сейчас тут нет, я возьму на себя смелость сказать за него. Я уверена, что он с удовольствием присоединится к нашей маленькой компании. Кстати, он может поехать и верхом, поэтому мест в экипаже хватит на всех.

Миссис Рашуорт огорчилась, услышав такую речь.

– Но как же так! Я хотела, чтобы вы все поехали к нам в гости! – сокрушалась она. – Жаль, что леди Бертрам не выносит долгую дорогу. А почему же вы не можете взять с собой и юную леди? Мне будет обидно, если Фанни не увидит наше имение. Там очень красиво.

– Вы так добры к нам, – тут же расплылась в улыбке миссис Норрис. – А что касается Фанни, не беспокойтесь, мы ведь скоро будем с вами в некотором смысле родственниками. Так

что и Фанни еще представится случай навестить вас, и не раз, я полагаю. Я считаю, что этот вопрос даже не стоит поднимать сейчас. К тому же и леди Бертрам ее не отпустит.

– Ни в коем случае! Я не смогу обойтись без своей Фанни!

Но миссис Рашуорт на этом не успокоилась и тут же пригласила в гости и двух подошедших дам. Разумеется, миссис Грант вежливо отказалась, но была совсем не против, чтобы ее сестра мисс Кроуфорд поехала туда. Мэри с восторгом захлопала в ладоши и не заставила себя уговаривать.

В это время вернулся мистер Рашуорт. Он побеседовал с Генри, и тот дал свое согласие на поездку в среду. Когда Рашуорты уезжали, у дома появился Эдмунд. Он прибыл как раз в тот момент, когда миссис Рашуорт усаживалась в экипаж, и даже успел подать ей руку и проводить до ворот, а заодно и немного пройтись с мисс Кроуфорд и миссис Грант.

Когда он вернулся в столовую, то застал миссис Норрис в раздумьях. Теперь она размышляла вслух о том, стоит ли брать с собой мисс Кроуфорд и не будет ли она им там помехой. А если брать, то хватит ли места для всех в экипаже. Услышав это, обе сестры Бертрам расхохотались, заявив, что места там вполне достаточно для четверых, не считая козел, где может запросто разместиться еще один пассажир.

– Нам совсем не обязательно ехать в экипаже мистера Кроуфорда, – заявил Эдмунд. – Почему бы не воспользоваться ландо моей матушки? Кстати, я уже думал над этим и решил, что если уж мы наносим, так сказать, семейный визит, то можем взять для этого и семейное ландо. Полагаю, это будет весьма символично.

– Что? – возмутилась Джулия. – В такую жару тащиться на этой колымаге? Нет уж, дорогой мой братец, я предпочитаю прогулочную коляску.

– И кроме того, – подхватила Мария, – мистер Кроуфорд еще в прошлый раз обещал прокатить нас. Так что это теперь для него – дело чести взять всю ответственность за путешествие на себя.

– И еще, – добавила миссис Норрис, хищно улыбнувшись племяннику, – какой смысл нам брать два экипажа, если мы прекрасно уместимся в одном? К тому же, мне помнится, наш кучер терпеть не может дорогу до Сотертон. Он всегда говорил, что там есть узкие переулки и дома стоят в одном месте так близко друг от друга, что он каждый раз задевает их боками экипажа. Я не думаю, чтобы сэру Томасу очень понравилось увидеть свое любимое ландо с ободранным лаком.

– Тем более, – согласилась Мария, – нам нужно воспользоваться предложением мистера Кроуфорда и поехать в его коляске. Правда, я должна заметить, что наш Уилкокс – глупый парень и простофиля. Он просто не умеет править лошадьми как следует, поэтому у него и экипаж не проезжает по вполне нормальной дороге. Вот вы сами все в среду увидите, что нет там никаких переулков, где можно было бы застрять.

– Я думаю, ничего не случится страшного, если кто-то из вас прокатится и на козлах вместе с кучером, – сказал Эдмунд.

– Страшного? – изумилась Мария. Да это самое почетное место. Во всяком случае, так всегда считалось. Представляешь, сколько простора открывается оттуда, свысока. Помню, мы в детстве с Джулией даже как-то подрались из-за этого места. Мне кажется, мисс Кроуфорд с удовольствием там устроится, да еще никому его и не уступит.

– Ну что ж, тогда, я думаю, мы можем взять с собой и Фанни, раз места хватает на всех, – закинул удочку Эдмунд.

– Как это – Фанни? – удивилась миссис Норрис. – Об этом, милый мой, не может быть и речи. Она должна остаться здесь вместе с леди Бертрам. Фанни с нами не поедет, я уже договорилась обо всем с миссис Рашуорт. Ее там никто и не ждет.

– Я думаю, что моя мать не настолько жестока, чтобы лишать девушку такого шанса как следует отдохнуть и набраться свежих впечатлений. Я ведь прав? – обратился Эдмунд к леди

Бертрам. – Ведь если бы ты смогла обойтись без Фанни, ты не была бы против ее участия в нашей поездке?

– Конечно нет, дорогой мой, но дело в том, что я действительно не могу без нее обойтись.

– Сможешь, – уверенно произнес молодой человек, – потому что в доме останусь я. И мы прекрасно проведем с тобой время вдвоем.

Сестры Бертрам вскрикнули от удивления так синхронно, что и сами испуганно посмотрели друг на друга.

– Да-да, – подтвердил Эдмунд. – Мое присутствие там вовсе не обязательно, и я запросто пожертвую собой. А вот Фанни давно мечтала посмотреть Сотертон. Я это знаю, и пусть вслух она говорит, что хочет. Кстати, не так-то часто на ее долю выпадает случай как следует повеселиться. Я думаю, мэм не станет лишать девушку радости на этот раз?

– Ну конечно, я с удовольствием отпущу ее, если, конечно, твоя тетушка не станет возражать, – согласилась леди Бертрам.

Миссис Норрис, в общем-то, не возражала. Единственное, что терзало ее теперь – как же она предъявит Фанни после того, как твердо договорилась с миссис Рашуорт не брать ее с собой. И если девушка появится в поместье, то сама миссис Норрис будет чувствовать себя несколько неуютно.

И тетушка принялась распространяться о том, как глупо она будет выглядеть в глазах такой достопочтенной дамы, ведь это уже граничит с нахальством. А вдруг Рашуорты подумают, что миссис Норрис – пустомеля, что она только обещает и ничего не выполняет, что она запросто бросается словами, и так далее и тому подобное.

Конечно, тетушке было наплевать на Фанни. Она никогда ее не баловала своим вниманием и заботой, но на этот раз могла бы и уступить. Но именно сейчас ей хотелось настоять на своем только лишь потому, что в дело вмешался Эдмунд. А ведь идея навестить Рашуортов принадлежала тетушке, и поэтому она справедливо (как ей казалось) считала, что за ней должно остаться последнее слово. Миссис Норрис полагала, что подобрала вполне приличную компанию, и любые изменения в ее плане только нарушат гармонию.

Но Эдмунд довольно быстро охладил пыл своей тетушки. Он молча выслушал всю ее тираду, и когда миссис Норрис набрала в грудь побольше воздуха, чтобы продолжать, воспользовался короткой паузой и заявил:

– Кстати, когда я провожал Рашуортов до ворот, я спросил хозяйку имения, не будет ли она против, если мы прихватим с собой еще и Фанни. Так вот, миссис Рашуорт очень обрадовалась, что в нашей компании будет еще одна девушка. Она даже взяла с меня слово, что я постараюсь уговорить леди Бертрам отпустить Фанни с нами. Так что можете не сочинять заранее свои извинения перед Рашуортами, дорогая тетушка.

– Ну, раз так, – фыркнула миссис Норрис, – то я снимаю с себя всяческие обязательства по поводу устройства этой поездки. Поступайте, как знаете. – И она в сердцах махнула рукой, давая понять, что визит в Сотертон с этой минуты перестал ее интересовать.

– Странно как-то получается, – вздохнула Мария, поворачиваясь к брату. – Почему ты должен оставаться здесь вместо Фанни?

– Представляю, как она обрадуется, – проворковала Джулия и быстро удалилась из комнаты, прекрасно понимая, что, если уж разобраться, то в Мэнсфилде должна была остаться именно она, а не Фанни, и уж, конечно, не Эдмунд.

– Что ж, я тоже буду вполне доволен, что смогу хоть чем-то быть полезен, – улыбнулся юноша, и тема на этом была исчерпана.

Услышав о том, что планы немного изменились, Фанни сначала была несколько удивлена, а затем глаза ее осветились радостью. Может быть, даже не столько радостью, сколько благодарностью. Она снова воспряла духом. Значит, Эдмунд не променял ее на мисс Кроуфорд, значит, он по-прежнему относится к ней с нежностью и заботой. Но только вся поездка теряла

смысл для Фанни – как же она сможет наслаждаться красотами Сотертонна, если рядом не будет самого главного участника – Эдмунда?

На следующем собрании всех семейств, обитающих в Мэнсфилде, планы претерпели еще одно изменение, на этот раз одобренное всеми без исключения. Миссис Грант предложила свои услуги леди Бертрам на время отсутствия Фанни, и таким образом, теперь Эдмунд мог поехать вместе со всеми. Доктор Грант не возражал и тут же был приглашен в гости в дом Бертрамов на обед. У всех заметно поднялось настроение. Даже Эдмунд повеселел, предвкушая интересное путешествие, а миссис Норрис не преминула заявить, что ей и самой пришлось это в голову, и она уже собиралась раскрыть рот, но миссис Грант опередила ее, хотя буквально на какую-то долю секунды.

В среду после завтрака у ворот Парка показалась повозка с Кроуфордами и миссис Грант. После того, как миссис Грант вышла и направилась к дому, чтобы составить компанию скучающей леди Бертрам, все начали занимать свои места. Однако, самое завидное место – на козлах – оставалось пока свободным. Обе сестры Бертрам мечтали о нем, но никто не решался прыгнуть туда первой. Их сомнения разрешила миссис Грант. Она непринужденно заговорила, заметив некоторую растерянность сестер:

– Я вижу, вас тут пятеро, а мест в ландо только четыре, значит, кому-то придется устроиться рядом с Генри. Джулия, мне помнится, ты совсем недавно мечтала о том, чтобы научиться управлять лошадьми. Вот и полезай туда, навех. Глядишь, за время путешествия чему-нибудь и выучишься.

Как же повезло Джулии! Мария немного расстроилась, но постаралась не подавать и виду, что ее интересовало это место рядом с кучером. Джулия стрелой взлетела навех, а Мария постепенно уселась рядом с тетужкой Норрис, и ландо медленно тронулось вперед, сопровождаемое пожеланиями леди Бертрам и миссис Грант счастливого пути и под громкий лай очумевшего от зноя мопса.

Дорога лежала через живописные поля и луга, мимо зеленых рощ и лесов. Фанни, которой уже давно не приходилось путешествовать так далеко от дома, то и дело вскрикивала от восхищения, озираясь по сторонам. Ее не приглашали принять участие в разговорах, которые велись во время дороги, но ее это ничуть не обижало – она предпочитала наслаждаться природой. Впрочем, Фанни давно привыкла к тому, что ее собственные размышления и воспоминания становились для нее дорожее любого собеседника. И теперь она с удовольствием рассматривала и деревья, и кусты, и домики, мимо которых они проезжали. А когда по пути встречались коровы, овцы или играющие дети, восторгу девушки не было предела. Наверное, даже разговор с Эдмундом сейчас не затмил бы всей прелести от новых впечатлений.

Очевидно, только любовь к Эдмунду и делала ее в чем-то схожей с мисс Кроуфорд, которая сейчас сидела рядом с Фанни. В остальном они были слишком разными. У Мэри не было ни того тонкого вкуса, ни чувства прекрасного по отношению к природе. Мэри ценила исключительно общество людей, все остальное пребывало как будто в стороне от ее интересов. Эдмунд скакал верхом чуть поодаль, но когда они встречались время от времени, то Фанни и Мэри вскрикивали одновременно: «А вот и он!», а потом переглядывались и тут же замолкали.

Первую половину пути мисс Бертрам чувствовала себя неудобно. Ее раздражало веселое настроение сестры и шутки мистера Кроуфорда. Правда, до самой Марии доносились лишь обрывки их разговора, зато она прекрасно видела и мужественный профиль Генри, и смеющееся лицо Джулии, хохочущей почти без остановки всю дорогу к поместью. Мария дулась на сестру и не разделяла ее восторга. Тем более, что Джулия имела наглость время от времени оборачиваться и, обращаясь со вздохом, к сестре, объявлять во всеуслышание:

– Отсюда такая красота смотреть на дорогу! Жаль, что ты этого не увидишь. Какая прелесть! Я не могу и словами передать...

Когда же они поднялись на вершину холма, откуда открывался великолепный вид, Джулия снова обернулась, но, не желая расстраивать сестру, обратилась на этот раз к мисс Кроуфорд:

– Мисс Мэри, тут так чудесно, если бы вы могли сесть рядом с нами!.. – И только мисс Кроуфорд открыла рот, чтобы ответить, Джулия снова зашебетала: – Но что это я говорю! Конечно же, вы ни за что бы, не согласились поменяться со мной местами.

Однако очень скоро они оказались к окрестностям Сотертон, и теперь уже хозяйкой положения стала, безусловно, мисс Мария Бертрам. Еще бы! Ведь эти владения ее жениха скоро станут и ее собственными! Она начисто забыла о Генри и думала теперь только о том, что в ближайшем будущем все луга и леса станут принадлежать и ей тоже.

Сейчас она с легким сердцем начала пояснять мисс Кроуфорд, что все, находящееся справа и слева от их экипажа, относилось уже к Сотертону. Но особенно радовалась Мария, когда вдали показался настоящий старинный замок, где и жила семья Рашуортов.

– Ну все, мисс Кроуфорд, – облегченно вздохнула Мария. – Считайте, что ухабы и колдобины закончились. Теперь мы уже в поместье, а мистер Рашуорт постарался провести тут чудесную дорогу с тех пор, как вступил во владения имением. А вон там, видите, находится деревня. Конечно, домишки довольно убогие, но зато здесь у них великолепная церковь. Мне нравится, что церковь расположена не так близко к самому дому, как это часто бывает в старинных поместьях. А вон там – дом священника, очень симпатичный и опрятный. Да и сам священник, и его жена – достойные милые люди.

Там, чуть подальше – богадельня, которую выстроили предки мистера Рашуорта. Направо – дом управляющего, это очень уважаемый человек. Мы подъезжаем к главным воротам, но все равно у нас впереди еще целая миля пути по парку. Тут, конечно, предстоит уйма работы мистеру Рашуорту – видите, он уже начал понемногу вырубать самые заросшие лесом места. Ну что ж, зато дров теперь будет в избытке! Потерпите еще немного – мы уже почти на месте.

Мисс Кроуфорд слушала все это с восхищением. Она прекрасно понимала чувства мисс Бертрам и теперь, как могла, поддерживала ее, восторгаясь буквально всем, что встречалось им по пути.

Миссис Норрис, разумеется, болтала без умолку, и даже немногословная Фанни вслух высказала свое одобрение при виде парка. Увидев издалека дом Рашуортов, Фанни замолчала в благоговении – такое внушительное здание вызывало глубокое уважение к Рашуортам и их благородным предкам. Когда они поехали по парку, она спросила:

– А где аллея? Та самая, которую мистер Рашуорт собирался уничтожить? Как я поняла, дом стоит фасадом к востоку, значит, она расположена позади него? Мне помнится, он говорил что-то о западной части парка.

– Совершенно верно, – подтвердила Мария. – Она начинается за домом и ведет вниз к лесам. В основном, на ней растут одни дубы. Впрочем, даже отсюда их видно – вон там.

Мария чувствовала себя на высоте. Сейчас она могла свободно говорить обо всем, чего и сама пока не знала. И остальные слушали ее, раскрыв рты и заранее веря каждому ее слову. Мисс Бертрам могла сочинить и что-нибудь еще более ошеломляющее, но в это время ландо остановилось, потому что они подъехали к каменным ступеням парадного крыльца.

Глава 9

Мистер Рашуорт с нетерпением ожидал свою избранницу. Он помог ей выйти из экипажа и широким жестом пригласил в дом всех остальных гостей. В холле их так же приветливо встретила хозяйка дома, но было заметно, что она выделяет мисс Бертрам и отдает ей предпочтение. И Марии было это особенно приятно.

После того, как все обменялись приветствиями, гостей повели в столовую перекусить с дороги. Стол был уже уставлен всевозможными яствами. Здесь и начался разговор об основном событии предстоящего дня – а именно, как намеревается мистер Кроуфорд осматривать владения мистера Рашуорта. Ведь для того, чтобы давать советы по переустройству имения, требовалось доскональное знание всей территории. И тогда мистер Рашуорт предложил воспользоваться своим двухколесным экипажем. Но Генри тут же, отклонил это предложение.

– Нет, это было бы нечестно по отношению к остальным, – заявил он хозяину дома. – Ведь, я полагаю, и наши дамы могли бы дать вам несколько дельных советов, а в экипаж уместимся только мы двое. Нельзя лишить никого удовольствия ознакомиться с Сатертоном!

Тогда миссис Рашуорт посоветовала взять два экипажа, но, очевидно, дам и этот вариант не привел в восторг. Они молчали, и никто из них не улыбался, особенно расстроились предстоящей перспективе сестры Бертрам. В конце концов, миссис Рашуорт решила показать гостям дом, пока будет решаться вопрос об экипажах. Эта идея была встречена с большой радостью. Марии хотелось поскорее увидеть свои будущие владения, ведь пока что она имела возможность внимательно изучить здание только с внешней стороны.

Все встали из-за стола и направились на исследование старинного дома, возглавляемые самой миссис Рашуорт. Они проходили по большим комнатам с высокими потолками и старинной мебелью. Повсюду сверкали полированные полы из паркета красного дерева, в коридорах были развешаны сабли и шпаги, а перила и ступеньки лестниц были выполнены из мрамора. Во всех комнатах стены украшали картины, и некоторые из них были достойны внимания. Правда, в основном, на гостей глядели лица предков семейства Рашуортов, не представляющие собой никакой художественной ценности. Хозяйка дома рассказывала о них все, что помнила еще с детства.

Впрочем, все это мало интересовало женщин, и теперь миссис Рашуорт образалась в основном только к мисс Кроуфорд и Фанни. Мэри частенько бывала в похожих домах, и ее, разумеется, не волновали семейные истории. Она слушала только из вежливости, кивая время от времени пожилой женщине, чтобы не обидеть ее. Зато Фанни проявляла самый искренний интерес ко всему, что рассказывала миссис Рашуорт. Для нее все тут было ново и захватывающе. Она впитывала все легенды, связанные с этим домом, и если ей казалось этого недостаточно, то живое воображение девушки тут же дорисовывало и приезд королевской семьи в Сатертон, и балы, происходившие тут много лет тому назад.

Но сам дом был расположен довольно неудобно, и из комнат не открывалось никакого приятного вида. Пока гости делали вид, что с интересом слушают хозяйку, Генри Кроуфорд, выглядывая в окна, то и дело неодобрительно покачивал головой. Когда группа переместилась в западное крыло, то он отметил, что из всех окон была видна лишь лужайка перед домом и начало парка, скрывающегося за железной изгородью.

Итак, весь дом в конце концов был обойден, и миссис Рашуорт с гордостью сказала:

– Ну что ж, вот, пожалуй, и все, что я хотела вам показать. Я имею в виду жилые комнаты. А теперь мы пойдем в часовню. Впрочем, мы должны были войти в нее другим путем, через верхний этаж, однако, если вы не возражаете, я проведу вас здесь.

Произнеся это, она жестом пригласила всех присутствующих следовать за собой, и очень скоро вся группа очутилась в часовне. Фанни приготовилась увидеть нечто грандиозное и

захватывающее дух. Но они оказались в просторной продолговатой комнате, предназначенной для совершения молитв. Ничем особенным это помещение и не отличалось от других. Возможно, только отделка из красного дерева и обивка из темно-красного бархата придавали часовне торжественность.

– А я-то думала! – разочарованно протянула она, обращаясь к Эдмунду. – Мне часовня представлялась совсем другой. Никакой величественности тут нет. А ведь в подобных местах дух должно перехватывать от благоговения, верно? Мне казалось, что тут должны быть какие-то старинные надписи и лозунги, разные замысловатые арки, хоругвь и все такое прочее. Или семейный склеп, на худой конец, где выбиты слова вроде «Под камнем сим почивает Король Шотландский»...

– Ну что ты, Фанни, – улыбнулся Эдмунд, – ты забываешь, в какое время был выстроен этот дом. К тому же это же не замок и не монастырь, а самое обычное дворянское поместье. Сюда приходили только члены семьи, чтобы помолиться в тишине. А похоронены они, как я полагаю, на церковном кладбище. Вот там и надо искать всякие надписи на могилах.

– В самом деле, – согласилась девушка. – Почему мне это сразу не пришло в голову? Какая же я глупая!

Миссис Ращуорт откашлялась и начала свое повествование.

– Эта часовня была выстроена и отделана, как вы сами видите, во времена царствования Якова Второго. До того периода, как я понимаю, здесь была простая комната. Как вы заметили, красным бархатом обтянуты только те скамьи, которые принадлежали знатным членам нашего семейства и, разумеется, сама кафедра проповедника. Раньше эта симпатичная часовня использовалась для молитвы и проповедей как утром, так и вечером. У нас всегда был свой семейный священник, который читал молитвы в этой часовне. Но покойный мистер Ращуорт нарушил эту традицию, и теперь часовня пустует.

– Каждое поколения пытается ввести свои новшества, – улыбнулась мисс Кроуфорд, обращаясь к Эдмунду.

Миссис Ращуорт отошла в сторону, чтобы рассказать и мистеру Кроуфорду немного об этой часовне, и Эдмунд с Фанни и Мэри остались на некоторое время совсем одни.

– Жаль, что теперь сюда больше никто не приходит, – вздохнула Фанни. – Мне всегда было больно слушать, что старинные традиции забываются и уходят в прошлое. А ведь вы только подумайте – в большой доме, таком как этот, есть и своя собственная частная часовенка и даже свой личный священник. Это говорит о многом, ну, например, о том, какая это была дружная семья. Еще бы! Два раза в день они собирались вместе для того, чтобы помолиться и послушать проповедь.

– Да, лучше не придумашь! – рассмеялась мисс Кроуфорд. – Представляю себе, сколько усилий надо прилагать, чтобы дважды на дню собирать вместе всю прислугу. Их же приходилось каждый раз отрывать от их непосредственных обязанностей! А те наверняка только и делали, что придумывали всяческие отговорки...

– А я не вижу в этом ничего плохого, – поддержал кузину Эдмунд. – Но только пример должны показывать сами хозяева дома, а не прислуга, разумеется. И если глава семьи регулярно сам посещает часовню, то, мне кажется, никто из его слуг не стал бы отказываться присоединиться.

– Ну, уж нет, что это такое – насильно заставлять приходить сюда и молиться! – фыркнула Мэри. – Мне кажется, что это настолько личное дело каждого, что любой человек вправе сам для себя решить, в какое время суток ему лучше посвятить свое время Богу. Нельзя превращать проповеди в обязательные мероприятия – такое отношение автоматически вызовет подсознательное сопротивление. Вы только представьте себе – лежите вы спокойно в кровати, а потом вдруг спохватываетесь, смотрите на часы – кошмар! опаздываю! – и стремглав несетесь сюда, чтобы послушать священника. И вместо того, чтобы поваляться еще минут десять,

вы обязаны присутствовать на проповеди, потому что «так велено хозяином». Чушь какая-то! После такого ритуала и голова может разболеться. А попробуй не прийти – тебя тут же обвинят во всех смертных грехах! И какая это тоска – особенно для молоденьких служанок – стоять тут, преклонив колена, и молиться вместо того, чтобы пофлиртовать с молодыми людьми где-нибудь на свежем воздухе! Вот и приходилось им глазеть только на этого семейного священника, и ладно, если он при этом был приятной наружности. Мне кажется, что вообще священники в древности были не такие уж и красавцы. Да они и сейчас ничуть не лучше.

Наступила пауза. Некоторое время все трое молчали. Фанни покраснела и тайком посмотрела на Эдмунда. Но она сейчас так рассердилась на Мэри, что не в силах была говорить. Сам же Эдмунд, услышав такую речь, должен был немного собраться с мыслями, чтобы достойно ответить мисс Кроуфорд.

– Мне кажется, – начал он, – что вы говорили обо всем этом не слишком серьезно. У вас прекрасно работает воображение, и нельзя сказать, что все картины, которые вы нам нарисовали, не происходили и в действительности. Однако это могло быть исключением. Какие же люди здесь жили, если для них молитва и проповедь ассоциировались лишь с головной болью? К тому же я не совсем понял, почему священник должен быть обязательно симпатичным? Мы же приходим в часовню молиться, а не созерцать возможных женихов!

– Ну почему же? – возразила Мэри. – Во всяком случае, если священник красив, то смотреть будут только на него и те, кто пришел, не станут скучать и отвлекаться, озираясь по сторонам.

– Если проповедь интересна и поучительна, я думаю, никто и так не будет скучать. Впрочем, самое главное – это чтобы она не затягивалась. Тогда, разумеется, прихожанам надоест слушать ее. Я не так давно сам ведь приехал из Оксфорда, где учился на священника, и я пока что не забыл всех правил, с которыми так познакомился.

Пока они спорили, Джулия отозвала в сторонку мистера Кроуфорда и, указывая на свою сестру и мистера Рашуорта, стоявших неподалеку, прошептала:

– Посмотрите на эту милую парочку. Кажется, они готовы обвенчаться прямо сейчас. Вам не кажется, что сама атмосфера этой часовни навевает мечты о семейной жизни?

Мистер Кроуфорд улыбнулся и, сделав вперед три шага, нагнулся к Марии и тихо проговорил, так, чтобы кроме нее его никто не услышал:

– Мне очень печально видеть, что прекрасная мисс Бертрам стоит так близко у алтаря...

Мария вздрогнула и отступила, а потом, собравшись с мыслями, вдруг расхохоталась и шутливо заметила:

– А вы меня не отдавайте!

– Боюсь, что тут у меня уже ничего не получится, – вздохнул Генри и заглянул ей в глаза, стараясь понять, как девушка отнесется к этому высказыванию.

Джулия, слышавшая весь разговор, тоже весело рассмеялась.

– Жаль, что нельзя обвенчаться прямо здесь, – сказала она и покачала головой. – Представляете, как было бы все здорово! Тут так уютно, да и мы все в сборе. Если бы у нас было такое разрешение, большего и желать не приходилось бы!

Джулии так понравилась эта несбыточная затея, что она, радуясь собственной находчивости, понеслась дальше к миссис Рашуорт, расписывая ей в ярких красках, как было бы замечательно ее сыну и Марии обвенчаться прямо в их семейной часовне. Сам мистер Рашуорт выглядел сейчас таким счастливым рядом с мисс Бертрам, что по нему было ясно – он готов и сам связать себя семейными узами – где угодно, лишь бы это произошло побыстрее.

Выражение лица мисс Кроуфорд при этом могло бы довести до обморока даже человека, впервые видевшего эту своеобразную леди. Фанни пожалела ее, потому что после восторженных восклицаний Джулии, Мэри побледнела и была похожа скорее на привидение. «Она еще очень пожалеет об этом неожиданном всплеске страстей», – участливо подумала Фанни.

– Значит, это ваше твердое решение – посвятить себя служению Богу, приняв сан? – спросила мисс Кроуфорд.

– Да, вы совершенно правы. И все произойдет, как только вернется мой отец. Надеюсь, что появления его следует ожидать не позже Рождества.

Мисс Кроуфорд, к этому времени совершенно оправившись, приобрела, наконец-то, нормальный цвет лица.

– О, если бы я знала об этом раньше, я, может быть, с большим пониманием отнеслась бы к вашим чаяниям, – с чувством произнесла Мэри, как бы желая извиниться за свою бестактность, которую позволила себе в отношении семейной часовни.

С тех пор, в течение почти целого года тема, касающаяся пресловутой часовни, была покрыта флером молчания. Мисс Бертрам пошла вперед решительными, торопливыми шагами, как бы желая дать понять собравшимся, что дальнейший осмотр этой части дома ей нежелателен. (Внимательный наблюдатель, без сомнения, подметил бы, что сие вызвано поведением ее сестры).

Итак, вся нижняя часть дома была уже осмотрена, и миссис Рашуорт с удовольствием повела бы гостей наверх, чтобы продолжить экскурсию и в спальнях, но ее сын как раз в этот момент недвусмысленно намекнул, что на это у них уже не остается времени.

– Если мы начнем осматривать еще и верхний этаж, – пояснил он тоном, не оставляющим сомнений, – то не успеем сделать то, для чего собрались. Сейчас уже третий час, а на пять назначен обед.

Миссис Рашуорт оставалось лишь повиноваться. И тут же миссис Норрис начала предлагать самые различные варианты – кто и в каком экипаже поедет для осмотра владений Рашуортов. Она так увлеклась своими рассуждениями, словно не замечая, что молодым людям не хочется ехать ни в экипажах, ни верхом – все они горели страстным желанием прогуляться по парку и лесу просто пешком. Им порядочно наскучило находиться в доме, и теперь юные сердца так и рвались вперед, на свободу, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха.

– Ну, давайте начнем хотя бы отсюда, – важно произнесла миссис Рашуорт, как только компания вышла в сад. Здесь собраны уникальнейшие растения. Кстати, тут же мы разводим забавных фазанов.

– Можно задать вопрос? – вступил в разговор мистер Кроуфорд. – Прежде чем идти дальше, я хотел бы посоветоваться с мистером Рашуортом относительно вон той лужайки. Мне кажется, тут можно придумать кое-что оригинальное в плане перестройки поместья.

– С удовольствием, – ответил хозяин. – Я запомню ваше предложение, и мы обсудим его чуть позже.

– Джеймс, – обратилась миссис Рашуорт к сыну, – покажи гостям ту часть парка, которая осталась нетронутой. Сестры Бертрам там еще не были. Да и всем остальным это будет весьма интересно.

Против этого никто не возражал, хотя конкретного маршрута у компании еще не было. Пока что восхищенные красотой диковинных растений и самых настоящих фазанов, молодые люди бродили по саду. Мистер Кроуфорд первым направился к приглянувшейся ему лужайке, обнесенной со всех сторон высокими бордюрами из живой изгороди. Здесь же находилась площадка для игры в крокет, а дальше, за железной оградой, начиналась самая интересная часть парка, куда и предлагала всем прогуляться хозяйка поместья.

Компания постепенно продвигалась вперед. Первыми шли мистер Рашуорт и Генри. К ним присоединилась и мисс Бертрам. Они шумно обсуждали достоинства и недостатки парка, а гости давали хозяину самые разнообразные советы. За этой троицей не спеша шествовали и остальные, незаметно для себя разбившись на группы. Мисс Кроуфорд весело щебетала о чем-то с Эдмундом, и Фанни (что вполне естественно) хотела было примкнуть к этой парочке, но, увидев, как увлеченно они беседуют, незаметно отстала. Чуть поодаль шли миссис Рашуорт и

несчастливая Джулия. Фортуна отвернулась от девушки на этот раз, и к тому же ей приходилось плестись медленным шагом, составляя компанию уже пожилой хозяйке дома. Миссис Норрис отстала от остальных – она сейчас вела оживленную беседу с экономкой, которая в этот момент как раз вышла из дома, чтобы покормить фазанов.

Бедная Джулия! Казалось, она была единственной из всей компании, не получившая никакого наслаждения от прогулки. Как же она отличалась теперь от жизнерадостной и сияющей Джулии, которая прибыла сюда на козлах повозки Генри! Однако, девушка была прекрасно воспитана, и это не позволяло ей бросить миссис Рашуорт, чтобы присоединиться к молодежи. Она потихонечку вздыхала и продолжала уныло плестись рядом с хозяйкой дома.

– Какая невыносимая жара стоит сегодня! – заметила мисс Кроуфорд, когда они с Эдмундом подошли к воротам в железной ограде. – Посмотрите, там дальше начинается прекрасный маленький лесок. Думаю, никто не станет возражать, если мы посетим и его? Если, конечно, сможем попасть туда. Как было бы замечательно, если бы та дверь оказалась незапертой. Но – увы! – это нереально. Я знаю, что в таких парках садовники – единственные люди, имеющие доступ ко всем уголкам поместья. И лишь они могут проникать туда, куда только не пожелают...

Однако ко всеобщему удивлению дверь оказалась незапертой, и тут же было решено отправиться на исследование леса. Впрочем, это были, разумеется, не настоящие дебри, а всего-навсего лесопарк площадью в два акра с аккуратно высаженными буками, лиственницами и лавровыми деревьями. И хотя их время от времени подрезали, все же тут было достаточно тенисто по сравнению с лужайками возле дома. Чувствовалась приятная прохлада, и некоторое время компания шла молча, восхищаясь красотой леса.

– Итак, вы собираетесь стать священником, мистер Бертрам? – начала мисс Кроуфорд, обращаясь к Эдмунду. – Признаться, вы удивили меня таким признанием!

– Отчего же? Я считаю, что эта профессия ничуть не хуже других. Но я чувствую и призвание. Было бы хуже, если бы из меня, например, получился посредственный юрист, или солдат, или моряк, верно?

– Конечно. Но вы могли бы вообще ничего не делать, если бы получили наследство. Я слышала, что младшему сыну обычно переходит состояние либо деда либо одного из дядюшек.

– Да, такая традиция действительно существует, но не является правилом. А если и является, то я – всего-навсего исключение. И поэтому мне надо позаботиться о добыче средств к существованию.

– Но почему тогда именно священник? – снова удивилась Мэри. – Я считала, что это участь уготована самым младшим в семье, где много детей. К тому же каждый мужчина старается как-то отделиться и выделиться. Многим это удается, но, конечно, не в церкви. От священника в нашей жизни ничего не зависит, кроме, разве что, спасения души.

– В некотором смысле вы, наверное, правы. Ведь священники – не политики и не законодатели мод. Эти области жизни для них закрыты. Мы не можем вести за собой толпы почитателей или выдумывать новые фасоны шляпок для девушек.

Но я бы не сказал, что священник далек от жизни. Он посвятил себя Богу, спасению заблудших душ, внесению в общество морали, воспитанию подрастающего поколения и, к тому же, служению общественной нравственности. Служение Господу подразумевает в себе не только отправление обрядов, но и быть пастырем своего человеческого стада, которое без него может пропасть. Недаром ведь говорят – «пастырь человеческих душ». К слову сказать – пастырь – значит пастух!

– Это, конечно, интересное умозаключение, – улыбнулась мисс Кроуфорд, – но я не могу согласиться с вами во всем. Такое влияние на человека практически незаметно в обществе хотя бы потому, что и сами священники появляются в нем довольно редко. Воскресная проповедь, к сожалению, это-то единственное, что пастырь духовный несет людям. Но это бывает

всего лишь раз в неделю, не считая, конечно, праздников. И как возле аналая, мы со священниками практически и не общаемся. Исключением может быть является тайна исповеди, да и то немногие к ней прибегают.

– Я не имею в виду Лондон, как столицу. Во многих местах к услугам и помощи священника так или сяк обращаются. Будь то свадьба, помолвка, похороны или отпущение грехов.

– Конечно, богослужение в большом городе, метрополисе, таком как Лондон, естественно, носит больше блеска и торжественности, чем служба в более скромной провинциальной церкви или часовне.

– Не стоит сравнивать достоинства и недостатки храмов Божьих. Где бы вы не отправляли свои службы – это всегда будет делом богоугодным и святым, – ответил Эдмунд. – И неважно, какую кафедру вы занимаете – будь то Собор Парижской Богоматери или скромная деревенская церквушка. Не ищите в большом городе большей морали! Все зависит от пастыря божьего и святости прихожан, желающих приникнуть к роднику истинной веры. Хороший проповедник всегда поведет за собой людей, свято верующих или надеющихся на благодать Господню. Но не всегда золотые ризы привлекают толпы паломников... Главное... в откровении, в беззаветном служении Богу. Вот зачем в церковь идут люди.

– Конечно, – искренне согласилась тихо подошедшая к молодым людям Фанни.

– Ну вот, – засмеялась мисс Кроуфорд, – мисс Прайс вы уже убедили своим пламенным выступлением.

– Надеюсь, что вскоре мне удастся изменить и ваше отношение к духовенству, мисс Мэри, – улыбнулся Эдмунд.

– Никогда в жизни! Я до сих пор не могу понять, зачем вы выбрали эту стезю! Передумайте, пока еще не слишком поздно. Вы можете стать выдающимся адвокатом или судьей.

– Легко говорить... Можно подумать, что выбирая жизненный путь, так же легко пройти по нему, как, например, на прогулку по этому чудному парку. И не надо убеждать меня, что лечить души людей с помощью религии легче, чем карать их тела с помощью правосудия.

Наступила пауза... Каждый думал о своем. Первой тишину нарушила Фанни.

– Мне даже удивительно, что я устала от такой прогулки по чудесному парку, – произнесла она. – Хорошо бы было отдохнуть на одной из этих прекрасных полянок. Если нам попадется скамейка по пути, я хотела бы немножко посидеть.

– Милая Фанни! – вскричал Эдмунд, беря ее ладонь в свою. – Как же я мог позабыть о том, что вам необходим хотя бы короткий отдых. – С этими словами он галантно предложил другую руку Мэри.

– Спасибо, но я совсем не утомилась, – ответила мисс Кроуфорд. Тем не менее она не отказалась принять протянутую руку Эдмунда и в глазах ее мелькнула теплота и благодарность.

– Никогда не думал, – заметил мистер Бертрам, – что прикосновение женской руки может быть столь сладостным (Он напрочь забыл о идущей рядом Фанни). – Частенько мы прогуливались с приятелями по Оксфорду, но это был променад просто с друзьями. Да, иногда мы ходили, взявшись под руку, но это совсем другое. Трудно описать, что я сейчас испытываю... Вы могли бы повиснуть на моей руке, как угодно, но все равно это было бы как пушинка, как маленькое перышко, слетевшее с крыла птички.

– Я совсем не устала! – воскликнула мисс Кроуфорд, тем не менее не отпуская руки Эдмунда. – И это не менее странно, потому что мы прошли уже, наверное, не меньше мили.

– Да мы, скорее всего, и полмили не одолели, – твердо произнес мистер Бертрам. Прогулка в столь приятной компании не давала ему повода думать ни о расстоянии, ни о времени.

– Кстати, мы не прошли и половины парка, – возразила Мэри. – Просто мы идем не прямо, а постоянно петляем, да и действительно, лес стоит того, чтобы по нему прогуляться.

– Когда, на подъезде к парку мы осматривали его, он показался совсем небольшим. Помните, там есть большие железные ворота, которые ведут прямо к аллее, что прорезает весь парк? Если бы мы пошли по ней, наше путешествие было бы куда короче.

В Мэри взыграл дух противоречия, столь свойственный ей.

Она сварливо заметила:

– Не мешало бы иметь компас для прогулки по этим дебрям! А то мы все кружим, кружим, кружим...

– Не прошло еще и четверти часа, как мы здесь гуляем, – сказал Эдмунд, взглянув на свой хронометр. – Неужели вы думаете, что мы несемся как призовые лошади? – улыбнулся он.

– Часы для меня не указ, – высокомерно произнесла Мэри. – Они вечно – то спешат, то опаздывают...

Пройдя еще несколько шагов, вся группа вышла к аллее, которая заканчивалась ранее описанной железной оградой с воротами. В конце аллеи они узрели долгожданную скамью, на которой все общество и расположилось, с удовольствием вытянув усталые ноги.

Эдмунд, взглянув на утомленную Фанни, заметил:

– Тебе, наверное, в тягость была столь длинная прогулка. Ведь ты привыкла сидеть дома и особо долгих путешествий не предпринимала. Кстати, Фанни, по-моему, тебя не утомляют только прогулки на лошади. – Повернувшись к Мэри, он пояснил: – Мою кузину радует, в основном, верховая езда. Тогда она не так устает.

– Как это жестоко с вашей стороны лишить мисс Прайс прогулок верхом из-за меня на целую неделю! – воскликнула Мэри. – Мне неловко и за вас, и за себя. Обещаю, милочка, что больше этого не повторится.

– Интересно, мне кажется, что вы более обеспокоены, как вы говорите, «несчастной участью» Фанни, чем я сам. Поверьте мне, я сделаю все, что в моих силах, чтобы кузина не считала себя ни в чем ущемленной.

– Неудивительно, что Фанни устала. Ведь мы целый день ходили и осматривали дом, напутствуемые занудливыми объяснениями и описаниями миссис Рашуорт. Это было утомительно даже для меня! Что уж здесь говорить о мисс Прайс!

– Ничего-ничего! – смутилась Фанни. – Сидя здесь в тенишке, глядя на зелень, наслаждаясь свежим воздухом, я быстро отдохну и смогу продолжить прогулку.

Неугомонная мисс Кроуфорд вскочила буквально через минуту.

– Меня утомляет отдых, – сообщила она. – Мне нужно быть постоянно в движении, а то я чувствую себя не в своей тарелке. Честно говоря, мне немного наскучил этот парк, эта железная ограда, эти старые ржавые ворота... Пойду-ка я погляжу, а что там дальше, за ними...

– Ну что ж, мисс Кроуфорд, посмотрите, посмотрите... Я же говорил вам, что мы не слишком удалились от усадьбы. Теперь вы сможете убедиться в этом сами. – С этими словами он встал со скамейки и отправился вслед за девушкой.

– Мы проделали долгий путь, – возразила капризная Мэри. – Я это чувствую, даже не подходя к ограде.

Эдмунд напрасно взывал к справедливости, но это было бесполезно. Взыгравшую Мэри ничто не убеждало. В конце концов, было решено предпринять еще одну прогулку по парку, дабы убедиться в его настоящих размерах.

Фанни поднялась со скамейки, пытаясь уверить Эдмунда, что она уже отдохнула и готова принять участие в новой прогулке. Но кузен и слышать об этом не хотел, заявив, что они с мисс Кроуфорд будут отсутствовать не более получаса, а затем вернуться к ней. Печально присев на скамейку, Фанни прислушивалась к постепенно затихавшим шагам Эдмунда и Мэри и смотрела им вслед, пока те не скрылись за деревьями.

Глава 10

Прошли обещанные тридцать минут, а Фанни так и сидела на скамье в полном одиночестве, думая об Эдмунде и о мисс Кроуфорд. Она удивлялась тому, что ее бросили здесь совершенно одну, и была готова услышать их шаги в любую секунду. Вскоре вдали действительно зазвучали чьи-то веселые голоса, но на тропинке появились совсем не те, кого так тщетно ждала мисс Прайс. Это была мисс Бертрам с юношами – Джеймсом и Генри.

– Нет, вы только посмотрите, мисс Прайс совершенно одна!

– Как же так?

– Что у вас тут произошло?

Вопросы сыпались один за другим, и несчастной девушке не оставалось ничего другого, как честно рассказать все по порядку.

– Это жестоко с их стороны! – возмутилась Мария. Надо было идти с нами. Зря ты предпочла их компанию нашей!

Потом подошедшая троица расположилась на скамье, усадив при этом мисс Бертрам посередине, и они принялись обсуждать прерванную тему. Молодые люди продолжали разговор о наилучшем обустройстве поместья. Мистер Раушорт был более слушателем, чем говорун, особенно с тех пор, как вернулся из имения Смита, где вдоволь нахлебался разговоров на подобную тему. Мистер же Кроуфорд был, наоборот, полон энтузиазма и нескончаем на выдумки – как лучше и как красивее. Казалось, что его энергии нет предела.

Мисс Бертрам, соскучившись, утомившись столь пространными беседами о благоустройстве, подошла к воротам. Она долго и пристально всматривалась в ту часть парка, которая была ими еще не осмотрена. Ржавая решетка скрывала еще неизвестные им красоты старого леса. Ее неутомимая натура тут же, изнывая от любопытства, заставила ее позвать всех присутствующих осмотреть и эту территорию.

Генри Кроуфорд согласился с ней, поскольку сразу обратил внимание на высокий холм, с которого открывался великолепный вид на все владения Раушортов. Но их ждало непреодолимое препятствие в виде ворот, от которых, по рассеянности, Джеймс не захватил ключей.

– Сколько раз я давал себе зарок класть ключи в карман, выходя на прогулку! – сокрушался он. – Но, как видите, и сегодня, как всегда, оставил дома на каминной полке.

– Но мое желание проникнуть туда ничуть не уменьшилось, а наоборот, возросло! – капризно воскликнула Мария.

После некоторого раздумья мистер Раушорт решил вернуться в дом за ключом и немедленно отправился по направлению к усадьбе.

– Ну что ж, по-моему, это был самый лучший выход из положения, – вздохнул мистер Кроуфорд, глядя вслед удаляющемуся хозяину поместья, – ведь мы уже отошли от дома достаточно далеко.

– Да, я вполне согласна с вами, – поддержала его Мария. – Но теперь, когда мы остались одни, вы можете признаться мне честно – вы не считаете, что владения Раушортов находятся в запущенном состоянии, в особенности – сам парк?

– Напротив, я полагаю, что это место уже и без переустройства близко к идеалу. Любые новшества сделали бы его только хуже. А пока что сам парк – это совершенство. Посмотрите, как все вокруг вас словно дышит могуществом и величием нетронутых лесов! Я уверен, что следующим летом, если мне представится случай побывать здесь, я уже не вынесу из этих мест такого прекрасного впечатления, как сегодня.

Мария смутилась, но тут же, взяла себя в руки и произнесла:

– Ну что вы, мистер Кроуфорд, вы просто весьма субъективно смотрите на вещи. Если все вокруг говорят, что Сотертон нуждается в переустройстве, значит, надо прислушаться и

к мнению большинства. Я уверена, что вы не останетесь разочарованы, когда навестите нас через год.

– Вы считаете, что я должен придерживаться мнения большинства? – Генри пожал плечами. – Нет, дорогая мисс Бертрам, мои чувства достаточно хрупки, а память пока что не подводит ни разу. Для меня Сотертон останется навсегда таким, каким я вижу его сегодня.

Наступила пауза. После некоторого молчания Мария продолжала:

– Мне показалось, что вам понравился вид поместья еще издалека, когда мы только подъезжали сюда. К тому же вы всю дорогу о чем-то так мило беседовали с Джулией – на вас было любо-дорого смотреть!

– Правда? Возможно, что так, хотя, признаться, я не помню даже о чем, именно мы разговаривали... Кажется, я рассказывал ей какие-то забавные истории про конюха моего дядюшки. Вы знаете, мисс Бертрам, ваша сестра такая хохотушка...

– Я тоже люблю забавные истории, – ревниво заметила Мария.

– Я знаю, – кивнул Генри. – Но только Джулию легче развеселить, поэтому с ней проще проводить время. Не думаю, что я смог бы развлекать вас глупыми анекдотами во время такой длительной поездки.

– Я считаю, что у меня достаточно чувства юмора, – надменно произнесла мисс Бертрам, – но, в то же время, со мной можно говорить и о серьезных вещах.

– Я в этом никогда не сомневался, – подтвердил Генри. – В некоторых случаях излишнее веселье может быть неправильно истолковано. Однако это не относится к сегодняшнему дню. Посмотрите только, какая жизнерадостная перспектива открывается перед вами!

– В прямом или в переносном смысле? Очевидно, в буквальном. Да, действительно, – согласилась Мария, – солнце светит, шелестит листва, что еще нужно для полного счастья? Но, увы, эти неприступные ворота и старая ограда заставляют меня призадуматься. И я чувствую себя, как птичка, запертая в клетке... – Она вздохнула и направилась к пресловутым воротам. – Что-то уж слишком долго не возвращается мистер Рашуорт. Куда же он запропастился?

– Как жаль, что вы не можете преодолеть эти ворота, – начал Генри. – К тому же, вы наверняка не согласитесь путешествовать дальше без Джеймса. А не то я мог бы помочь вам чуть-чуть, и мы бы запросто оказались по другую сторону этой ограды. Если, конечно, это не запрещено...

– Что значит «запрещено»? – взвилась Мария. – Я пойду туда, куда мне захочется. К тому же, мистер Рашуорт появится с минуты на минуту, так что мы не успеем отойти далеко, и он запросто догонит нас. Вот видите, ничего страшного произойти не может...

– Ну, даже если мы и скроемся из виду, я думаю, мисс Прайс будет так добра и сообщит ему, что мы пошли вон в ту дубовую рощицу на холме, – добавил Генри.

Фанни почувствовала неладное, но не в ее силах было предотвратить это.

– Не надо этого делать, – встрепелась она. – Мисс Бертрам, вы только посмотрите на эту ужасную ограду – какие тут острые прутья! Вы же можете поцарапаться, если станете перелезать через них, или порвать свое платье. Я вас очень прошу – не надо!

Но пока Фанни произносила эту речь, Мария при помощи Генри уже оказалась по другую сторону ограды и, улыбаясь, весело прокричала:

– Спасибо за участие, моя дорогая, но я цела и невредима, как, впрочем, и мое платье. Еще раз благодарю за заботу и прощай! Увидимся чуть позже.

Итак, Фанни снова осталась одна. Все, что она только что услышала, было ей крайне неприятно. Она искренне удивлялась поведению мисс Бертрам и сердилась на Генри. Они почему-то направились к дубовой роще не по прямой просторной аллее, а окольным путем, и через некоторое время скрылись из виду за деревьями. Несколько минут до слуха Фанни доносилось лишь пение птиц да шелест листьев. Казалось, весь парк сейчас принадлежал ей

одной. Она даже подумала, что и Эдмунд с Мэри ушли отсюда куда-то далеко, хотя она пыталась отбросить эти мрачные мысли. Нет, кузен не мог так жестоко поступить с ней!

Но вот опять слышались шаги, и Фанни оглянулась в надежде увидеть мистера Ращуорта с ключом от ворот. Но на этот раз вместо него появилась Джулия. Она торопливо шла по главной аллее и, запыхавшись, опустилась на скамью. Увидев Фанни в полном одиночестве, Джулия в удивлении приподняла брови:

– Вот это да! А где же остальные? Мне показалось, что мистер Кроуфорд и моя сестрица направились именно сюда!

Фанни пришлось снова все объяснить.

– Ну и дела! – не переставала изумляться Джулия. – Что-то не вижу я их отсюда... Впрочем, они не могли далеко уйти. А я перемахну через эту ограду даже без посторонней помощи, – хвастливо заявила она. – Уж если Мария смогла, то я и подавно...

– Но, Джулия, – попыталась урезонить кузину Фанни, – давай лучше подождем мистера Ращуорта. Он вот-вот должен прийти сюда с ключом!

– Ни за что на свете! – сердито воскликнула Джулия. – Еще чего не хватало! Меня уже тошнит от этого семейства. Если хочешь знать, я только минуту назад сумела отделаться от его любезнейшей матушки. Я чуть с ума не сошла от ее глупой болтовни. Тебе хорошо рассуждать – ты тут сидела себе на скамеечке в тени и отдыхала. А попробовала бы ты вынести хоть пять минут общества этой старой ведьмы, так нет ведь! Все невзгоды и страдания опять на мою шею!

Это замечание было таким несправедливым, что Фанни от обиды закусил губу, но тем не менее промолчала. Она понимала, как сердится сейчас ее кузина, как она раздражена, и поэтому решила оставить ее в покое, задав один-единственный вопрос:

– А ты не видела мистера Ращуорта?

– Видела, конечно, он летел к дому, как угорелый. Однако, заметив нас, на секунду остановился и сказал, куда он мчится и зачем, добавив, что вы тут все на скамье. Вот я и прискакала к вам, как ненормальная.

– Жаль, что пришлось так беспокоить его...

– Ну, это уже проблемы Марии, – решительно заявила Джулия. – Лично я не собираюсь даже думать о его благополучии и спокойствии. От его матушки я не могла отделаться из-за уважения к ее возрасту, пока наша говорливая тетюшка щебетала о чем-то с экономкой, но уж от общества сына меня, пожалуйста, увольте!

С этими словами она ловко перелезла через забор и быстро зашагала вперед к дубовой роще, даже не ответив Фанни на вопрос, не встретились ли ей на пути Эдмунд и мисс Кроуфорд. Впрочем, у мисс Прайс не оставалось времени переживать о том, как долго отсутствовали эти двое, потому что уже через пять минут на аллее появился и сам мистер Ращуорт с ключом от ворот. Увидев его, Фанни задрожала, представив себе, что именно предстоит ей сейчас поведать ему.

Только теперь она поняла, что вся компания просто воспользовалась ею и оставила ей самое трудное – каждый раз объясняться за поступки других. Как можно спокойнее, мисс Прайс рассказала Джеймсу обо всем, что произошло. Некоторое время он стоял перед ней, как громом пораженный. Фанни видела, что он растерян и огорчен, словно не хотел верить ее словам. Потом он подошел к воротам и несколько минут просто молча смотрел на них, не зная, как поступить дальше.

– А меня попросили остаться здесь, – робко добавила Фанни. – Моя кузина Мария велела сказать, что они ушли вон туда – в дубовую рощицу. Там вы их и найдете... – Она немного помолчала и добавила: – Или где-нибудь рядом.

– Что-то мне расхотелось идти туда, – нахмурился мистер Ращуорт. – Я их не вижу, а пока доберусь до того холма, они уже переместятся в другой лесок... И вообще, мне кажется, за сегодняшний день я и без того достаточно находился. Пора отдохнуть и мне.

И он сел на скамью, рядом с растерявшейся Фанни.

– Мне очень жаль, что все так получилось, – участливо произнесла девушка. Ей хотелось утешить его, сказать что-то обнадеживающее, но слова почему-то не шли в голову.

– Мне показалось, что они дождутся меня, – после небольшой паузы заметил Джеймс.

– Мисс Бертрам подумала, что вы пойдете за ними и быстро их нагоните.

Они помолчали.

– Скажите, мисс Прайс, – снова начал Джеймс, – а что все находят в этом мистере Кроуфорде? По-моему, ничего особенного в нем нет. Признайтесь, может быть, вы тоже считаете его каким-то замечательным и неповторимым, как и остальные?

– Красавцем его не назовешь, – уклончиво ответила Фанни.

– Красавцем! – усмехнулся мистер Ращуорт. – Такого пигмея! Да он мне до плеча не достает! Просто хляк какой-то. Мне кажется, нам эти Кроуфорды – как пятое колесо в телеге. Мы без них чувствовали себя куда спокойнее!

Фанни тихо вздохнула, полностью разделяя чувства взбешенного жениха.

– Если бы я отказался принести ключ, тогда мне было бы понятно, почему она так поступила. Но ведь я помчался за ним, как только она приказала мне это! – сокрушался мистер Ращуорт.

– Я вполне с вами согласна, – участливо заметила Фанни. – Ведь я все видела и слышала сама. Вы пошли к дому сразу же, но только до него все же долго идти. Понимаете, когда ждешь чего-то, то время тянется гораздо медленнее, и каждая минута как бы превращается в целые пять...

Джеймс снова подошел к воротам.

– Проклятый ключ! – в сердцах воскликнул он. – И почему это я его не захватил сразу?

Фанни чувствовала, как негодует Джеймс, как переживает и как корит сейчас самого себя за промашку, и попыталась еще раз успокоить юношу.

– Вы знаете, – тихо произнесла она, – а ведь они направились туда на холм специально для того, чтобы с высоты лучше оглядеть поместье и подумать, как его можно улучшить. А без вашего присутствия это было бы нелепо. Возможно, что они и сейчас ждут вас там...

Но, по-видимому, у Фанни были прекрасные способности утешать несчастных. Последнее время она только этим и занималась, ожидая, видимо, что хоть кто-нибудь составит ей компанию. Но получалось как раз наоборот. Да и сейчас мистер Ращуорт, открыв ворота и произнеся: «Ну что ж, раз вы так считаете...» торопливо покинул ее.

Сейчас, в очередной раз оставшись одна, Фанни наконец-то решила действовать. Ей наскучило сидеть на скамье, и она подумала, что будет мудрее пойти навстречу Эдмунду и Мэри и отыскать их самой. И она не ошиблась. Уже завернув за первый поворот, она услышала залиvistый смех мисс Кроуфорд и, пройдя еще несколько ярдов, почти нос к носу столкнулась со счастливой парочкой. Они, как выяснилось, исходили этот парк вдоль и поперек, наслаждаясь прохладой и, наконец, немного притомившись, решили передохнуть, уютно расположившись под могучей старой лиственницей. Во всяком случае, так они сказали Фанни. По всему было видно, что они прекрасно чувствовали себя в обществе друг друга и поэтому как-то забыли о времени.

Правда, Эдмунд тут же добавил, что он постоянно вспоминал о Фанни и несколько раз порывался вернуться за ней, да только знал, что ей надо отдохнуть, и таким образом, благие намерения оставались только намерениями. В результате получилось, что Фанни просидела на скамье целый час. Теперь она испытывала лишь горькое разочарование и досаду от этой прогулки. Тем более, что у всей компании оставалось мало времени до обеда, поэтому было решено возвращаться в дом.

Больше всех наслаждалась визитом к Ращуортам миссис Норрис. Все неприятности, которые пришлось пережить ее племянницам в тот день, были ей неведомы. Миссис Норрис

с удовольствием осталась возле дома и за время отсутствия молодежи успела подружиться с экономкой. Впрочем, она не особенно и стремилась путешествовать по дикому парку. Вместо этого она понаблюдала за фазанами и так расхваливала хозяйство Рашуортов, что экономка провела ее и в домашнюю сыроварню, угостив вкуснейшим домашним сыром и открыв некоторые секреты приготовления этого лакомства.

А как только Джулия умчалась в парк, миссис Рашуорт познакомила ее и со своим садовником. Тот буквально влюбился в тетушку Норрис после того, как она начала хвалить его способности и умение. А когда он рассказал ей о больном внуке, и миссис Норрис обещала достать ему амулет от лихорадки, старик так растрогался, что даже подарил ей несколько редчайших саженцев превосходного вереска.

После этого миссис Норрис и миссис Рашуорт вернулись в дом, где продолжили беседу, уютно расположившись на диванчике и дожидаясь появления молодежи, чтобы сытно отобедать всем вместе.

Постепенно в дом вернулись и остальные. Фанни невольно наблюдая за счастливыми парами – мисс Бертрам и Генри, Эдмундом и мисс Кроуфорд, не могла не отметить, что все-таки кроме нее были и другие «пострадавшие» за этот день. Джулия за обедом больше помалкивала, а мистер Рашуорт сидел такой расстроенный, что Фанни снова захотелось подбодрить его и вернуть всей компании хорошее настроение.

После обеда подали кофе и чай. Однако времени оставалось мало, и пора было возвращаться домой. Миссис Норрис и тут успела подсуетиться. Она так долго распиналась в комплиментах перед миссис Рашуорт и ее экономкой, что последняя, с разрешения хозяйки, преподнесла миссис Норрис несколько фазаньих яиц и весьма увесистый кусок домашнего сыра.

Вскоре к главному входу подали экипаж, и миссис Норрис сразу же заторопилась к дверям, увлекая за собой и всех остальных.

Мистер Кроуфорд подошел к Джулии и, вежливо поклонившись, произнес:

– Я надеюсь, на обратном пути у меня будет та же пассажирка на козлах. Если, конечно, – тут же спохватился он, – вас не страшит вечерняя прохлада.

Джулия, не ожидавшая такого предложения, тем не менее, с восторгом приняла его. Похоже, день для нее заканчивался так же приятно, как и начинался. Правда, это несколько расстраивало планы Марии, но она, тут же, взяла себя в руки. Во-первых, мисс Бертрам утешала себя тем, что, по крайней мере, весь день Генри посвятил именно ей, а не Джулии. А, во-вторых, теперь мистер Рашуорт мог с ней спокойно попрощаться, как и подобало жениху и невесте. Ему, разумеется, было гораздо приятнее усаживать Марию в экипаж, нежели устранивать ее на козлах рядом с ненавистным Генри. Так что и для Джеймса это было небольшим утешением и компенсацией за испорченный день.

– Ну что ж, Фанни, – обратилась к племяннице миссис Норрис, как только экипаж тронулся, – я считаю, что сегодняшний день был для тебя настоящим подарком. Только подумай! Сплошное наслаждение с утра до вечера! Об этом только мечтать можно. И все благодаря твоей тетушке леди Бертрам и мне.

Мария, снова услышавшая с козел веселый хохот Джулии, беседовавшей с мистером Кроуфордом, ехидно заметила:

– Я думаю, тетушка, что больше всех удовольствие от поездки получили вы. И не только моральное... Вот тут стоит какая-то огромная корзина, которая постоянно бьет меня по локтю...

– Что ты, милая, – спохватилась миссис Норрис. – Это только саженцы вереска, которые мне любезно преподнес старый садовник миссис Рашуорт. Но если она тебе мешает, я с удовольствием возьму ее себе на колени... Фанни, – тут же обратилась она к племяннице, – возьми-ка лучше ты эту корзину, детка, и еще вот эту, только поаккуратней – тут домашний сыр – тот самый, что мы пробовали за обедом... Я бы ни за что не согласилась принять такой

дорогой подарок, но экономка миссис Рашуорт – миссис Уайтейкер – чуть не расплакалась, услышав мой отказ. Эта миссис Уайтейкер – просто прелесть! И такая наивная! Представьте себе, я спросила ее, принято ли у них за обедами красное, имея в виду, разумеется, вино, а она поняла это по-своему, и тут же отправила двоих служанок поменять белые фартучки на алые!.. Вот так, Фанни, поосторожнее, – руководила движениями племянницы тетушка, – смотри, будь аккуратна! А уж этот сверточек в маленькой корзинке я подержу и сама.

– Что это вы там так бережно устраиваете на коленях? – поинтересовалась Мария, довольная тем, что тетушка так расхваливает поместье ее жениха.

– Это фазаньи яйца, моя дорогая, четыре фазаньих яйца, которые тоже преподнесла мне милейшая миссис Уайтейкер. Она никак не принимала отказа, и мне пришлось захватить и их. Я рассказала ей о своем одиночестве, и она тут же посоветовала мне начать разводить фазанов. Ведь я сегодня просто поражена была этими забавными птицами! Я думаю, это как раз то, что мне нужно. Я велю служанке подложить эти яйца под курицу, и если выведутся птенцы, я выстрою маленький птичник рядом с домом специально для них. Представляешь, какое это будет утешение для твоей старенькой одинокой тетушки! А если все пойдет хорошо, то через некоторое время я подарю несколько фазанов и твоей матери...

Вечер выдался спокойным и тихим. Когда миссис Норрис, наконец, замолчала, больше никто не возобновлял разговора. А что больше принес этот день – наслаждений или разочарований – теперь каждый решал сам для себя...

Глава 11

Какие бы неприятности ни принес тот день в Сотертоне, все же для обеих мисс Бертрам он был куда радостнее тех вестей, что сообщал их отец в письме с Антигуа, которое пришло вскоре после этого. Как приятно было мечтать о мистере Кроуфорде, а вот теперь приходилось еще думать и об отце и о его возвращении в Мэнсфилд! Разумеется, обеих сестер это письмо не обрадовало, тем более, что в нем сообщалось, что сэр Томас вернется никак не позже начала ноября.

Несчастный баронет в своем послании искренне расписывал свою тоску по дому, рассказывал о том, что дела его, кажется, пошли на лад, и что в сентябре он уже отправится в Англию на пароходе.

Впрочем, Марию следовало пожалеть даже больше, чем Джулию, потому что старшей дочери приезд отца сулил и кое-что другое. Ведь вместе с дорогим папочкой она моментально получала еще и мужа. Однако такая перспектива ее пока что не устраивала. Сердце Марии пылало страстью к мистеру Кроуфорду. «Ну что ж, – рассуждала девушка, – до ноября еще далеко, а к тому времени, глядишь, туман и рассеется. Возможно, я охладее к Генри и стану доброй женой для своего избранника. Впрочем, совсем необязательно, что отец вернется в самом начале ноября. Пароходы опаздывают, так что будем рассчитывать примерно на середину ноября. До этого времени остается три месяца, значит, тринадцать недель. А мало что может произойти за тринадцать недель...»

Узнав бы о том, что думают его любезные дочурки по поводу приезда отца, несчастный сэр Томас, наверное, застрелился бы в ту же минуту. Уж никак не мог он ожидать от них такой «преданности» и «любви»! Но его прибытие в Англию волновало душу и сердце не только мисс Бертрам. Была еще одна юная леди, беспокоящаяся о том, когда же вернется баронет.

Мисс Кроуфорд, посетившая Мэнсфилд как-то вечером вместе со своим братом, услышала о новостях, но восприняла их по-своему. Разумеется, она тут же принялась поздравлять всех обитателей Парка с возвращением хозяина дома и была несколько удивлена, встретив равнодушный взгляд обеих сестер Бертрам. Правда, мисс Норрис за чаем немного подробнее рассказала Кроуфордам о письме и на этом тема была исчерпана. Правда, чуть позже, когда, стоя у открытого окна с Эдмундом и Фанни, мисс Кроуфорд наблюдала за закатом, она вдруг повернулась к залу, где сутились обе сестры Бертрам, Джеймс и Генри, расставляя свечи вокруг рося, и как бы невзначай заметила:

– Вы только посмотрите, какое счастливое выражение лица у мистера Рашуорта. А я знаю почему. Он сейчас мысленно уже перенесся в ноябрь.

Эдмунд отвернулся от окна, чтобы взглянуть на счастливого жениха, но ничего не сказал.

– Возвращение вашего отца, мистер Бертрам, наверное, будет самым знаменательным событием года, – шутиливо заметила Мэри.

– Разумеется, – согласился Эдмунд. – Но не только потому, что его не было с нами так долго. Ведь его поездка связана с опасностями. Мы все очень волнуемся за отца, и это вполне естественно.

– И сразу после его приезда произойдет еще несколько приятных и значительных событий, – продолжала мисс Кроуфорд. – Во-первых, свадьба вашей старшей сестры. А во-вторых, принятие вами духовного сана.

– Да.

– Вы только не обижайтесь на меня за такое, может быть, несколько глупое сравнение, – вдруг рассмеялась Мэри, – но мне сейчас почему-то вдруг вспомнились древние языческие герои, которые совершали подвиги вдали от родных мест, а потом возвращались домой настоящими победителями. При этом они буквально не щадили ни себя, ни своих близких, уезжая

куда-нибудь в дальние края. А милые дамы, чтобы угодить богам, не придумав ничего умнее, жертвовали собой ради благополучного возвращения своих избранников. По-моему, я читала об этом в какой-то книге.

– Ну, в нашем случае никаких жертв не предвидится, – серьезно заметил Эдмунд, лишь слегка улыбнувшись для приличия и все еще не отводя глаз от зала, – она поступает так по собственной воле.

– Конечно-конечно! – поспешно добавила Мэри. – Я знаю. Это была только шутка. Я уверена, что мисс Бертрам будет верной супругой, а то, что произошло в Сотертоне – минутная блажь, не более. Но ведь жертвы приносили не только дамы... Вот что я имела в виду.

– Уверю вас, мой выбор профессии такой же добровольный, как и свадьба Марии.

– Я надеюсь, что вы все же не уедете далеко от родных мест после того, как примете духовный сан? – поинтересовалась мисс Кроуфорд. – К тому же ваш отец – весьма влиятельный и известный человек. Наверняка он уже приготовил для вас тепленькое местечко где-нибудь поблизости? Ну-ка, признавайтесь!

– И вы думаете, что я обязан воспользоваться этим, если, конечно, мой отец действительно подберет мне такое, как вы выразились, «тепленькое местечко»?

– Уверена, что нет! – воскликнула Фанни.

– Спасибо, кухня, за теплое слово, – сказал Эдмунд и повернулся к мисс Кроуфорд. – Я думаю, что смогу защититься и сам. Возможно, я бы и был рад такому предложению отца. А почему бы и нет? Ведь от того, что я займу место приходского священника по рекомендации, мои способности не изменятся. Поверьте, я вовсе не стал бы зазнаваться только потому, что приход для меня подыскали по просьбе отца. Но даже если все и произойдет именно так, это вы предполагаете, то, во всяком случае, не по моей личной просьбе.

– Это все равно, если сын адмирала пойдет служить во флот, а сын генерала станет солдатом, – заметила Фанни. – Никто не будет укорять их за выбор профессии, в которой их родственники уже обзавелись хорошими связями, что только облегчит молодым людям продвижение по служебной лестнице.

– Не совсем так, – возразила мисс Кроуфорд. – Служба в армии или во флоте, красивая форма и то, как этих молодых людей принимают в свете, делают выбор такой профессии не только желанной, но и почетной.

– Значит, по-вашему, выбор служения пастыря вы считаете предосудительным? Ведь он, на первый взгляд, не дает тех сиюминутных выгод, которые обеспечивают блестящий офицерский мундир, – сказал Эдмунд. – Тем более, что сан приходского священника не обещает какого-либо быстрого продвижения по службе. Люди, обладающие завидным талантом находить общий язык со своей паствой, порядочные во всех отношениях, не могут рассчитывать стать епископом или кардиналом. Всю жизнь они могут посвятить себя служению Богу в скромной роли деревенского священника.

– В таком случае ему придется влачить довольно жалкое существование, если он будет лишен средств и протекции со стороны родственников или знакомых, – заявила мисс Кроуфорд.

– Такая участь поджидает многих священников, – согласился Эдмунд. – Некоторым приходится надеяться лишь на доброхотные пожертвования прихожан. Являясь духовным руководителем прихода, без сомнения, человеком уважаемым, он, тем не менее, принимая сан, навсегда отрывается от мирской суеты, блеска балов и общества прекрасных дам. Разумеется, на выбранном им поприще его не ждут ордена, фанфары и восхищение общества. Тем более, такое служение людям, я считаю, намного труднее и благороднее. Ведь он поступает так по зову сердца, ничуть не заботясь о материальных выгодах, которые ему может принести его должность.

– С другой стороны, – заметила мисс Кроуфорд, – о священниках, во всяком случае, о большей их части, закрепилось характеристика, как о ленивых, не всегда опрятных бездельниках. В самом деле, ведь кроме проповедей, все его занятия сводятся к обильным обедам, чтению газет, да ссорам с женой. К тому же необходимость постоянно отпускать людские грехи со временем делает его эгоистичным и черствым.

– Наверняка такие священники существуют, мисс Кроуфорд, но далеко не большинство, как вы утверждаете. Впрочем, я уверен, что так бессердечно описывать духовенство вы сами не смогли бы. Наверняка подобные суждения вы слышали от кого-то другого и теперь просто пересказываете мне чье-то мнение. Ведь вы сами не слишком хорошо знакомы со священнослужителями, поэтому откуда вам знать, чем они занимаются после того, как приходят домой? Как вы можете так легко говорить о том, с чем вам лично никогда не приходилось сталкиваться в жизни? Скорее всего, вы слышали подобную чепуху, сидя за столом в доме своего дядюшки.

– Я выразила только мнение большинства, а оно, как правило, бывает верным. Не спорю, сама я мало знакома с частной жизнью духовных особ, но то, что мне рассказывали другие, вполне компенсирует недостаток моих собственных знаний о данном предмете.

– Если таково распространенное общественное мнение, то это результат не только незнания, но и кое-чего другого, – улыбнулся Эдмунд. – Что же касается адмиралов, к которым принадлежит и ваш дядюшка, то им приходилось общаться в основном с корабельным священником или армейским капелланом. А им, как известно, по роду окружения, в котором они находятся – среды офицеров и солдат, где царят довольно грубые нравы – то неудивительно, что это наложило свой отпечаток на характер этих служителей божьих.

– Бедный Уильям! – вздохнула Фанни. – Хотя по тому, что он мне писал о своей встрече с в Антверпене с капелланом их корабля, это человек во всех отношениях достойный. – Сказав это, она умолкла, не желая беречь себе душу воспоминаниями о брате, по которому успела очень соскучиться.

– Честно говоря, – продолжала мисс Кроуфорд, – я не так уж часто и принимала участие в беседах за столом, пока жила у дядюшки, а тем более, мне не доставляло особого удовольствия прислушиваться к мнению адмиралов. Но если вы завели об этом разговор, то позвольте мне напомнить, что именно сейчас у меня есть самый близкий пример – ведь я сейчас как раз в гостях у моего родственника – доктора Гранта. Разумеется, это милый человек и в отношении меня он проявляет большое уважение и тактичность.

Да, он прекрасно читает проповеди, и довольно неплохо образован – с этим нельзя не согласиться – но, с другой стороны, я ведь каждый день имею возможность понаблюдать за ним, так сказать, в кругу семьи. И я могу подтвердить, что доктор Грант – самый настоящий брюзга и обжора. При этом он и пальцем не пошевелит для того, чтобы как-то облегчить жизнь несчастным поварам. Зато как он горазд на скандалы, если вкус какого-нибудь блюда ему не понравится! Тут даже и самой миссис Грант достается на орехи! Если быть честной до конца, то мы сегодня с Генри просто сбежали из дома, – такой шум он поднял из-за пережаренного гуся. Несчастливая сестрица должна была переносить эту грозу в одиночестве...

– Я не понимаю, какая связь имеется между духовным саном и скверным характером доктора Гранта, – пожал плечами Эдмунд. – Если он действительно превратился в ворчуна, то это не имеет никакого отношения к его профессии. Я прав, Фанни? – обратился он к кухне.

– Разумеется, – кивнула девушка. – Это, скорее всего, действительно относится скорее к натуре доктора Гранта. Но если он и вправду настолько раздражителен, то представьте себе, сколько бед он смог бы натворить, если бы служил во флоте или в армии, да еще имел в своем подчинении людей. Вот тогда бы он срывал свое зло не только на жене... Но мне что-то не верится, чтобы человек, который так страстно читает великолепные проповеди, призывая ко всеобщей любви, мог, придя домой, тут же превратиться в черта и начать издеваться над женой...

– Да, конечно, – согласилась мисс Кроуфорд, – сразу перевоплотиться из доброго священника в негодяя и зануду невозможно. Но вам не кажется, дорогая мисс Прайс, что при этом вполне доступно каждому смертному с понедельника по субботу быть настоящим «чертом», а по воскресеньем – так уж и быть! – ради разнообразия становиться таким ангелочком? Во всяком случае, лично вам, я не хотела бы, пожелать выйти замуж за миловидного добропорядочного на первый взгляд священника, который всю неделю пилил бы вас и попрекал пережаренными гусями!

– Я думаю, человек, способный поссориться с Фанни или просто накричать на нее, вообще не мог бы читать проповеди, – улыбнулся Эдмунд.

Фанни отвернулась к окну. Мисс Кроуфорд только успела произнести: – Разумеется, Фанни заслуживает лучшей участи, – как всю компанию сестры Бертрам пригласили послушать песню, которую они собирались спеть на два голоса. Мисс Кроуфорд легкой походкой удалилась в зал для того, чтобы аккомпанировать на рояле, а Эдмунд с восхищением смотрел ей вслед, снова и снова удивляясь многочисленным талантам девушки и с удовольствием наблюдая за ее грациозными движениями.

– Как она прекрасна! – заметил Эдмунд. – Ты только посмотри, Фанни, как легко она движется! А сколько в ней чувства юмора, жизнерадостности! И какая она послушная – ведь ее только что пригласили сыграть, а она тотчас готова исполнить любое пожелание тех, кого уважает и ценит! Как жаль, что этой девушке пришлось так много пережить...

Фанни только кивнула в ответ, не смея возразить кузену. Но сейчас она была счастлива хотя бы потому, что он остался с ней у окна, а не заспешил в зал послушать песню. Как хорошо побыть с ним наедине! Фанни смотрела в окно. Девушка набрала полную грудь прохладного вечернего воздуха. На темном небе выступили яркие звезды, и лес неподалеку тихо шелестел, когда легкий ветерок шевелил могучие кроны деревьев.

– Вот где настоящая гармония, – мечтательно произнесла Фанни. – Вот что приносит истинный покой и наслаждение! Только природа является вершиной блаженства. Она оттесняет любое искусство. Даже музыка отступает перед ней. Вероятно, поэзия может немного посостязаться с подобной красотой. Этот парк и успокаивает меня и одновременно наполняет энергией! Когда по ночам я выглядываю в окно, мне начинает казаться, что в мире не существует ни боли, ни печали, и что каждый человек совершенствуется, лишь только он поближе соприкоснется с природой.

– Приятно слышать такие слова, Фанни, – согласился Эдмунд. – Я сам люблю заниматься созерцанием, особенно по ночам. Тут ты, несомненно, права. Я думаю, что те, кто не обладает твоим чувством прекрасного, многое теряют в жизни, и очень многое им становится просто недоступным.

– У меня был очень хороший учитель, – улыбнулась Фанни.

– А у меня – прекрасная ученица... Ты только посмотри, как сегодня сияет Арктур!

– И Большая Медведица тоже... Жаль, что не видно Кассиопеи.

– Для этого нам придется выйти из дома. Ты не испугаешься темноты?

– Ничуть. К тому же мы так давно с тобой не смотрели на звезды вдвоем...

– Да. Но я и сам не знаю, почему так получилось. – Из зала донеслись звуки рояля, через несколько секунд послышались голоса сестер Бертрам. Песня началась. – Постой-ка, – спохватился Эдмунд, – как же я забыл – нас же приглашали в зал...

С этими словами он направился в гостиную, туда, где стоял рояль, и подошел к самому инструменту. Погрустневшая Фанни печально смотрела ему вслед. Когда песня закончилась, она услышала, что восхищенный Эдмунд попросил повторить ее снова.

Фанни посидела у окна еще немного, пока сердитая тетюшка Норрис не прогнала ее оттуда, сославшись на то, что племянница может запросто простудиться и заработать себе насморк.

Глава 12

Итак, сэр Томас возвращался в ноябре, но его старшему сыну пришлось приехать в Мэнсфилд пораньше. Об этом он сообщил в первую очередь егерю, охранявшему дичь, а затем и Эдмунду. В конце августа юный мистер Бертрам появился в поместье собственной персоной – отдохнувший, повеселевший и жизнерадостный. Он принялся рассказывать мисс Кроуфорд о скачках, о своих многочисленных приятелях и бесконечных вечеринках. Но если шесть недель тому назад подобные разговоры хоть как-то развлекали ее, теперь девушка потеряла к ним всяческий интерес и только удивлялась, как это она могла раньше увлечься таким пустым типом и не обратить внимание сразу же на младшего из братьев Бертрам.

Эти беседы не приносили Мэри никакого удовольствия, а наоборот, лишь вызывали ее раздражение. «Как это только мне в голову пришло, что я должна выйти замуж именно за Тома! – рассуждала мисс Кроуфорд. – Да, он, несомненно, красив, ну и что из того? Пожалуй, здесь все его достоинства и заканчиваются. Да и он на меня даже не смотрит, а приходит в гости и беседует только ради приличия. Впрочем, и с моей стороны больше не наблюдается даже простой симпатии... А что из того, что со временем он вступит во владение Мэнсфилдским Парком? Этого слишком мало, чтобы я могла принять его как мужа. Нет, решительно нет!»

Наступал сезон охоты, и это тоже было немаловажной причиной тому, почему Том снова оказался дома. Кроме того, за время его долгого отсутствия в поместье накопились кое-какие дела, которые он должен был решить самостоятельно.

В это же время отбыл в Норфолк и мистер Кроуфорд, без которого там просто не могли обойтись. Он уезжал всего на две недели, как предполагалось, но, сколько тоски и грусти принесли эти четырнадцать дней обеим сестрам Бертрам! Мир словно померк без их любимчика. Джулия не переставала ревновать его к собственной сестре, и даже иногда по вечерам желала, чтобы он не возвращался вовсе.

Сам же Генри в это время прекрасно отдыхал и в перерывах между охотой и нежной дремой подумывал, как бы ему задержаться в собственном поместье хотя бы еще чуточку. Однако скоро такая праздная жизнь надоела ему и, вспомнив милое общество Мэнсфилда, он с радостью отправился в Парк точно в обещанный день к тем, кто уже изрядно соскучился по мистеру Кроуфорду.

Компанию Марии в отсутствие Генри составлял лишь мистер Рашуорт. Но юной леди наскучили его бесконечные разговоры об охоте. Он то хвастался своими исключительными гончими псами, то высмеивал соседей-неудачников, то гонялся за браконьерами, при этом каждый день давая подробный отчет своей невесте о том, как прошла охота – неважно, удачно или нет. Казалось, мистер Рашуорт не понимал, что подобные темы вовсе не интересуют женщин, но он этого не замечал, как и не замечал тоскующих глаз Марии и не слышал ее легких вздохов. А если и слышал, то приписывал их, разумеется, на свой счет.

Джулия, оставшись совершенно одна, чувствовала себя куда хуже. При этом каждая сестра считала себя первой в сердце мистера Кроуфорда. Джулия сделала такие выводы для себя, поговорив с миссис Грант и уловив в ее репликах некие намеки, а Мария – вспоминая ее разговоры с самим Генри. Тем не менее, как только мистер Кроуфорд вернулся, все вошло в привычную колею, словно тот никуда и не уезжал. Генри старался относиться к обеим сестрам одинаково и не выделял ни одну, но при этом был галантен, как всегда, и умиротворение снова овладело Мэнсфилдом.

Фанни была, пожалуй, единственной, на кого никак не подействовало отсутствие в Парке мистера Кроуфорда. Однако после его появления и после всего того, что случилось в Сотертоне, теперь каждый раз, когда Генри находился в обществе сестер Бертрам, она внимательно следила за ними, не скрывая своего недовольства. Она осуждала такое легкомыслие и как-

то раз решила спросить мнение Эдмунда – своего единственного покровителя и доверенного лица во всем Парке.

– Мне просто удивительно, – начала она, – что мистер Кроуфорд вернулся так рано из своего поместья. Ведь он не был там целых два месяца. Как я поняла, Генри очень любит перемены, и поэтому подумала, что после Норфолка он умчится куда-нибудь еще. По-моему, он привык к более веселым местам, нежели Мэнсфилд.

– Ну что ж, его приезд только говорит о том, что он, возможно, начал исправляться, – заметил Эдмунд. – Зато представляешь, как обрадовалась его сестра, увидев брата снова рядом с собой. Она и без того постоянно переживала, что он вечно где-то путешествует или гостит у приятелей.

– А мои кухни, похоже, в нем души не чают! – продолжала Фанни.

– Да, девушкам нравится общество таких молодых людей, особенно их манеры, – согласился Эдмунд. – Мне кажется, миссис Грант уверена, что он поглядывает на Джулию. Я, правда, сам этого не замечаю, но было бы неплохо, если бы они действительно полюбили друг друга. В общем-то, он парень неплохой. Конечно, не без недостатков, но это только потому, что он еще слишком молод.

– Если бы мисс Бертрам не была уже помолвлена, – осторожно начала Фанни, – я бы подумала, что Генри предпочитает именно ее, а вовсе не Джулию.

– Может быть, как раз поэтому, у Джулии сейчас гораздо больше шансов, чем ты, Фанни, предполагаешь. А ты знаешь, в жизни частенько случается и такое, что увлеченный молодой человек начинает выделять сестру или подругу своей избранницы и через некоторое время оказывается, что эта сестра или подруга ему становится гораздо интересней и ближе. К тому же, если бы Кроуфорд почувствовал, что нравится Марии, я думаю, он сумел бы это исправить и сам. Нет, я за нее не боюсь, а то, что случилось в Сотертоне – сущий пустяк. Ее чувства к Генри не могут быть сильными.

Фанни подумала, что ошиблась, потому что уже много лет привыкла доверять Эдмунду и решила понаблюдать за поведением Генри и кузин более пристально. Но тайные намеки и случайные взгляды запутали ее еще сильнее. И хотя теперь она старалась считать, что выбор мистера Кроуфорда пал именно на Джулию, все же что-то тревожило ее душу.

Один раз ей невольно пришлось присутствовать при разговоре на эту тему между миссис Норрис и миссис Рашуорт. Она и рада была бы не слушать эту беседу, но получилось так, что все остальные молодые люди танцевали, и она осталась одна у камина в обществе пожилых дам. Она сидела молча в кресле и ждала появления старшего кузена, потому что именно он должен был по всем правилам пригласить ее на танец.

Это был первый бал Фанни. Но она не готовилась к нему и не ждала этого дня в том восхищении, которое обычно охватывает любую девушку при мыслях о первом бале. Нет, все было очень скромно. После обеда в поместье пригласили скрипача, и вместе с ним, миссис Грант и новым приятелем мистера Бертрама, который приехал в Мэнсфилд погостить, набралось пять пар.

Правда, Фанни была даже счастлива и от этого и танцевала с огромным удовольствием. Ей было жаль терять даже четверть часа, сидя у камина. И вот, наблюдая за танцующими, и, время от времени, нервно поглядывая на входную дверь, ей пришлось невольно стать свидетельницей следующего диалога:

– Мне кажется, мэм, – начала миссис Норрис, поглядывая на танцующих мистера Рашуорта и Марию, – что я вижу тут в зале весьма счастливые лица.

– Да, мэм, я вполне с вами согласна, – ответила миссис Рашуорт, жеманно улыбаясь. – Сейчас они снова не могут оторвать взгляд друг от друга. Как жаль, что им все равно придется, пока что, расстаться, таковы традиции. Я представляю, как хотелось бы моему сыну позабыть о них!

– Возможно, мэм. Но Мария прекрасно воспитана и не позволила бы себе никогда ничего лишнего. Это, к сожалению, не так уж часто встречается среди нынешней молодежи... Нет, вы только посмотрите на ее лицо, миссис Рашуорт, она просто сияет от счастья! А два танца назад ведь была совсем другой...

Мисс Бертрам действительно выглядела превосходно, глаза ее блеснули, на щеках появился румянец, она выглядела несколько возбужденной. Может быть оттого, что совсем рядом оказалась Джулия, а в этом танце ее партнером был как раз мистер Кроуфорд?..

Фанни не помнила, как выглядела Мария два танца назад, потому что сама танцевала с Эдмундом, и остальное ей было безразлично.

– Как приятно, что двое молодых людей так счастливы вместе, – продолжала миссис Норрис. – Они словно созданы друг для друга, они как будто две половинки одного целого! Представляю себе, какая это будет радость для сэра Томаса. А что вы думаете, мэм, насчет еще одной пары, так сказать, в плане соединения сердец? Мне кажется, ваш сын подал неплохой пример, а такие вещи у молодежи всегда весьма заразительны.

Миссис Рашуорт растерялась, потому что сейчас не видела в зале никого, кроме собственного сына.

– Взгляните вон на ту пару, – подсказала миссис Норрис, – рядом с мистером Рашуортом.

– Неужели? Мисс Джулия и мистер Кроуфорд. Да, это было бы интересно. Каковы его доходы?

– Четыре тысячи в год.

– Что ж, совсем неплохо, – закивала миссис Рашуорт. – Те, кто не обладает сказочным богатством, должны довольствоваться и тем, что имеют. Четыре тысячи в год... Наверное, у него неплохое поместье, да и выглядит он настоящим джентльменом. Надеюсь, мисс Джулия будет с ним счастлива.

– Ну, об этом пока еще не было даже и разговора, – пояснила миссис Норрис. – Пусть это до поры до времени останется между нами. – Правда, он ухаживает за Джулией так, что скоро о них будет знать вся округа!

Дальше Фанни не слушала, потому что в зал вошел, наконец, мистер Бертрам. Девушка трепетала в ожидании. Вот сейчас он подойдет и пригласит ее на танец...

Том неторопливыми шагами приблизился к камину, но вместо того, чего так долго ожидала Фанни, зачем-то пододвинул к огню еще одно кресло, уселся в него и стал рассказывать кухне о том, как поживает его больная лошадь. Он довольно долго объяснял ей, что думает по этому поводу конюх, с которым он только что беседовал и выразил надежду, что в скором времени его любимая кобыла все же выздоровеет. Фанни не верила своим ушам. Только природная скромность не позволяла ей выразить словами все то, что она сейчас переживала.

После рассказа о лошади Том взял со столика газету и, углубившись в нее, усталым голосом произнес:

– Фанни, если тебе очень хочется танцевать, то я, конечно, пойду с тобой...

– Нет-нет, что-то я слегка притомилась, – пробормотала Фанни, не находя нужных слов, – не надо...

– Вот и хорошо, – он отложил газету в сторону. – Признаться, я и сам уже не чувствую под собой ног. И что только люди находят в этих танцах? Наверное, все влюбились или просто сошли с ума. Ты только посмотри – по-моему, они действительно все по уши влюблены, ну, разве что кроме моего приятеля мистера Йейтса да еще миссис Грант. Несчастливая женщина! Наверное, как и все остальные мечтает завести любовника. Представляю себе, какая тоска жить с этим занудой-доктором! – Фанни прыснула, не в силах сдержаться, потому что доктор Грант сидел чуть поодаль, и, услышав такие слова, побагровел. Заметив его, Том моментально перестроился и, приняв заинтересованный вид, обратился к священнику: – Доктор Грант, как вы

считаете, не странное ли явление – эта Америка? Вы не находите? Я вот до сих пор не могу их понять. Я к вам зайду как-нибудь на днях, и мы потолкуем об этом. Хорошо?

– Том, разве ты не танцуешь? – донесся до мистера Бертрама голос тетушки Норрис. – А раз так, то присоединяйся к нам, мы как раз собирались играть в вист! – Чтобы заполучить племянника в свою компанию, миссис Норрис поднялась с кресла и подошла к нему поближе. – Понимаешь, у нас как раз не хватает пары для миссис Рашуорт. Твоя матушка, безусловно, могла бы сыграть с нами, но у нее осталось еще немного рукоделия на сегодня – она так занята своей бахромой, что и слышать ничего не желает про карты. А как было бы чудно! Я играю с доктором Грантом, а ты – с миссис Рашуорт. Правда, мы играем по полкроны, но с доктором Грантом ставки можно и повысить...

– С удовольствием! – воскликнул Том и тут же вскочил с кресла. – Я был бы так счастлив, составить вам компанию, но, к сожалению, сейчас я танцую с Фанни. Пойдем, – пригласил он девушку, увлекая ее за собой, – хватит сидеть на месте, а то музыка кончится.

Фанни с удовольствием последовала за кузеном, хотя в душе ее остался неприятный осадок. Она прекрасно понимала, что, танцуя с ней, Том всего-навсего выбрал наименьшее из зол.

– Ничего себе предложение! – негодовал мистер Бертрам, лишь только они отошли от камина. – Пригвоздить меня к карточному столу на пару часиков, да еще в таком обществе! Да милая тетушка будет постоянно грызться с доктором Грантом, а я время от времени рассказывать старой карге о правилах игры, потому что она так же разбирается в висте, как и в алгебре. По-моему, моя тетя просто кипит бурной деятельностью, что дает выход ее неумной энергии. А в какой форме она все это преподнесла, ты не обратила внимания? Вроде и отказаться неприлично. Вот это меня в ней больше всего раздражает. Вечно она, то с советами лезет, то с предложениями, то с просьбами, как будто я ей чем-то обязан. Нет, у меня решительно портится настроение после общения с ней. Мне еще повезло – я сумел отговориться. Если бы не ты, Фанни, весь остаток вечера был бы безнадежно загублен. А уж если моя тетушка что решила – она из шкуры будет лезть вон, а своего добьется.

Глава 13

Достопочтенный Джон Йейтс, новоиспеченный приятель Тома, не отличался ничем особенным, кроме пристрастия тратить деньги и одеваться по последней моде. Он был младшим сыном местного дворянина, знакомого сэра Томаса, и последнему приходилось несколько раз встречаться с Джоном. Зная этого прощелыгу, баронет вряд ли бы обрадовался, встретив его у себя в Мэнсфилде.

Том познакомился с Джоном во время своего пребывания в Уэймуте, и там они весьма весело проводили время в одной и той же компании целых десять дней. Молодые люди подружались, если такие отношения, конечно, можно было назвать дружбой, и Том без всякой задней мысли, вернее, скорее из приличия, пригласил мистера Йейтса погостить в Мэнсфилде. Тот, разумеется, согласился и нагрязнул гораздо быстрее, чем того даже требовал элементарный такт. А получилось это потому, что Джон был вынужден распрощаться с компанией еще одного приятеля и ему просто некуда было деваться. Тогда-то он и вспомнил о приглашении мистера Бертрама.

Джон приехал в Мэнсфилд весьма разочарованным. А расстроился он потому, что в гостях, где он до недавнего времени пребывал, хозяева увлеклись домашними постановками и решили разыграть какой-нибудь особенно модный спектакль. В нем была довольно значительная роль и у самого мистера Йейтса. Репетиции шли успешно, но за два дня до премьеры в семействе случилась трагедия – умерла их какая-то родственница. Разумеется, теперь хозяевам было не до развлечений, и самодеятельная труппа распалась.

Можно было понять чувства несчастного Джона. Он был так близок к славе, почти что к бессмертию! О нем могли писать в газетах в течение целого года. Еще бы! Ведь самодеятельные театры стали весьма популярны в Англии, и на них теперь вся общественность обращала особое внимание. И в один день все надежды безвозвратно рухнули. Естественно, переживания мистера Йейтса были настолько сильны, что сейчас он не мог говорить и думать ни о чем другом, кроме как о постановках. Домашний театр – бесконечные репетиции, примерка и подгонка костюмов, заучивание ролей, шутки, всеобщее веселье и приятное ожидание премьеры – все это теперь было в прошлом.

К счастью для Джона, в Мэнсфилде любили театр, особенно молодежь, и отчасти сами были бы не прочь поучаствовать в каком-нибудь спектакле, поэтому мистер Йейтс при всей своей занудливости и однообразии тем для разговора никак не мог наскучить собеседникам. Надо признать, что он так искренне и восторженно рассказывал о репетициях, что пораженные Бертрамы и Кроуфорды сами уже мечтали поставить какую-нибудь пьесу и в Мэнсфилде. Во всяком случае, почти каждый из них уже мысленно возомнил себя актером или актрисой. А почему бы и в самом деле не испытать себя на этом поприще?

Джон сказал, что его друзья предполагали поставить пьесу «Обет возлюбленных», где ему выделили роль графа Касселя.

– Роль в общем-то не самая выигрышная, – признался Джон, – а главное, не совсем соответствующая моему вкусу. Если бы мне предложили выбирать самому, я бы никогда на нее не согласился. Но две другие роли, достойные внимания, были уже расхвачены до меня. Барона играл сам хозяин дома лорд Рейвеншоу, а Фредерика – его приятель-герцог. Правда, лорд Рейвеншоу был готов уступить свою роль мне, но вы, мои друзья, прекрасно понимаете, что я не мог принять такой жертвы от своего давнишнего приятеля. Конечно, мне было его искренне жаль! Он так кривлялся на сцене во время репетиций и корчил из себя какого-то жалкого бедолагу, а не благородного барона, как того требовала пьеса. Разумеется, бедняга переоценил свои актерские возможности. Представьте себе хилого, невысокого человечка с тихим, чуть заикающимся голосом, который к тому же начинал хрипеть и кашлять уже после первых десяти

минут репетиции! Одно это уже ставило под сомнение весь успех нашей постановки. Тем не менее, я гордо отказался и стал разучивать роль графа.

К тому же сэр Генри упорно хотел завладеть ролью Фредерика и постоянно твердил, что герцог с ней не справляется. Но не потому, что тот уж слишком переигрывал, просто лорд Рейвеншоу сам хотел выступить в роли Фредерика, хотя она ему тоже совсем не подходила. Вот уж не ожидал, что сэр Генри начнет просить и кланчить эту роль так долго и нудно. Странно, как ему ее не уступили, лишь бы только он отстал. Слава Богу, что от него мало что зависело в пьесе; его роль попытались сократить так, чтобы ему достался только эпизод, иначе эти двое – и сам хозяин, и его любимый друг-герцог – могли бы все загубить. А вот роль Агаты играла неподражаемая девушка, да и герцог получился в общем-то неплох. В целом мы могли, разумеется, надеяться на шумный успех...

Когда же восторженные слушатели начинали выражать свою досаду и сочувствовали несчастному мистеру Йейтсу, он вздыхал и обычно отвечал так:

– На все Божья воля! Что поделать. Никто не мог даже предположить, что эта престарелая дама вдруг возьмет и отправится к праотцам в самый неподходящий момент. А так как она жила в каком-то захолустье, можно было бы потерпеть еще три денька и не распространять эту печальную новость. Подумаешь, какое несчастье! Всего-навсего три дня. Тем более, что это была какая-то двоюродная бабушка и хоронили ее за двести миль от их поместья. И кое-кто из нашей труппы намекнул об этом хозяину дома, но тот, будучи человеком чересчур честным и щепетильным, наотрез отказался от дальнейших репетиций, и все мы разъехались кто куда.

– Печальный конец вместо веселой комедии! – подытожил мистер Бертрам. – Итак, вместо «Обета возлюбленных» лорд и леди Рейвеншоу были вынуждены вдвоем представлять самую скучную пьесу «Моя двоюродная бабушка и поминки». Ну что ж, надеюсь, наследство, полученное от этой бабули немного скрасит печальное существование Рейвеншоу, раз уж он добровольно лишил себя такого развлечения, как домашняя постановка. Но не переживай, любезный друг, может быть, он немного придет в себя, потренирует легкие и снова сможет репетировать роль барона. А пока что не надо унывать. Мне в голову пришла замечательная мысль. А почему бы нам и в самом деле не попробовать самим что-нибудь в этом же роде? А тебя, дорогой Джон, мы попросим стать нашим режиссером. У тебя, как я вижу, уже есть навыки в сценическом искусстве.

Это было сказано, скорее в шутку, но тут же подхвачено почти всеми присутствующими с восторгом. Жизнь в Мэнсфилде действительно не отличалась разнообразием, и молодежь начала понемногу скучать. А что как не веселая постановка могла пробудить к деятельности молодых людей! Каждый мечтал проявить на сцене свои способности, показать себя в какой-нибудь героической роли и таким образом выделиться среди остальных. Тем более, что в отсутствии сэра Томаса пока хозяином поместья оставался старший из братьев Бертрам, так что ему принадлежало и право решать, что же станет с его задумкой. Итак, фраза, произнесенная вслух Томом, запала в сердце и душу всем присутствующим.

– Если кто-то другой может, то почему и нам не попробовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.